

Ѓртивансен Саварё

ЯНТУШСЕН МИХАЛА ЫВЃЛЁ СПИРККА
СПИРИДОН МИХАЙЛОВ (ЯНДУШ)

Ӧртивансен Сӧварӧ

**ЯНТУШСЕН МИХАЛА ЫВӦЛӧ СПИРККА
СПИРИДОН МИХАЙЛОВ (ЯНДУШ)**

**Шупашкар — Чебоксары
2021**

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3(2=635.1)
Р 60

Хаклавçăсем:

И.В. Софронова, филологи аслăлăхĕсен кандидачĕ, доцент
И.Ю. Кириллова, филологи аслăлăхĕсен кандидачĕ, доцент

Родионов В.Г. (Ăртивансен Сăварĕ).

Р 60 Янтушсен Михала ывăлĕ Спиркка / Спиридон Михайлов (Яндуш): творческий портрет. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. — 92 с.

Кĕнекене сыраканĕн тĕрлĕ сулсенче чăвашла тата ырысла хайланă аслăлăх ёсĕсене кĕртнĕ. Каларама Янтушсен Михала ывăлĕ Спиркка суралнăранпа икĕр сул иртнине халалланă. Халăхăмĕр мухтавлă сыравсин хайлавĕсемпе тата аслăлăх ёсĕсемпе кăсăкланакансем валли.

В книгу вошли научные сочинения автора, написанные на чувашском и русском языках в разные годы своей жизни. Издание посвящено двухсотлетию со дня рождения Спиридона Михайлова (Яндуша). Для студентов и тех, кто интересуется художественными и научными творениями великого чувашского писателя и ученого.

На обложке: портрет С. Михайлова (Яндуша), нарисованный Н.Г. Егоровым (ЧГИГН) (1 стр.); медаль С. Михайлова (Яндуша) «За успехи в изучении родного края» (учрежденная ЧНАНИ), освящение мемориальной стелы в родной деревне С. Михайлова (Яндуша) (4 стр.).

УДК 821.512.111.0
ББК 83.3(2=635.1)

© В.Г. Родионов, 2021

КҮРТЁМ СЌМАХ

2021 сҮлхи сёртме уйахён пусламашёнче эфир Рожансен Йаван Ермейё (Е.И. Рожанский) суралнаранпа 280 сҮл иртсе кайнине палартрамар, сак палла сыннамара хисеплесе сёртме уйахён пусламашне чаваш кёнекин кунё тесе калама йышантамар, ана сҮлсерен уявласси пирки каласрамар. Каҫсалах, 2021 сҮлхи раштаван 28-мёш кунёнче, Янтушсен Михала Спиркки (Спиридон Михайлов) суралнаранпа та 200 сҮл ситрё.

Мёнке тивёснё-ши сак икё паттар пётём чаваш халахён хисепне? Кармаш чавашё Ермей Рожанский (1741—1813) — чаваш чёлхин чи малтанхи грамматикине сырса калараканё, кивё сырулаа йёркелекенё тата ырасларан кусарса чи малтанхи чавашла кёнекене кун сҮти параканё. Сак ысё пысак ёсшён ана чавашсем ёмёр-ёмёр асанса пуранёс. Янтушсен Михала Спиркки (Спиридон Михайлов, 1821—1861) вара чавашан илемлё литературипе аслаалахне никёслесе аталантарма вай-хал ситернё, чаваш ятне Рассей талкаашёнче сарна, чаваш пулнипе манасланма пултарна сын. Сармас-чаваш сёресене ырассем ыраспа килсесён пёрремёшсем харсарлаа катартни пирки телёнсе те хавхаланса сырнине аса илер-ха: «Чёрем хампа каласма пусларё: курсам, финн (ун чухнехи тёпчевсёсем чавашсене финн-угор чёлхиллё халахсен йышне кёртнё. — А.С.)! Санан таванла халахусем Мускав паттарёсемпе сапашна сак ыранта вёсем ырассем сине хаярран тапанна сёрте халё эсё вёсен иртнё хавачён паларми йёрёсене кана куратан...» («Сёнтёр сарчё»). Юнка чавашё сырнисене вал кёлетки-кулёпипе кана мар, асё-анёпе те хаватла пулнине, хайён вайне шанса танине сиссе-туйса вулатпар. Тёре-шарана сунтарать, чаваша пусмарлакансене саламатпа саптарать пирён Спиркка: чан-чан чাপаркка!

Православи тёнён вёрентёвёсене чавашла кусарас ёс пёчёккён-пёчёккён чиркусенче чавашла ўкётсемпе кёлёсем калас, шукулсенче ачасене чавашла вулама тата сырма вёрентес ёс енке савранса пырать сак тапхарта. 1857 сҮлта С. Михайлов (Янтуш) «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей» ятла статья сырса ырас географи ушканне ярас парать, лерисем ана Халаа сҮт ёсён министрлаахне асатассё... Шёл пулин те, сав аслаалаа ёсё кун сҮти курмасараа сҮхалать. В.Д. Димитриев

Вид на Богоявленскую церковь (начало XX в., из коллекции «Художественно-исторического музея им. А.В. Григорьева», г. Козмодемьянск). «Дом купца Михеева стоял почти рядом с приходской Богоявленской церковью, в которую я любил ходить к божественной службе в воскресенье и праздничные дни. В молитвах просил господа бога не оставить меня в прискорбной моей жизни, просил открыть мне познание святого закона...»
С. Михайлов (Яндуш), 1860

сырнипе килёшүллён, Янтушән пичетленмен статийинчи уйрәм
шухайсемпе чылай сын уса курнә. Сәмахран, Ильминскипе
Золотницкин вёренү тытәмә чи малтан тән тата кәмәл-сипет
төлөшөпә ёслемеллине шута илнө. Ҙак шухайша Спиридон Михайлов
1856—1857 җулсенчех каланә, чәваш ачисене сырма-вулама та,
чиркү юррисене юрлама та, хайсене лайях тытма та вёrentмелле
тенө. Кайран җак меслетпә ёсleme чәваш шукулёсенче чи малтан
Н.И. Золотницкий пуслать. Чиркүсемпе шукулсенче ачасен таван
чёлхипе уса курмалли пирки те Ильминскичченех каланә.
Ҙыраканө каллех Янтушсен Михала Спиркки пулнә. Ваттисем
сәмах мехелө сынран сынна, ламран лама кусса пырать теҗсө.
Ермей Рожанский акнә чечек сыпә сүмне сыпә хушса ситёнчө,
җавна пула Спиридон Михайлов пултарулахө җөске җурма пултарчө!

ЯНТУШСЕН МИХАЛА ЫВЉЛЁ СПИРККА (1821—1861)

Славянѣсем тата малтанхи чăваш тёпчевсисемпе ҫыравсисем

1852 ҫулхи кӑрлачӑн 15-мӑшӑнче Чикмере (Козмодемьянска) пурӑнакан С. Михайлов (Янтуш) «Хусан кӑпӑрне хыпарӑсем» хаҫата черетлӑ статья ярса парать. Унӑн вырӑсла ячӑ ҫапла илтӑнет: «Верноподданническая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым». Ҫак хайлава чăваш ҫыравҫи хайӑн вырӑсла ҫырнӑ сӑввине те кӑртнӑ пулнӑ. Унта вӑл Кай енпе (Запад) Русе (Мал ене) хирӑҫлетсе пӑхать, Раҫсейри халӑхсем ҫўлти Турӑпа ҫӑр ҫинчи хуҫасене (ӑмпўсене) савни-юратни ҫинчен калать (чăвашла Артивансен Сăварӑ куҫарнӑ):

Европа ҫынни вӑреннӑ те чаплӑ!
Эпир, чăвашсем, курмастпӑр сана.
Умра пирӑн пур пӑртен пӑр савӑплӑ
Ӗмпӑве савакан Рус кӑна.
Мӑнаҫлӑ Кай ен ачи-пӑчи, курӑр!
Ӑнланӑр Русри сухаҫа:
Епле уншӑн хаклӑ пӑр Турӑ
Тата ҫӑр ҫинчи Мӑн хуҫа...

Ҫак сӑввӑн тӑп шухӑшӑ, хавхи (пафосӑ) Раҫсейри общество шухӑшӑн ҫав ҫулсенче анлӑ сарӑлнӑ пӑр юхӑмӑпе — славянѣсемпе — тачӑ ҫыхӑннӑ. Малалла ун пирки тӑплӑнрех калаҫма тивет, юхӑм еплерех пуҫланса кайнине те аса илмелле-тӑр. XIX ӗмӑрӑн 30-мӑш ҫулӑсенче Раҫсей интеллигенцийӑ Гегель философийӑпе хытах кӑсӑкланать, нимӑҫ ӑсчахӑн ӗҫӑсене халӑх хушшинче сарма пуҫлат. Вӑсенче тӑпре *пӑтӑм тӑнчери чӑм* (всемирный дух) ҫинчен вӑрентни пулнӑ. Ҫав философ ӑсланӑ хутлӑ-хутлӑ анлӑшра чи ҫўлте (малта) Европа чӑмӑ, чи аялта (кайра) Ази чӑмӑ пулнӑ, ку вӑл Европа тӑнче кӑвапи тенипе (европоцентризм) килӑшсе тӑнӑ. Славянсен чӑмӑ вара ҫак икӑ хире-хирӑҫле ен хушшинче тӑрса юлнӑ. Тӑнче цивилизацийӑн историйӑнче славянсене ҫапла кая лартни вырӑс интеллигенцине пачах та килӑшмен, вӑсене Европа ҫыннисемпе пӑр пек картманни хытах кўрентернӑ.

Гегель вӑрентӑвне ӑша хывнисен пӑр пайӑ Раҫсейӑн тӑнче историйӑнчи вырӑнӑ пирки шухӑша путать, ҫӑнӑ шухӑш тӑвӑлентерсе ӑна философи шайне ҫӑклет. Вӑсем «пӑтӑм тӑнче чӑмӑн

пуласлахё славян халахёсенче» текен шухаша мала лартафсё. Халиччен малта пынă, аса тёпе хунă Кай ен вырăнне малашне туйама тёпе хуракан Мал ен (савалпă Рус) йышăнмалла имёш. «Всемирную судьбу России — Нет, Вам ее не запрудить!» — тесе сырать Ф. Тютчев 1850 сұлта. Пёр сұл маларах хайланă «Рассвет» ятлă саввине те въл сапларах самахсемпе вёслет: «О Русь, велик грядущий день, вселенский день и православный!»

Вырăс интеллигенцийён тепёр пайё Кай еннелле турнăннă, Европа аталанăвён сұлё-йёрё чи тёрёсси тесе шутланă. Ун йышписене каярах кай енёсем (западники) тесе чёнме пулафсё. Вёсен шухашёсене 1843 сұлта Мускав университетчён профессорё Т. Грановский анлă сарнă, уё лекцисем вуланă. Сав каласусенче въл Европана мала лартса пăхнă, Рафсей синчен, Мал ен православийёпе аслахлахё пирки питё сахал каланă. 1845 сұлта С. Шевырев профессор кай енёсене хирёслекен лекцисем вулама пуслать, вёсенче въл вырăс историйё пирки кăна каласать. Славянёсем чи малтан нимёс культурина сивлеме пуёнафсё. Н. Языков савăс хайёнпе пёр шухашлă Киреевский ячёпе авă еплерех савă йёркисем шарсаланă: «Да созреет безопасно / Твой чистый труд и принесет / Он плод здоровый и прекрасный. / И будет сладок этот плод / Всеми Востоку, всем крещеным; / А немцам, нашим господам, / Богопротивным и мудреным, / И всем иным твоим врагам / Будь он противен; будь им тошно...»

1845 сұлтан пулса славянёсен тёп пичечё «Москвитянин» журнал пулса тарать, ана 1841—1856 сұлсенче М. Погодин кăларса тăнă. Сак тёпчевсе чылайашё официаллă халахлах (официальная народность) юхамёнче кăна курма хăнăхнă. Паллă ёнтё, сак юхам 1840—1850 сұлсенче славянёсемпе питё сывах тăнă, вёсене хашёсем (калăпър, Г. Плеханов) пачах та уйърса пăхман. Икё юхамёнчисем те православие мала лартнă, сав хушăрах пёр-ремёшёсем тёне патшалах ёсёсене кўлме хăтланнă, кай енёсем вара тён урлă тытса таракан политикăна мар, халах кăмăл-сипетне тасатас ёсе тумалла тесе шутланă.

Славянёсен обществăпа философи юхамё синчен А. Орлов граф I Микула патшана хай вăхăтёнче акă мён каласа ёнентернё: ку юхам, пёр енчен, Рафсей хăватне фёклеме пулашать; тепёр енчен, унта пурăнакан халахсен наци туйамне ўстерсе ярать. Поляксем поляк, малоруссем (сак ятпа ун чухне Украина сыннисене сапла чённё), малорус пулма тарашёс, тенё.

Граф патшана каланă самахсем чăна тухма пултарни паянхи кун иккёленўсёр. Славянёсен идейисем наци ирёклёхёшён

кёрешекенсене питех те ал май пулнă. Чи малтан ҫак юхăм обществăра культура ирёклĕхне (хăй тĕллĕнлĕхне) йĕркелеме майсем туса парать. Тĕпчевсĕсем наци хăй евĕрлĕхне, унăн аваллăхне шырасĕ. Литературăра наци ҫывавсем ҫĕкленесĕ. Тĕслĕхрен, Украина халăхăн культура хăй тĕллĕнлĕхне тумă Т. Шевченко поэзийĕ чылай пулăшнă. Аслăлăхра ҫав автономилĕхе Ю. Венелинах пулсан темелле. Вăл «Кай ен — Мал ен» тытăма аталантарса «Раҫсей — ытти славянсем (Украина)» антитеза туса хума пулăшнă. Сăмах май каласассăн, унăн икĕ кĕнеки Н. Бичурин ентешĕмĕр кĕнекисен хушшинче пулни палă, ахăртнех, вĕсем литература салонĕсенче тĕл пулкаланă пулас, ҫавăн чухне илнĕ парне темелле ҫав кĕнекесене («Песни задунайских славян», «Древние и нынешние болгары в отношении к россиянам», т. 1).

Славянсăсем ҫутлăх ёҫсенчен тĕрлĕ сăлтава пула пăранса юлнă халăхсене (чи малтан славянсене тата православи тĕнне уякансене) хăвăртах цивилизаци, аталану ҫулĕ ҫине кăларасшăн тăрăшнă. М. Погодинпа ăна ҫывăх вырăс ҫыннисем Раҫсейри вырăс мар халăхсен ҫамрăкĕсене май килнĕ таран пулăшнин тĕп сăлтавĕ ҫав халăх ачисем вырăсланса пуҫпех вырăс пулма пултарассине шаннипе ҫыхăннă. Ҫакăнта вĕсем Раҫсейĕн тĕнче шайĕнчи вайне (Гегель пек каласан, ҫывлăшне) курнă. Чăвашсене юратнă П. Савельев тĕпчевсĕ 1951 ҫулта ака епле шухăш ҫырса хăварнă: «Пройдет несколько десятиков лет, изгладятся и последние следы прежнего быта и языка чувашей, и они сольются с общею семьею русского народа». Ҫав тĕпчевсĕ вырăса тухнă чăвашсене аван пĕлнĕ: Иакинф аттепе (Н. Бичуринпа) хутшăннă, В. Лебедев ҫырнисене Шалти ёҫсен министрлăхĕн (ШЕМ) журналĕнче пичетленĕ, С. Михайлов (Янтуш) патне ҫырусем янă, ăна Вырăс географи ушкăнĕн пайташĕ пулма пулăшнă... Ахальтен-им Юнкапуҫ чăвашĕ П. Савельев ҫинчен ҫаплах йĕркесемпе аса илнĕ: «Так покойный П.С. Савельев не отвергал меня, финна, в своих благодеяниях, а напротив, ласкал, как юношу, любящего святую Русь».

П. Савельев ШЕМ журналĕпе питĕ туслă пулнă, унта ёҫлесе те пăхнă. В. Григорьевпа вĕсем «Северное обозрение» журнал кăларса пăхнă, 1848 ҫулта унта В. Лебедевăн малтанхи очеркĕ («Предание чувашей») кун ҫути курать. Ҫавăнтах бурят тĕпчевсĕн Д. Банзаровăн ёҫсĕм те пичетленесĕ. 1848—1853 ҫулсенче ШЕМ журналĕнче чăвашсемпе бурятсем ҫинчен ҫине-ҫинех статья е очерк пичетленет. Ҫакна пĕтĕмпех П. Савельев тăрăшнине йĕркелесе пынă темелле.

XIX ёмĕрĕн 50-мĕш ҫулĕсен пуҫламăшĕнче аслăлăхри талккăша (пространство) бурят халăхĕ валли Д. Банзаров тĕпчевсĕ ҫĕнсе

илет. Ахальтен мар ёнтё П. Савельев 1855 султа сапла сырма пултарнă: «Блеск примечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели право на большое внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров». Чăвашра сав культура хай тĕллĕнлĕхне 1848—1853 сулсенче сĕнсе илнĕ темелле. 1848 султа чăвашсем сĕнчен харăсах икĕ сын сырма пуслать: Василий Сбоев тата Василий Лебедев. Малтанхи тĕпчевси 1851 султа уйрăм кĕнеке сапса кăларать, иккĕмĕшĕ сав сулсенче Питĕр хулинче ултă очерк пичетлеме пултарать. «Новая ученая аристократия», «юная Чувашия» тесе сырат В. Сбоев, «юная чувашская словесность» тет В. Лебедев. 1852 султа сырса пичетленĕ «Пирĕн телей» савăра (саввăн нимĕсле кусарăвĕ Берлинта 1854 султа, ырăсла кусарăвĕ вара Раçсейре темисе хут та кун сити курать) вăл чăвашăн ытти халăхсен хушшинчи авалхи тата хальхи (1852 сул тĕлĕнчи) ырăнне палăртма тăрăшат. Кунта савăс халăхăмăрăн аваллăхĕпе манаçланни те сук мар. Шел, автор хай вара тĕнчене чăваш ятпа тухма хал ситереймен, очеркĕсенче вăл хай чăваш пулнине пытарнă. Уншăн халĕ апа айăпламăпăр ёнтё, ара, Е. Рожанскирен пусласа мĕн В. Громов таранах пирĕн вĕреннĕ чăвашсем хут сĕнче ырăс тесе сырăннă. Кунта *чăваш* тени ун чухне социаллă пĕлтерĕшлĕ пулнине манма кирлĕ мар. Пачăшка тухнă сын вара тĕн сословие кĕни паллă.

Чăваш ячĕпе малтанласа калаçаканĕ тата сыраканĕ С. Михайлов (Янтуш) пулнă. Ку вăл тўре-шара таврашĕнче ёсленĕ сын ёмĕрĕпех чăваш ялĕн обществинче шутланса тăнинчен те килнĕ темелле ёнтё. Сапах та унăн харкам анĕ (самосознание) ытти чăвашсеннинчен урăхларах пулнине палăртмалла. Хай ялĕнче апа, Европа сыннисен си-пусне тăхăнса сўренĕрен, ырăс ырăнне йышăннă. Хай вара яланах «эпĕ чăваш сыравси» тенĕ. «Теперь трудно ломать натуру, — тесе сырат вăл 1860 султа М. Погодин патне, — да и не должно мне переменять жизнь свою, когда из миллиона чуваш[ей] и черемис я первый еще писатель в России».

«Эпĕ пĕрремĕш» тенине чăваш литературинче XIX ёмĕр варринчен пусласа мĕн паян кунченех илтме пулат. Халăхăмăрăн традицилле культурине тарăн пĕлекенсем сакна кашни чăваш хайне патша ырăнне лартнă тесе калама пултараймĕс. Тупсамне чăвашсем авалтан пуласлăха пĕр татăлмасăр куçакан Вăхăта (линейное Время) мар, ытларах сулсерен таврăнакан Вăхăта (циклическое Время) туйнинче шырамалла. Пирĕн историлле шухăшлав (вăл Европăран килнĕ тесĕ) паян кунченех сирĕпленсе ситеймен-ха. Савна пулах чăваш хайĕн историне,

тăванлăха ҫичё сыпăк таранах пĕлнĕ пулсан та, ашшĕнчен е аслашшĕнчен пуҫлать (хушаматсем те ҫакна лайăх кăтартса парасҫё). Аслашшăн чунё мăнукне куҫать пулсасăн, ҫут ҫанталăк ҫулсерен вилсе чĕрĕлет пулсан, ҫывавҫасене те хайсем ҫёне ҫаврăм умĕнче тăнăн туйăннă ёнтё. Ăнланмалла та чăн чăвашла философи.

Ҫапах та С. Михайлов (Янтуш) «ёпё пĕрремёш» тенинче европалла историлĕх те ҫук мар. Раҫҫейри культура талккăшĕнче вăл чăваш валли малтанласа уйрăм вырăн ҫёнсе илнĕ (кунта ҫамах общество ас-тăнĕнчи талккăш ҫинчен пырать). Ҫакна вырăссем те, ют ҫĕр-шыв ҫыннисем те йышăннă. 1853 ҫулта А. Невзоров критик С. Михайлов (Янтуш) ҫинчен «Москвитянин» журналта тĕрленчĕк-хаклав пичетлет, унта вăл чăваш ҫывавҫи ҫинчен ҫапла ҫырать: «Известно, что чувашаи принадлежат к числу неграмотных наших инородцев, и доселе образованный между ними, а тем более писатель, был неслыханное чудо... в молодом еще чувашском писателе заметно даже умение обращаться с учеными предметами ученым образом, а в «Чувашских свадьбах» он является с русскими стихами». Кунта вăл ҫывавҫа «писатель-самоучка из чуваш[ей]» тесе хак панă. Каярах И. Березин та хайĕн рецензийĕнче ҫапла палăртать: «притом же, как не любопытно познакомиться с первым являющимся на свет чувашским писателем...» Ăна (вырăсла хушаматне кура-тăр) чăваш хушшинче чунне парса вай хунă вырăс просветителё тесе хаклани те тĕл пулать.

Ҫапла вара, пирĕн ҫак таранччен сарăлса пынă ҫыруллă культура талккăшне чăваш ячĕпе чи малтан никам та мар, С. Михайлов (Янтуш) уснă (ҫёнсе илнĕ) тесе хăюллăнах калама пултаратпăр. Ҫакна тума апа ҫав вăхăтри общество юхăмĕсем, чи малтан славянҫасен юхăмĕн идейсем, ёҫё-хелё пулăшнă. Халё Юнкăпуҫ чăвашĕн маларах илсе кăтартнă ҫавви патне таврăнар. Унта славянҫасен куҫёпе пăхса калани, вёсен философине аша хывса шухăшлани кĕретĕн курăнать. Паянхи кун апа ют халăх идейсене кăмăлланахшăн, вырăсланса кайма пуҫланăшăн (хайĕн пирки вăл чăнах та ҫапла каланă) ятлама та пулать пек. Ҫав хушăрах, тепĕр хут палăртатпăр, тĕпчевсё тĕнчене чăваш ятпа тухса тăван халăхăмăр ҫинчен ырă ҫамахсем ҫырни питех те пĕлтерёшлĕ. Каярах кăна, XX ёмĕрте, чăваш ҫывавҫисен пĕр пайё вырăсланса пыраси вай илнĕ майăн ҫапла лару-тăру тўнтере ҫаврăнать. Урăхла каласан, паянхи кун наци ҫывавҫисем ют чĕлхепе хайлама пуҫлани ҫав халăхăн пуласлăхё ҫук тесе калама май парать. Паянхи лару-тăрушăн пирĕн Янтушăмăр пачах та айăплă мар. Вёсемшĕн эпир хамăр яваплă.

Пултаруллахри малтанхи утәмсем, сыравса пуллашаканёсем

Янтушсен Михала ывалё Спиркка (Спиридон Михайлов-Янтуш) Юнкәпуç яләнче (хальхи Чаваш Республикин Муркаш районё) 1821 сұлхи раштавән 28-мёшёнче (кивё стильпе 16-мёшёнче) хресчен кил-йышёнче суралнă. Сыравса хайён ачалахё пирки сапла аса илнё: «Пилёк сула ситсесён хут вёренессишён сунма пусларам. Хам нимён те аңланмастамччё ёнтё, сапах та алла лекнё кёнекесене киленсе пәхма юрататтам... аңсартран хут татки тупсассан вара каҫсах каяттам, чи хакла япалана упранă пек, шаларах чиксе хураттам. Пиллёкре чухнех эпё аттеме хама хулана вёренме яма ыйтса анрататтам, унсаран варттан тухса тарассипе харататтам».

Сичё султах вал кил-терёш таврашёнчи ёсе-пуса сыпәсна, ытларах чухне амашне кёнчеле арласа пуллашнă. Пултарулла ача хут вёренме (вулама тата сырма) сав-савах ёметленнё. Сав ыра ёсе ханăхтарас тёллевпе ашшё ана 1827 султа Чикме хулинче пуранакан купса тусё патне кайса янă. Унта пёчёк Спиркка (килёнчисемпе ял сыннисем Спиридона юратса сапларах чённё) чиркў азбукине тата тён кёнекине вулама ханăхнă. Вёrentме пулна купсан чаваш ачипе аппаланас килмен. Вал ытларах хайён усламёшён хыпса суннă. Хула мешёнёсемпе купса тарссем чаваш ачинчен таташах маҫкалласа кулна. Хулара чаваш ачин пёлурен ытларах кўренў куҫсульне тутанма тивет. Сапах та каласма-сырма вёренсе ситетех вал. 1833 султа пулас сыравса тата тёпчевсё купса суртёнчен пәрахса кайнă та чаваш вуласёсенчи кантур таврашёнче (Мән Шетмёре) ёсленё, тиеке пуллашаканё пулна. Высәллă-тутәллă пураннини пәхмасарах, пултарулла ача хут ёсне хай тёллёнех ханăхнă, висё сул (1839—1841) земство полицийёнче вай хунă.

1842 султан пусласа мён виличченех С. Михайлов (Янтуш) Чикмери земство сучён кусаруҫи пулна. Шәп сав султа Шурча вәрси пулса иртет, унта хутшәннă чаваш пәлхавсисенчен ыйтса сырнă хаш-хаш хутсене вал кусарса пани палла. Тёслёхрен, 1842 сулхи су-сёртме уйәхёсенче тәлмачă 15 айәпланакан чаваш каласа панисене ырасла кусарса парать, вёсемшён алă пусать. Сакна сырнă хут вёсне вуласан пёлме май пур: «К сему подтвердителъному показанію вместо значущихъ в немъ людейъ пятнадцать человекъ за неумениемъ ихъ грамоте по личной ихъ просьбѣ Козмодемьянскаго земскаго суда указныи переводчикъ Спиридон Михайловъ руку приложилъ».

Халәхәмәр вёренменни, алә пусма та пёлменни сирёмри чаваш яшне чылаях шухайша путарнә. Савна пулах чылайайшә хайсене хутёлеймен, мёскённён курәннә. Чаваша сав сулсенче малалла кайма чәрмантарақан тәп сәлтав вәл вёренменнинче пулнине Спиркка питё лайях әнланнә. Унән Мётри пиччәшә хайён мәнукне сәпла каласа панә: «Чаваш сәмрәкёсем хут пёлменни Спирккана питё тарәхтарнә. Пёррехинче вәл яла хай сырса картгинсемпе илемлетнә чавашла букварь, хут, кәранташсем илсе килнә те ашшә киләнчех кұршәри висә ачана тата хайён шәллёне вулама-сырма вёрентме тытәннә. Халәх хушшинче вара әна “Спиркка шукулё” тесе сәмах сарнә. Чаваш ачисем кёнеке вулама вёреннине итлеме кұршә-аршәсем те темён чухлех пустарәннә, сәвара карса итленнә...» «Спиркка шукулёнче» вёренекенсем каярах хайсен вёрентекенне халәх сәвви-юррине пустарма пулайшнә, ялти хурал пұртёнче ватәсене черетпе кёнеке-хаçат вуласа панә. Сыравсә чаваш ачисене шукулсенче ытларах вёрентессишён суннә. Вәл пулайшнине Чикмере икә чаваш ачи әс пухнә иккен, кайран вёсем шукулсенче ёсленә.

С. Михайлов (Янтуш) мён пёчёкренех кёнеке вулама юратнә тенёччә маларах. Купса патёнче пурәннә малтанхи сулсенче вәл тён кёнекисенчен ытла нимён те вулайман, ситённә май илемлә литературәпа, историпе, этнографипе интересленме тытәннә, земство сучён архивёнче кивә хаçатсене вуланә, сёнә хаçат-журнала сәнаса тәма пусланә. «Книги мне казались божеством, а буквы в них — драгоценностью, — тесе сыраты вәл автобиографилле очеркёнче. — Грамотность ценил я выше всего». Хай сырнипе килешүллён, чавашсен аслашшёсем Атәл си пәлхарсем пулнә текен шухайш унән Н. Второвән «Памятники древности в Казанской губернии» статийине суд архивёнче упранакан «Хусан кёпёрнин ведомосёсем» хаçата вуланә хысçән тевёленнә. Каярах вәл сәк шухайша хайён очеркёсемпе калавёсенче те сирёплетме тәрәшнә.

1852 султа сыравсә сине-синех очерксем сырса пичетлет: «Балдран базар в Козьмодемьянском уезде» тата ыт. те. Сав очерксен йёкёрешёсем пур — диалога тәпе хунә ремаркәллә каласусем. Вёсене автор очерксем валли материал пустарнә май, очерксен тәп шухайшне куç умне кәларса тәратакан ўкерчёксем урлә, хальхи вәхәтра пулса иртекен ёс пек әсталанә. Вёсенчен хашшә-хашшә пёчёк сценка евёрлә пулса тухнә, пысәкраххисене вара кёске пьеса тесе хакламалла. Кунта акә мён кәсәк: чаваш халәхён вай-халә, хавхи илемлә пултаруләхра та чи малти вырәна каласа парассине мар, ўкерсе, сәнласа кәтартассине лартнә. Ахальтен

мар ёнтё ватам ёмёрсенче чаваш фольклорёнци пулама, калава тёпе хуракан паттърлӑх эпосё вырӑнне йӑла-йӑркепе унӑн поэзийё чечекленнӑ. Сак уйрӑмлӑх С. Михайлова хайён очеркёсене хальхи вӑхӑтра пулса иртни пек сырма, вёсенче каласа панисене диалог мелёпе йӑркелеме хистенӑ. Сав вӑхӑтрах вӑл кашни диалоглах каласа, ӑнлантарса пани те кирлӑ тесе шухӑшланӑ-тӑр. Ахальтен мар ёнтё сыравсӑ халӑхран сырса илнӑ «Чи-чи, кӑсӑя» сӑвва хай евӑрлӑ ӑнлантарса пама пултарнӑ, унта тӑпре аллегорилле, вӑлтса калани пулнине палӑртнӑ. Акӑ сав юрӑ сӑмахёсем:

- Чим-чим, кӑсӑя,
- Ста каятӑн, кӑсӑя?
- Кантӑр вӑрри сӑмашкӑн.
- Е хоҫи қорсассӑн?
- Чӑрш тӑррине хӑпарӑп.
- Чӑрш тӑррине тарсассӑн
- Онта мӑн сийӑн?
- Чӑрш йӑкеллине онта ларса сийӑп.
- Е пырна ларсассӑн?
- Чавӑп та кӑларӑп.
- Е йон йохсассӑн?
- Шува кайӑп та тасалӑп.
- Е шӑнса кайсассӑн?
- Вот хорӑп та ӑшӑнӑп.
- Е ору пиҫсе кайсассӑн?
- Тимӑрҫе кайӑп та сыптарӑп.
- Е тимӑрҫӑ килте полмасассӑн?
- Вара хӑрах орапа сиксе сӑрӑп.

Автор юрӑ сӑввинчи йӑркесене тӑплӑн ӑнлантарса парать. Кантӑр вӑрри патне каякан сын ют арӑма ернӑ сынна, хоҫи вара сав арӑм упӑшкине пӑлтерет иккен. Чӑрӑш тӑррине хӑпарни вӑрманна тарнине, чӑрӑш йӑкелӑ сини вара вӑрманни кураксене пӑлтерет иккен. Пыртан чавса кӑларни — хуса кӑларни, шыва кайса тасални — Турӑ сӑлни, шӑнса кайни — Турӑ пулӑшманни. Вут патӑнче ӑшӑнни — ыра сын пӑрахманни. Тимӑрҫе сыптарни — тарӑса кӑрӑшни, килте тимӑрҫӑ пулманни — тарсӑ тытманни. Хӑрах урапа сӑрени вара мӑсқӑн пурӑннине пӑлтерет тесе сырать Янтушсен Михала Спиркки. Ӑнлантарни шухӑшласа кӑларнӑрах пулсассӑн та чи кирли унта аллеҫори пурри пӑлтерӑшлӑ. Чаваш драматургийӑ пусланнине тӑпченӑ чухне сак хай евӑрлӑхе асӑрхани питех те кирлӑ.

С. Михайлов-Янтуш 1851 сӑлта чавашсем синчен икӑ пайлӑ кӑнеке сырма шут тытнӑ. Раштав уйӑхӑнче вӑл А. Артемьева пӑчӑккӑн сак-сак япаласене ярса тӑма пулать: «полное описание

о чувашах, равно разговоры и песни их». Çав сұлхинех, пуш уйăхăн 12-мĕшĕнче, хаçат редакторне вăл сапла сырса пĕлтерет: «Нужно выписывать сведения из некоторых актов и т[ому] п[одобное], а быт чувашей не наполнен еще достаточными фактами, о которых описание будет довольно пространственное. Желательно мне потолковать о песнях и прибаутках их побольше, сколько сил, средств и умения моего достанет». Сыравсăн пулас кĕнекине сак пайсем кĕмелле пулнă: 1) чăвашсен йăли-йĕркине сырса кăтартни тата 2) чăваш каласăвĕсемпе (пĕсисемпе) юррисем. Асăннă хайлавсен пуххине вăл 1852 сұлхи су вăхăтĕнче сырса пĕтерме палăртнă.

1852 сұлхи су уйăхĕнче писатель чăвашсем сĕнчен сырнă виçĕ очерк пичетленĕ: «Балдран базар в Козьмодемьяском уезде» (сĕртме), «Предания чувашей» (сĕртме-сурла) тата «О музыке чувашей» (сурла). Çак статьясене С. Михайлов сырма палăртса хунă кĕнекен уйрăм пайĕсем теме пулат. Автор сав сұлхине хайĕн кĕнекине сырса пĕтереймен-ши е сак ĕсе вĕсене ситерме А. Артемьев редактор Петербурга куçса кайни чăрмантарнă-ши? Унăн «Чувашские разговоры и сказки» ятлă кĕнеки 1853 сұлта сапăнса тухать. Унта «Краткое этнографическое описание чувашей» ятлă очерк, ултă пĕсăпа сценка (каласу) тата юмахсемпе халăх сăмахлăхĕн ытти хăш-пĕр тĕслĕхĕсем кĕнĕ. Ку кĕнекене 1851 сұл вĕçĕнче е 1852 сұл пуçламăшĕнче сырма палăртнă кĕнекен иккĕмĕш варианчĕ теме май пур. Çав сĕнĕ варианта сыравсă малтан сырнă статьясем татак-кĕсĕклĕрех пулнăран хатĕрленĕ. Ун ырайне вăл чăвашсем сĕнчен пĕтĕмĕшле очерк сырат, апа кĕнекен пĕрремĕш пайне кĕртет. Иккĕмĕш пайĕ вара — авторĕ вĕсене «разговоры и сказки» тенĕ — кĕнекене пĕр улшăнмасăрах кĕнĕ. Унти каласусенчен тăваттăшĕ авторăн 1852 сұлхи суркунне тата сұлта пичетленĕ очеркĕсемпе сыхăннă, сав текстсен тĕп шухăшне асăннă очерксемпе танлаштарса пăхмасăр аяланма йывăр.

Янтушсен Михала Спирккин малтанхи вĕрентекенĕ, хай каланипе килĕшүүлĕн, А. Писриев чиновник (стан приставĕ) пулнă. Ку сын 1812 сұлта Тăван сĕр-шыв вăрçине хутшăннă, тăшмана хăваласа Париж хулине ситнĕ. Чăваш ачине историе юратма чи малтан савă вĕрентнĕ. Ун хыçсăн Спиркка халăхăмăрăн иртнĕ кун-сулĕпе те кăсăкланма пуçлат: 1838 сұлта вăл Е. Пугачев пăлхавĕ сĕнчен халăхран ыйтса-пĕлсе сурет, кайран, хай пухнă материалпа усă курса, «Пăкача сĕнчен» пĕчĕк пĕеса (каласу) тата «Воспоминание о пугачевщине» ятлă очерк сырат. 1840 сұлсен

пушламашёнче С. Михайлов (Янтуш) чаваш халӑхён иртнӑ кун-сӱлӑпе тата ытларах кӑсӑкланма пушлать. Каярахпа вӑл хӑех сапла сырать: «Я пламенно перечитывал историю болгар [...] и убедился, что с знаменитыми болгарскими могли жить и предки моих соплеменников и принимать исламизм».

С. Михайлов пӑр хушӑ «Казанские губернские ведомости» хаҫат редакторёнче ёсленӑ А. Артемьевран та чылай вӑреннӑ. Ку ырӑ вырӑс вара чаваш сыравсине сырма хавхалантарса, унӑн ёссене тӑтӑшах пичетлесе пынӑ. М. Погодин патне 1860 сӱлхи ака уйӑхён 25-мӑшёнче Янтуш Спиркки сапла сырать: «Артемьев первый начал печатать мои статьи, пробудив во мне врожденную страсть к литературе, а Березин продолжал помогать мне в этом деле, издавши в 1853 году мою первую книгу “Чувашские разговоры и сказки” на свой счет».

И. Березин — А. Артемьев вырӑнне йышӑнса юлнӑ сын, Хусан университетчӑн профессорӑ, хӑвел тухӑс чӑлхисен тӑпчевси. Хаҫатӑн унчченхи редакторӑ пекех, вӑл Спиркка Янтушпа тачӑ сыхӑну тытнӑ, унӑн кӑнекин иккӑмӑш вариантне хӑйӑн укҫипе пичетлесе кӑларнӑ. Янтуш Михаилн ывӑлне ӑслӑлӑх сӱлӑ сине тухма вырӑссен паллӑ археологӑ, этнографӑ тата нумизмачӑ П. Савельев та сахал мар пулӑшнӑ. Вырӑс тӑпчевсисемпе хаҫатсисем пулӑшнине С. Михайлов (Янтуш) хӑйӑн пултарулӑхне ӑслӑлӑхра та, сыруллӑ сӑмахлӑхра та кӑтартнӑ. Вӑсен пулӑшӑвне пула хресчен ывӑлӑ чаваш ячӑпе аслӑ тӑнчене тухнӑ, хӑй халӑхён аваллӑхӑпе културини синчен ытти халӑхсене каласа панӑ.

С. Михайловӑн чи малтан сырнӑ илемлӑ хайлавӑ — «Ватӑ сын Фролов самраҫ хӑтине хӑйӑн ашшӑпе 1769 сӱлта пулса иртнӑ ёссем синчен каласа кӑтартать» ятлӑ сценка. Ана автор 1850—1851 сӱлсенче чӑннине пулса иртнӑ калаҫӑва тӑпе хурса, чӑн пулнине мӑнле пулнӑ, ҫавӑн пек сырса хунӑ. Унти сӑнар ячӑ — Спиридон, вӑл сыравҫӑннине пӑтӑмпех тӑр килет.

С. Михайлов (Янтуш) хӑйӑн пӑрремӑш очеркне сырнӑ хыҫҫӑнах А. Артемьева ярса панӑ. Кӑҫех ҫав хайлав хаҫатра пичетленет. Ку вара сыравҫа малалла ёслеме хавхалантарать. «Радость моя была великая, когда сами наши граждане стали смотреть на меня другими глазами, — аса илет вӑл каярах. — Я сказал себе: “Не бойся отныне, финн! Теперь ты не презренный...”» (Кунта финн тени вырӑс мар халӑх сыннине пӑлтерет. Ун чухне пӑлхарсем финсене сывӑх текен теори пуҫ пулса тӑнӑ.)

С. Михайлов (Янтуш) литература ёҫне явӑҫнӑ тӑле чаваш сыруллӑ литературин хӑш-пӑр традицийӑсем ҫирӑпланме ёлкӑрнӑ

ёнтё. Вёсем халăхăмăрăн сăмахлăхё, унăн сăнарлă тытăмё тата унăн шухăшлавё синче никёсленсе тăнă. Самана улшăннăсемён обществăн сёнёлле ас-тăнёпе наци культури йёркеленсе пынă. 50-мёш сълсенче Рассейре социалă пурнăспа экономикара пулса иртнё улшăнусем наци интеллигенцине хăюллăнрах сасă пама, халăха сўтта кăларас тёлёшпе анлăрах программа хатёрлеме хистенё. С. Михайловăн та, сав тёллевсене тёпе хурса, кёрешёве хутшăнмалла пулнă. Сыравсăн, маларах каланăччё ёнтё, тăван халăхăмăр ирёкёсене сирёплетессишён, аслăлăхпа культурине, илемлё литературине аталантарассишён тăрăшма тивнё.

С. Михайлов (Янтуш) литература ёсне явсăннă тёле вырăс литературини обществăлла анлă трибуна пулса тăнă ёнтё. Вырăс литературинче реализм вай илнё, илемлё очерк жанрё чечекленнё. Юнкăпуç каччи, демократиллё шухăшсене сывăх йышăннăскер, чăваш литературинчи унченхи традицисемпе кăна сырлахса ларма пултарайман. Чи малтанах вăl сёнё жанра — илемлё очерка — алла илме тăрăшать, сав жанрпа сине-синех сырать. Вёсенче реакционерсем чăвашсем пирки каланă шовинистла шухăшсем тёрёс маррине, Рассейри вырăс мар халăхсем Европăри халăхсенчен ним енчен те катăк маррине ёнентернё. Кашни сынăн ас-тăн аталанăвё вăl хăш халăх ывăлё-хёрё пулнинчен килмест — сак шухăша сыравсă ёненмелле усса кăтартнă. Хай те, хура халăхран тухнăскер, илемлё литературăра сав шухăша сирёплетекен тёлёхсенчен пёри пулнă. Очерк жанрне сыравсă ахальтен суйламан. Сав тапхăрти чăваш литературин функцийёсене туллин те пур енлён пурнăслама очерк жанрё сес пултарасса туйса илнё вăl.

С. Михайлов сыравсăпа тёпчевсён чи аналăл ёсленё тапхăрё 1850—1855 тата 1856—1860 сълсене тивет. Малтан вăl чăвашсен йăли-йёркипе, историйёпе тата сăмахлăхёпе кăсăкланать, вёсене сёкленуллё кăмăлпа, романтикларах сырса кăтартать. Ку очерксем лирика саврăмёсемпе, автор монологёсемпе пуян. Очеркён сарăк геройё тăван халăхăмăрăн аваллăхне туллин аңланса тата туйса илме тăрăшать, тăтăшах тарăн шухăша путать:

«Сёнтёр сăрчё тăрăх нумайчен сўрерём эпё: вăl мана хампа пёр тăванлă халăхсен иртсе кайнă пурнăсёпе мухтавне аса илтерчё. Ёмёт-шухăшпа хавхаланнăскер, алла кăранташпа хут тытса, ишёлчёксем сине лартăм та тарăн шухăша путрăм. Ман умрах темице сармăс лаши типсе кайнă курăка кашласа сиессё. Чёрем хампа каласма пусларё: курсам, финн! Санăн тăванла халăхусем Мускав паттăрёсемпе сapaснă сак вырăнта, вёсем вырăссем сине

хайррӑн тапӑннӑ сӗрте халӑ эсӗ вӗсен иртнӗ хӑвачӗн палӑрми йӗрӗсене кӑна куратӑн» («Сӗнтӗр сӑрчӗ»).

С. Михайлов ытларах вырӑсла ҫырнӑ. Кунта икӗ сӑлтав пулнӑ. Пӗри — ҫывӑҫӑн вырӑсла вулама пӗлекенсене пӗтӗм ҫаваш ячӗпе: «ҫаваш та ытти халӑхсем пекех хисепе тивӗҫ, ҫавашӑн та аваллӑхӗпе чун-чӗре пуянлӑхӗ пулнӑ, халӑ вӑл мӗншӗн чухӑн тата мӗскӗн пулнин сӑлтавӗсене шырамалла», — тесе калас килини. Нумайрах ҫын, ҫав шутрах тӑрре-шарапа тӗрлӗ пуҫлӑхсем те илтейччӗр тесен, вырӑсла ҫырма тивнӗ. Иккӗмӗш сӑлтавӗ — ҫавашла ҫырнӑ япаласене пичетлесе кӑларма ҫав вӑхӑтра питӗ йывӑр пулни. Ҫав ҫулсенче ҫаваш хушшинче хут вӗреннӗ ҫынсем те сахал курӑннӑ. Ун йышшисенчен чылайӑшӗ вырӑсла кӑна вулама-ҫырма пултарнӑ. Хӑйӗн ӗҫӗсене вырӑсла ҫыракан ҫын вӗсене пичетлеме ытларах май килтернӗ. Ҫав хушӑрах хӑй ҫырнисене вӑл халӑхӑмӑрӑн хастар ҫамрӑкӗсем вуласа пӗлессе шаннӑ, вӗсене йӗркере йӗрке ҫавашла текст кӗртсе лартнӑ.

Драматургин малтанхи калчисем

С. Михайлов (Янтуш) ҫавашла ҫырнӑ ӗҫӗсенчен ултӑ «калаҫӑвӗ» (пӗчӗк пьеса е сценкӑ тесе калама та пулать вӗсене) паллӑ. Вӗсенчен пӗрне, «Ватӑ ҫын Фролов...» ятлине, ҫывӑҫӑ 1850—1851 ҫулсенче хайланӑ тенӗччӗ. Малтанхи хайлавӗ вӑйсӑртарах та шупкарах пулса тухни ҫамрӑк ҫывӑҫӑн ӗстӑлӑхӗ ҫителӗксӗрринчен, вӑл илемлӗх мелӗсене пӗлсех ҫитерейменнинчен килнӗ-тӗр. Каярах ҫырнисенче автор ӗстӑлӑхӗ ӗссе, ҫирӗппенсе пыни курӑнать. Тӗслӗхрен, С. Михайловӑн «Пултран пасар пуххине пуҫтарӑнни» сценкипе «Балдран базар в Козьмодемьянском уезде» статии ҫавна лайӑх ҫирӗппетсе парӑҫӗ. Статьяпа сценкӑна танлаштарса пӑхни кунта акӑ мӗншӗн кирлӗ: вӗсене пӗрле илсе пӑхсан авторӑн шухӑшне тӗрӗсрех ӑнланма пулать иккен. Акӑ, вӑл ҫурхи уява хавхаланса ҫырса кӑтартать, унта качӑҫсемпе хӗрсем пухӑнни, вӗсен вӑййи-куллипе ташши-юрри ҫинчен ҫырса пӗлтерет. Ҫакӑн хыҫҫӑн сценкӑна вулатӑн та ҫывӑҫӑ статьяра асаннӑ сӑнарсем чӗррӗн курӑнма пуҫлаҫӗ. Унта пысӑк уявӑн пӗр самантне (ҫамрӑксем «полтран пасар» пуххине кайма хатӗрленнине) кӑна ӗкерсе кӑтартнӑ. Малалине вара ҫырман та. Ҫывӑҫӑ кунта вулавҫа, унӑн ӑшри сӑнарлавне (воображение) шанать. Эппин, С. Михайлов вулавҫӑн тавӑрулӑхне шанать, ӑна шутласа пӑхма чӗнет. Ҫакӑн евӗр ҫырма пултаруллӑ ҫын кӑна пултарнӑ.

Ҫав сценкӑна автор очеркӗпе пӗр вӑхӑтрах — 1852 ҫулхи ҫу уйӑхӗнче — шӑрҫаланӑ. Ҫакӑн хыҫҫӑн вӑл «Авалхисем ҫинчен» тата

«Анатри чăвашпа вирьял чăвашё хушшинчи каласу» хайлавёсене сырать. Вёсем иккёшё те унăн «Предания чувашей» очеркёпе сыханнă. Юлашки сёртме-утă уйăхёсенче пичетленсе тухни паллă.

«Анатри чăвашпа вирьял чăвашё хушшинчи каласу» хайлавра автор каласу уйрăмлăхёсене палăртнинчен ытларах чăваш халăхён пурнăсне сăнласшăн пулнă. Сăкна вăл Ишеке пынă анатри чăваш кил хуçипе тата унăн арăмёпе каласнине кăтартса тăвать. Малтанах автор анатри чăвашсен каласу уйрăмлăхне сес палăртасшăн пек туйанать, Анчах тёп шухăша аңланма сăк йёркесем пулăшаççё:

«Анатри. Тăхлачăм! Яшка ытлашши пур-и ман валли?

Хуçа арăмё. Килтисем ларсассăн, эсё те пёрлех ларса сийён хамăрпа салма яшки. Пăтă та пёсернё, торăх та пор. Ойрăх апат сок.

Анатри. Какай та сук-и-мён сутлăх кунта?

Хуçа арăмё. Какай мар, паранкă та топас сок. Хамăрăн кăсал ни копăста, ни хăяр полман, потран типётсе сұлла, копăста ыранне халь пёсеретпёр. Шăрттан та кăсал сұман...»

Пьесăна питех те сывăх хайлаври сұнсем малалла та сұпла юрлă-сұклă пурнăс сұнчен каласасççё, «ыраш та начар, сорри мăян» теççё, иртнё сұлхи япăх сұнталăка аса илесçё. Кунта уçсăн курăнса тăракан ремаркăсемпе пёрлех вăрттăн ремаркăсем те тёл пуласçё. Чăваш драматургийён чи малтанхи аңаслă пулса тухнă хайлавё тесе хаклама пулать сăк «каласăва».

«Предания чувашей» статьяна сұрнă вăхăтра хайланă икё сценка шухăшё тепринче те, «Авалхи сұнчен» ятлинче, аван курăнать. Унти тёп персонажсем — Йăвашка мучипе ун патне каласса ларма пынă сұмрăк Крикки. Ку сценкара автор хайён шухăшне Йăвашка мучи сăнарё урлă уçса кăтартать. Вăл Рассейре капитализм йёркисем сирёплense пынине сивлет, савна май чăваш ялёнче усалпа ултав сарăлнишён пăшăрханать. Чăвашсен авалхи пурнăсне мухтанă хушăрах сыравсă мулпа укса йёркисене тиркет, вёсем ёлэкхи ырă йăласене пётерсе пынине палăртать. Сұпла вара, сыравсă пьеси-сценкисемпе тёплён паллашсан, вăл сав сұлсенче чăваш аваллăхё, хай еврёлехё енне туртăннине курма пулать.

С. Михайлов пурăннă вăхăтра Е. Пугачев сұнчен сұрма мар, ун ятне асăнма та шикленнё. Сапах та халăх хушшинче: «Пăкача вăхатёнче пăлханнă евёр тепёр хут сёкленмелле» текен вăрттăн шухăш хускатакансене тўре-шара кұсран вёсертмен. Ку тёлешрен чăваш сыравсипе тёпчевсұн те асăрханма тивнё-тивнех, сапах та вăл сав пăлхавсă сұнчен сăмах хускатма хал ситернё.

«Пăкача сұнчен» хайлаври Хрол мучин сăнарне автор чаннипех пулнă сұнран ўкерсе илнё. Сăкă унăн «Воспоминание о

пугачевщине» очеркёпе танлаштарсан аван куранса каять. Сценкәри Хрол мучипе очеркре асаннә Етёрнери чаваш палхавси пёр сынах иккен. Шәпах Е. Пугачев вәхәтёнче пурәннә сав сын пирки С. Михайлова 1830 сұлсенче каласа панә-тәр... Сакна икё текстри тепёр пёрпеклөх те сирёплетсе парать. Вёсенче иккёшёнче те пёр пуян чаваш Пәкача хирёс «аслә шёшкё чашкәпала нумай укә илсе тухни» синчен пёлтернё. Очеркре вара сапла калани төл пулать: «В 1838 году один чуваш показал мне большую ореховую чашку, в которой дед его подносил Пугачеву серебряные монеты».

С. Михайлов очеркне вуласан, вәл Пугачева тата ун тавра пухәннә сынсене кәмәллани сисёнет. Сценкәри сәмрәкки те, Хрол мучи те Пугачева «шуйттан» теҫсё. Хрол мучи хәйне Пугачев сыннисем Етёрnene илсе кайрёс теме пәхәть. Очеркре вара вәл хәй ирёкёпе кайни куранәть. Етёрнерен чёррөн хәтәлса килнишён вәл кайран та мухтанса каласнә иккен. Апла пулсан, хәйён драматурги мелёпе сырнә хайлавёнче автор Пугачев пәлхавне хутшәннә сынна мёншён сума суман, унран хәраса тәнә этем пек сәнланә-ха? Сакна тарәнрах та төрөсрех әнланса илес тесессён хайлавсене хәш вәхәтра сырнине шута илмелле. 1850 сұлсен пусламәшёнче Рассейре реакци хуҫаланни пәллә. I Николай патша цензура на нихсанхинчен те ытла хытарса ситернё. Хәйне хирёс каланә пёр сәмахшән төрме-хёсмете хупса лартма пултарнә. Ун чухне, паллах, Пугачев пәлхавё синчен уссән сырма юраман. Савәншән автора хытах айәплама, инҫетри пуҫиле яма та пултарнә. С. Михайлов (Янтуш) Пугачева хурласа каластарнин төп сәлтавне цензура на асәрханнинче курмалла. Кунта сыравсә «Чи-чи, кәсәя» сәввән ытарлә чөлхипе усә курнә темелле. Сынсем пәлхавсәсене хурласа каласассё пулсан та, ку пәлхава чавашсем те йышлән хутшәннине пытармассё. Хрол мучи, авә, үкёненё евёр пулленё хушәрах сапла каласа хурать: «Етринее пырсан, нумай вәлсам хәтланчёс и нумай хорах пусса», — тет вәл юлашкинчен. Каярах хайланә очеркёнче Пугачева пуләшма Етёрnene кайнә чавашсене хәйсене хытә асаплантарни, пурне те тенё пекех вёлерни пәллә пулать. Унтах сыравсә Хрол мучи прототипё пирки сапла сырать: «Старик этот хвалился, что у него спина соленая и наспиртованная, но, несмотря на все мученья, ему удалось-таки убежать». С. Михайлов чән пулнине урәхларах савәрса калани цензура чәрмавёнчен хәтәлас тенинчен килнё темелле. Очеркпе сценкәна тимлөн танлаштарса пәхнә хыссән сакна әнласа илме йывәрах мар. 1855 сұлта I Николай патша вилнё хыссән цензура кәштах йәвашланәть. «Воспоминание о пугачевщине» очерк та чиперех пичетленсе тухать.

Тен, писатель хайён «Пакача синчен» хайлавёпе «Воспоминание о пугачевщине» очеркне пёр вэхатрах сырнй. Анчах очеркне пичетлесе каларма тахтанй-тър. Авторё аңа сапса каларма майлй самант ситесе кётсе пуранны пулас.

1852 сулхи сурла уйахён вёснелле С. Михайлован «О музыке чувашей» ятлй очеркё пичетленсе тухать. Сав хайлавпа йёкёреш тепёр сценка («Ятласу») пур. Сав икё хайлавён тёп шухашё — чаваш юрри-кёввин асамлэхёпе илемне катартса парасси. Сакна сәнарсемпе персонажсене еплерех ўкернинчен пёлме пулать. Ольок, самрәк хёр, шәпәр каланине итлеме кўрше каснй. Амашё вара хёрне кахал тесе, аңа килте ёсlemenшён ятлать: «Шта шәпәр пор, онталла анчах шохаш шойттанан», — тесе вәрсать. Хайлавра чавашсем мён авалтан кёвё-юрра хытй камәлланине ун чухнехи пурнәса пёлсе сыхантарнй. Чаваш ялёнче укса йёрки ытларах та ытларах вай илсе пынй чухне саванма та, юрлама та пушй вэхат сахал юлнәран вәрсать те амашё хёрне: «Шәпәра итлесе сәвара карса тәриччен тиркё кайса постарасчё. Мён пор шәпәр таврашра? Она прахас кирлё».

Сәнарсене стереотиплй, пётёмлетўллё тавасси С. Михайлован калавёсенче те паларать. «Анман ывал» калавён тёп сәнарё, сыравсән хуранташё пулнй сёртех, «ывал» ятпа сирёпленет. «Каласусенчи» (диалогсене саплапах каласан тёрёсрех пулмалла) персонажсем те стереотиплй: Ватти, Арәмё, Амашё. Сав сәнарсен функцийё этнографи очеркёсенчи стереотиплй сәнарсеннипе пёр евёрлёрех. Сав хушйрах Янтуш диалогёсене тап-таса проза тёслёхёсем теме сук. Паллах, диалог эпика тексчёсенче те йышлй тёл пулма пултарать. Сапах та унй прозәри функцийё драмәринчен урәхларах. Прозәри диалог чи малтан персонажсен сәмах «перкелешёвне» е пуллевне катартма кирлё. Вёсен хусканәвне, портретне сыравсә ытларах чухне калусй е калавсй (рассказчик) сәмахё урлй катартать. Эппин, прозәра тёп вырәнта калусй сәмахё тәрать. Драмәри диалог калусй сәмахён функцине те пурнәслать. Сакна эфир С. Михайлов (Янтуш) «каласәвёсенче» лайах куратпәр, каланй сәмаха сирёплетме сыравсән «Анатри чавашпа вирьял чавашё хушшинчи каласури» диалогсене сәнарах пәхар. Кунти диалогсем урлй эфир сцена улшанса пынине, вэхат шунине аван туятпәр. Малтан ёс-пус урамра пулса иртет, икё персонаж хуса килё еннелле утасчё. Унтан вёсем аләк усса картишне кёнине куратпәр (сакна каласу сәмахё урлй мар, персонажсен сәмахё урлй пёлетпёр). Ку вырәнта сёнё персонаж куранса каять. Пўрте кёрсен персонажсен йышё татах ўсет. Сцена синче персонажсем кусса сўрени, кёрсе тухни вал драма текстёнченех куранать.

Юлашки сцена пуртре пулса иртет, унти калашу персонажем апат шинэ майан малалла шавать. Кил хуши хайен самахне сапла вёслет: «Халап ярса апат ширёмёр, сара ёстерме манса та. Эй, Кутрат! Сара ас, курсе ёстер сак сынна». Эппин, малалла калашу мёнле хусканупа ылмашанни палла: сара асма тухса каясё, каялла кёресё, пёрле ёсёсё. Сав вэхаталла пуртре сутна хайа та сунсе пырать иккен, персонажем майёпен сыварма хатёрленесё, сав хушарах каласасё те. Хусканупа калашу е ылмашанса, е параллельла аталанса пырасё. Сюжета калуца мар, геройсен каласавё йёркелесе пыни сак текстсем драмна сывахрах тани шинчен каласё. Унта уйрам ремарка та пур.

Персонажен ячёсене кашни каламассерен сырни те, ремаркасем пурри те сак каласусенче драма элеменчём ытларахи пирки каласё. Паллах, пур каласура та пёр шайра тел пулмасё вёсем. Калапяр, «Вата сын...», «Пакача шинчен», «Авалхисем шинчен» каласусенче уйрам персонаж монологём диалогсенчен чылай вярарах. Ку вал калашу фабулипе тачё сыханна. Самрак сын ватти патне килне пырса авалхисем шинчен ытма пуслать. Ватти вара вал е ку ёс шинчен калама тытанать. «Пултран пасарне кайма пустаранни» калашу вара пёр вярм пьеса пёр сцени пек туйанать.

Жанр телёшенчен сак каласусене йала «каласавёсем» (пьесисем) теме юрать. Сак жанр каласар диалог шине теренет, чылай текстра каласусемпе ёс-хёл ылмашанса пырасё. Ку телёшен авторан очеркём урхларах йёркеленесё. Вёсенче те п сяр чылай чухне калуца хай, вал калавца сяр пек те савранса тухма пултарать. Кунта диалогсем сахал, текстра автор-калуца е калавца монологём хусаланасё. Енчен те малтанхи очерксенчи калуца пёсе тёлёкен пулсан, кайранхи хайлавсенче вал пёсе хак паракан пек калапланна.

С. Михайлов (Янтуш) пултарулахён малтанхи тапхярёнке романтика юхамёпе реализм туртамё синкретикалла сыханура тань. Енчен унан очеркёсенче автор ячёпе каласакан сын ытларах хайен ёмет-туйамне палартма камаллать пулсан, «каласусенчи» самахсем кёскерех те сивчёрех, вёсем йала прозине сывахрах тарасё. Ку проза катехизис тексёсенченех тымарланса ширёплент.

Халахамяр пирки шухашласа...

1850 сулсен иккёмёш сурринче С. Михайлов (Янтуш) ытларах чавашсен наци тата социалла пурнасё пирки шухашлама пуслать. Сака унан сырас пултарулахё анланса ширёплёнён тата чаваш общество анё хирёсле ене кушинчен килнё. Влаصري сынсен хушшинче те вал чавашсене нумайрах курасшан. Сыравца шучёпе,

вёсем чăваш хресченĕн хуйхи-суйхине аванрах курма пултарĕç, пулăшма тăрайĕç. Ют халăхран тухнă тўре-шара вара халăхăн сўтта тухас туртăмне ун пекех пулăшаяс сўк тесе шутланă сыравсă. Вăл йăхташăмăрсене хут вĕрентессишĕн хыпăнса сўннă, вёсен пуласлăхне ёненнĕ, М. Ломоносовпа ытти вырăс сўтлăхсисен шухăшёсемпе хавхаланнă.

С. Михайлов пусмăрти халăхсене вĕрентес тёлёшпе туса ирттермелли ёсsem пирки тёрлĕ сёнўsem панă. Унăн сёнёвёсене каярах Н. Ильминский ёсне хўтёлекенsem шута илнĕ. Публицист статьяsemпе очерксенче мул тёнчи сирёппленнĕ май социаллă пусмăр вайланса пынине хирёç тăнă. Чăваш сыравси социаллă пусмăра хирёç пăлхав сёклесе кёрешме чёнмен, вăл обществăри хирёсўсене ытларах кăмăл-сипет кусёпе пăхса хакланă. Сўтлăхсăсен тёп палли пулнă сак шухăш. Атăл си хресченĕн чухăн пурнăсне С. Михайлов экономика статистикипе усă курса кăтартнă, хура ёç сыннисене май килнĕ таран хўтёлеме тăрăшнă.

Чăваш сыравси калав жанрĕнче те тухăçлă ёсленĕ. Ахальтен мар апа чăваш калавĕн жанрне пусласа яраканёсенчен пёри тесе шутлассё. Сыравсăн чи малтанхи калавёсен шутне Вятка сыннисем синчен вырăсла сырнă шўтлĕ калавёсене кёртмелле. Вёсен шучё сирёмрен те иртнĕ пулнă. Сав калавсене вăл Вятка таврашёнче пурăннă хунашшĕ каласа панисене тёпе хурса сырнă. Шел, эфир хальлехе сав текстсенчен тăваттăшне кăна пёлтпёр. 1854 сўлта автор «Легенды про вятчан» ятлă кёнеке ал сыравне «Москвитянин» журнала ярса панă иккен. Анчах ун малашнехи шăпи пачах та паллă мар. Тăватă калавё сыравсăн кун кёнекинче упранса юлнă. Вёсен сюжетёsem халăх хушшинче те сарăлнă. Анчах сав калавсене халăхран сырса илнĕ тесе калама май сўк. Кулăшла калавсенчи геройsem «вечени» ятпа сўрессё. «Вечени» сăмах вырăсла «вятчане» (Вятка кёпёрнинче пурнăнанаканsem) тенипе тўр килет. Савăппа та калаври геройsem халăх хушшине литература урлă кёнĕ теме хăюллăнах пулать. Ку халапsem халăх хушшине С. Михайлов сыннисем урлă сарăлнă тесе калама сăлтавsem сителёклек.

С. Михайлов хайён юлашки сўлёсенче халăхăмăрăн пурнăсё синчен тёллёнрех сырма пусланă, публицистикăра экономикапа социаллă пурнăс ыйтăвёсене сивёччён хускатнă. Унăн ёсёsem чăваш обществин малти сыннисем рационализм сўлёпе утма, пурнăса тёрёс хаклама вĕренсе пыни синчен калассё. Литературăра С. Михайлов (Янтуш) реализм меслетне мала хума тăрăшать, чăваш литературине сав сўлпа яма пулăшать. С. Михайлов (Янтуш) сыравсă сёç мар, аста кусарусă та пулнă. Хайён чăвашла

тексчёсене вӑл кашнине пекех ыра́сла ку́сарнӑ, ку́сарнӑ чух чи малтан чӑлхе уйрӑмла́хёсене шута илме, поэзи сӑна́рёсене упраса хӑварма тӑра́шнӑ.

Хӑйӑн «Чува́шские свадьбы» очеркне С. Михайлов (Янтуш) виҫӑ ҫавралӑ ӑва кӑртнӑ (чӑвашла ку́сарӑвӑ Геннадий Юмартӑн):

Эй, Юнкӑ енӑ, савнӑ ҫӑр,
Ху ӑпкунта сиктернӑскерӑм,
Халь эпӑ — мӑскӑн, тӑлӑх хӑр,
Сыв пул, йӑмесӑр тӑсеймерӑм.

Сыв пул, тӑван атте-аннем,
Сыв пул халь эс те, ҫамрӑк ӑмӑр!
Сиртен епле эп сивӑнем,
Ютра куҫ умӑнчен сирлеймӑр.

Йӑлтах ӑсатмӑ ут мана,
Кунта чӑрем ӑшшиҫӑ юлчӑ.
Парнелӑхе парам ҫавна,
Ана яланлаҫ эсӑ илччӑ.

Ку хайлав — чӑн-чӑн оригиналӑ ӑва. Чӑваш ҫыравҫи хӑйӑн пултарула́хне поэзире те тӑрӑслесе пӑхнӑ иккен: тӑватӑ картла (стопалӑ) ямбпа ҫырса, ыра́с силлабо-тоникине алла илнӑ. Ҫав тапхӑрта чӑваш поэзийӑ, мухтав ӑввисен кӑлепинчен писсе, халӑх ӑввине ӑша хывнӑ, каярах вӑл ӑва тытӑмӑ чӑваш поэзи классикин тӑп форми пулса тӑрат. Чӑваш силлабо-тоники вара, тӑпрен илсен, совет тапхӑрӑнче вӑй илет. Ҫакна шута илсесӑн, ӑваҫӑмӑр силлабо-тоникапа XIX ӑмӑрӑн 50-мӑш ҫулӑсенчех кӑҫакланни литерату́рашӑн питех те пӑлтерӑшлӑ пула́м пулни кура́нать.

Ҫапла вара, С. Михайлов (Янтуш) пӑр харӑсах очерксем те, ӑваҫсем те хайланӑ терӑмӑр. Ҫав хушӑрах поэзи тӑслӑхӑсем хӑйсен тӑллӑн мар, очерксенче пулнине, вӑсем очерксен шалти тытӑмӑле ҫураҫӑнса тӑнине манса кайма кирлӑ мар. Ҫав вӑхӑтри чӑваш ӑнӑнче жанр шуӑхӑшлавӑ сикретика́ллӑ жанра (очерке) мала лартать. Ҫакӑ ҫав вӑхӑтри чӑваш ҫырула́ ӑмахла́хӑнче жанр паллисемпе вӑсен стилӑсем ҫирӑпле́нме ӑлкӑрейменнинчен те килнӑ ӑнтӑ. Хветипе Якур хайлавӑсем халӑх ӑмахла́хӑн жанр системинче тӑнӑ-ха. Василий Лебедев та «Пирӑн телей» ӑвава очеркре пичетлет, хайлава мӑншӑн кӑртнине ӑлтавласа ирӑксӑрех чӑлхе, ӑмахла́х пирки ӑмах ваклат. Историпе этнографи очеркӑсене хайлас традици С. Михайловӑн очеркӑсенче малалла аталанать. Кунта романтика турта́мӑсем вӑйлах палӑраҫҫӑ-ха. Вӑсенчи автор-калуҫӑ ӑмӑтленӑҫӑ, хӑвӑрт тӑлӑнме пултаракан ӑнар. Каярахри очерксенчи автор-калуҫа вара социалла ӑйтусем канӑҫ памаҫҫӑ. Кунта вӑл пӑр-пӑр пула́ма

курса сунатланса каякан мар, пурнăçри пулăмсене хак паракан сын. Чăн пурнăçри реализма тĕпе хурса сырнă хайлав сăнарĕ ку.

Сыравсăн очерк сырас асталăхне тĕплĕнрех пăхса тухас тĕллевпе унăн «Чувашские свадьбы» хайлавне илер-ха. Чи малтанах кунта автор-калуçă хайĕн сăмахне публицист тата этнограф пек сырса кăтартнинчен пуçланине асăрхама пулать. Унта истори пулăмĕсем, конкретлă вырăн ячĕсем сине-синех тĕл пуласçĕ. Хайлав сюжетĕ тĕрлĕ этнографи пĕлтерĕшлĕ енсене асăнса пынă май аталанать. Кунта автор-калуçă хайне май килнĕ таран пытарма тăрăшни сисенет. Ку вăл сыравсă пултарулăхĕн паллă енĕ. С. Михайлов (Янтуш) ытларах йăлана е ёс-пуçа йĕркипе черетлентерсе кăтартма кăмăллать, пĕр япала сінчен сырнă хушăрах теприн сине куçса кайма пултарать. Кунта тĕп вырăнта автор-калуçă мар, стереотиплă сăнарсем тăрасçĕ: чăваш, хăта, кĕрŸ, сĕнĕ сын тата ытисем те. Чăвашсен йăла пурнăçĕнчи сав сăмахсем кунта эстетика сĕмне илесçĕ, сюжета йĕркелеме пулăшасçĕ. Сапла вара, йăла шайĕнчи хурăнташлăх е социаллăх терминĕсем хайлав персонажĕсем пулса тăрасçĕ.

С. Михайловăн очеркĕсенче калуçă уйрăм герой пулса сăнарланни те тĕл пулать. Чи малтанах кунта «Сĕнтĕр сăрчĕ» очеркĕн вĕçне илсе кăтартмалла: «Шухăшсен ытамне путнăскер, хам ума пырса тăнă сармăс хĕрне те асăрхаман: лаши патне килнĕ пике ман сине тинкерсе пăхатъ иккен...» Очеркăн сак вырăнне вырăс тĕпчевĕсем те сийĕнчех асăрханă, сыраканне уншăн мухтанă. Чăн та, автор калуçăран уйрăм герой туса хуни, унăн ёсĕсене сăпатласа кăтартни ун чухнехи чăваш литературишĕн сĕнĕ япалах пулман-ха. Ун пек сăпатлантару халăх сăмахлăхĕнче те, Хвети-Якур юрри-такмакĕнче те сук мар. Сыруллă прозăра, уйрăмах очеркре, сак стиль палăрни сав жанр илемлĕх паллисемпе вайланса пыни сінчен калать ёнтĕ.

Чăвашсен общество ăнĕ XIX ёмĕрĕн 50-мĕш сĕлĕсен варринелле ăса тĕпе хунă (рационализмла) шухăшлава мала лартма пуçлать. Савна май чăвашсен гуманитари ăслăлăхĕсем — историпе этнографи, чĕлхе, фольклорпа литература пĕлĕвĕсем — аталанма тытăнасçĕ. Савсене пĕр сĕре пĕрлештерме ун чухне очерк жанрĕ сĕç пултарнă. Вăл тапхăрти очерксенче сăнарсен тытăмĕ, поэзилле саврăмсем те йышлă тĕл пуласçĕ. В. Лебедевпа С. Янтуш сăввисем очеркре пичетленсе тухни очерк жанрĕн пиçĕлĕхне, унăн универсаллă формине ёненмелле кăтарса парать. Сав хушăрах сăввисем очерке пăхăнмасçĕ, вĕсен хай тĕллĕнлĕхĕ пысăк. Очерксем пĕр харăсах философипе эстетика функцийĕсене пурнăçланă. Сав хушăрах поэзи очерк ăшĕнче аталаннă тесе калама май сук, вăл хай тĕллĕн йăл

илсе пынă. Сăваçăсем чылай чухне очерк жанрĕн универсаллăхĕпе усă курнă, çав жанра урăх вăхăтра хайланă сăввисене кĕртсе лартма тăрашнă, вĕсене пичетлесе кăлармалли май тупнă.

Чăваш сыруллă поэзийĕ XVIII ĕмĕрте Ф. Прокоповичпа М. Ломоносов традицийĕсен витемне пула тевĕленет, каярах вăл халăх сăвви-юррисен кўлепипе сăнарлăхне аша хывать. С. Янтуш вара хайĕн ырасла сăввисене А. Пушкин кăмăлланă тăватă картлă ямба тĕпе хурса сырат. Çапла вара, XIX ĕмĕрĕн 50-мĕш çулĕсенче чăваш илемлĕ литературы тĕп жанрсенчен кашнинчен малтанхи утăмсем тумă ĕлкĕрнĕ. Çав тапхăрта вăл хайĕн нацилле сăн-сăпатне туянса, çутлăх çулĕпе сирĕппĕн аталанма пуçланă. Енчен те малашнехи проза сăнарлăх тĕлĕшĕнчен пысăк ситĕнĕсемех тăвайман пулсан, поэзи вара хăвăрттан чечекленсе кайнă. Çакă вăл прозăра ытларах çутлăх дидактики палăрнинчен те, халăхăн илемлĕ пултарулăхĕ, унăн таланчĕ чи малтан поэзире курăннинчен те килнĕ. Чăвашăн традицилле культури пĕтĕмпе пекех йăла-йĕрке комплексне кĕнĕ. Халăх философийĕ, илем туйăмĕ, социалла аңланăвĕ — çаксем пурте пĕр жанрта — юрăра — пулнă. Çавăнпа та ку ыйтусемпе кăсăкланнă сыравçă чи малтан проза жанрне мар, поэзи кĕрсе кайнă. Поэзин мехелĕ, унăн вай-халĕ чĕлхемĕрте ĕмĕрсен упраннă. Чăваш чĕлхинче евĕрлев сăмахĕсем йышлă пулни, сингармонизм, сасăсен ыльявĕ вайлă аталанни сăмахсене сăнарăхпа янăравлăх кўме ытларах майсем туса панă. Халăх поэзийĕнче сăнар параллельлĕхĕ (çут санталăк пулăмĕпе сын туйăмне танлаштарни) тăтăшах тĕл пулни те ассоциацилĕхе, поэзи сăнарĕсем тăвас пултарулăха туптанă. Халăх поэзийĕн сăнлав хатĕрĕсем пуян пулни, чĕлхе писĕлĕхĕпе сăнарлăхĕ сыруллă поэзи В. Лебедевпа С. Михайловран пусласа хăвăрттан вай илме, XIX ĕмĕрĕн 80—90-мĕш çулĕсенче чăваш классикине кĕрсе юлмалли сăва-поэма хайлама май парать.

С. Михайлов (Янтуш) чăваш сыруллă сăмахлăхне драма жанрĕсен тытăмне кĕрекен «каласусене» (пĕчĕк пьесăсемпе сценкăсене) те, йăла калавĕсене те малтанласа кĕртнĕ теме пулат. Пултарулăхри асталăхне туптаса вăл чăваш сыруллă сăмахлăхĕн кўлепине асталанă, хайĕн хыççан килекенсен валли çул такăрлатнă. Эпир çак сыравçа чăннипех те чăваш илемлĕ литературы пуçенче тăраканĕ, чăваш ятпа тĕнчене тухса, чăваш илемлĕ сăмахне катартаканĕ тата культура талкăшне сĕнсе илекенĕ тесе калама пултаратпăр. Чăваша курайман сынсем «чăвашăн культури нихăсан та пулман, пулас та çук» тесе калакан элекĕсене вăл «чăваш авалхи цивилизаци витер тухнă халăх, унăн культури сĕм авалах пулнă» тесе хуравланă, хальхи вăхăтра та халăхăмăрăн хавалĕ пуррине хайĕн хайлавĕсемпе

ёнентерме пултарнă. Каярах çак шухăша Н. Золотницкий вĕренекенĕсем те, И. Яковлев та çине-çинех сырнă, чăвашан та ытти халăхсемпе тан пулмалли пирки шухăшланă. Ку вăл чăваша прогресс, аталану енне илсе каякан анлă сул пулнă. Ун пусĕнче пирĕн манаçлă та улăп евĕр чăвашăмăр Янтушсен Михала Спиркки, урăхла каласассăн, Спиридон Михайлов (Янтуш) тăнă. Хайĕн пĕр ёсĕнче Юнкапуç чăвашĕ Михайло Ломоносов тунă паттăрла ёссене аса илни, хайне унпа танлаштарса пăхнă вырăнсем пур. Паянхи XXI ёмĕрти чăваш тĕнчинче вăл чăннипех те чăвашан Ломоносовĕ пек, аслăлахсемпе поэзине никĕслекенĕ пек курăнать. Янтуш малтанласа янталанă культура талккăшĕ сарăлсах пытăрччĕ!

Кунччен каланине чăвашсем çĕнĕ тырă ячĕпе тав туса юрланă юррăн С. Янтуш сырса илнĕ сăмахĕсемпе вĕçлер:

«Ăрахмат (тавтапуç) Торра, āрахмат Пўлĕхне,
Ăрахмат Торра, патшана!
Ѕўлте Торă, Ѕĕрте патша пăхать пире.
Торăпа патша тивлечĕпе ёсетпĕр те çиятпăр.

Ăрахмат, Торă! āрахмат, Пўлĕх!
Ăрахмат ака-сохана.
Торă полăштăр ака-соха паньче!
Ака-соха тивлечпе кона ёсетпĕр те çиятпăр.

Ăрахмат, кил-çорт, кил-вот!
Кил-çорт, кил-вот полсассăн
Ѕапах порнăпăр, аптрамăпăр.
Ѕак кил-вотпах аратăр (упратăр) Торă!

Ăрахмат ача-пăчана!
Ырă ывăл-хĕр ачасампа порăнсассăн
Хамăра та çитĕ, патшана та памалли полĕ.
Ырă ачасампах аратăр Торă!

Ăрахмат ял-йыша, āрахмат хорăнташа, пĕлĕш-тантăша та.
Пĕрле ёсмелле-çималла, порнмалла полтăр!
Ял-йыш полмасан, хорăнташ полмасан
порнма полас çок — пĕрлех порнăпăр.
Ял-йыш, хорăнташ, пĕлĕш-тантăш, āрахмат!»

Тĕлĕнмелле хаклăхсем пирĕн халăмăрăн: чăваш сўтçанталăк вайĕсемпе те, ял-йышпа та, пĕлĕш-тантăшпа та, кил-йышпа, ачи-пăчипе те сўраçанса-килĕштерсе, тăнăçлан пуранма ёмĕтленнĕ, паян та сăплах пулĕ тетпĕр. Янтушсен Михала Спиркки çакна питĕ тарăннăн аңланнă тата туйнă!

СПИРИДОН МИХАЙЛОВ (ЯНДУШ, 1821—1861)

Василий Лебедев (1813—?) и славянофилы

Известный ученый-славянофил П. Савельев является покровителем двух чувашских писателей: Спиридона Михайлова (Яндуша) и Василия Ивановича Лебедева. (1813—?), которых следует считать мастерами жанра очерка. Кроме того, первый сочинял стихотворения и драматические произведения, собирал фольклорные тексты чувашского, марийского и русского народов. Второй очеркист считается автором программного стихотворения XIX в. «Пирён телей» (Наше счастье). Но прежде чем говорить о творчестве вышеназванных чувашских писателей, для общего контекста следует обрисовать общую ситуацию в общественных и литературных кругах России 40—50-х гг. XIX в. (далее все ссылки на первичные источники пропущены, которые имеются в следующей монографии: [История, с. 142—153, 170]).

После окончания Казанской духовной семинарии (1836) В. Лебедев поступил, по некоторым сведениям, в Медико-хирургическую академию, которую окончил, вероятно, в 1842 г. В последующие годы он трудился в системе Министерства внутренних дел (МВД), где тесно общался с П. Савельевым, через него — с другими его коллегами (Н. Надеждиным, В. Григорьевым, А. Артемьевым и др.). В своих воспоминаниях о П. Савельеве его соратник В. Григорьев писал следующее:

«Относительно русской жизни и науки выработались в Савельеве <...> тот взгляд и то направление, имевшее лозунгом: «самостоятельности русской мысли и развитие русской жизни в национальном духе и национальных формах», которые распространяемы были впоследствии «Русскою беседою» (за исключением религиозных воззрений последних), и окрашены фальшиво, со стороны противников, именем славянофилия. А как взгляд этот и направление, по непониманию их, были гонимы в литературе и преследуемы насмешкою, то в П.С. родилось желание содействовать, по мере сил и возможности, разъяснению дела литературным же путем» [История, с. 142].

В 1847 г. В. Григорьев с П. Савельевым стали оказывать влияние на журнал «Финский вестник», который через год переименовали в «Северное обозрение». Именно в этом журнале в 1848 г. был опубликован первый очерк В. Лебедева «Чувашские предания». Дальнейшая публикация очерков сына одного из переводчиков

на чувашский язык евангелия «От Матвея» И. Лебедева тесно связана с «Журналом МВД» (ЖМВД), который редактировал в те годы Н. Надеждин, а его заместителем до конца 1851 г. являлся В. Григорьев. Последнего заменил П. Савельев, который, «вследствие перемен в МВД, последовавших осенью 1852 г., по неимению штатного места и определенных занятий, чуть не дождался увольнения от службы, как чиновник для нее бесполезный; но в январе 1853 г. переведен был Л.А. Перовским в Министерство уделов и причислен к кабинету Его Величества для археологических работ» [История, с. 142—143].

Н. Надеждин и его идейные соратники обосновали и развивали в России такие науки, как этнография, археология, нумизматика. Основная часть этих исследований издавалась в виде журнальных очерков и статей. Противопоставление России Западу сопровождалось в них антитезой «Русские — нерусские народы России», что способствовало более глубокому изучению быта и культуры малочисленных народов.

В «Журнале МВД» с 1849 по 1852 гг. опубликованы статьи о следующих народах: о чувашах (специально посвященные им 4 статьи, упомянуты еще в двух статьях); о бурятах и других сибирских народах (4); о зырянах (2); о черемисах, мордве, эстах и чукчах (по одной статье). Кроме того, В. Лебедев опубликовал еще два очерка о городах Свияжск и Казань. Поэтому 1850—1852 гг. по праву можно назвать чувашским периодом ЖМВД. Авторами этих публикаций являлись П. Савельев и В. Лебедев.

Русский ученый в своей статье «Казанские чувашаи» высоко оценил грамматику В. Вишневого, которая позволила делать, по его словам, «решительный вывод о турчизме языка чувашей». Здесь же он выразил позицию своих единомышленников: «Пройдет несколько десятков лет, изгладятся и последние следы прежнего быта и языка чувашей, и они сольются в общую семью русского народа» [История, с. 143].

Они значительно преувеличивали роль просвещения в ассимиляционных процессах российской действительности того времени и не учитывали, что этим негативным процессам будут противостоять просвещенные выходцы из того же народа. Если первое поколение светской интеллигенции стеснялось указывать на свое происхождение, то следующее уже выступило от имени своего народа. Все это сказалось в их авторском сознании и стиле повествования.

Первый очерк В. Лебедева «Чувашские предания» представляет из себя цикл преданий как о давних событиях, так и недавних,

имеющих очевидцев происшествий. В тексте имеется вариант этногенеалогического предания чувашского народа об освоении его современной этнотерритории. По модели этого предания, чувашская этнотерритория была обретена благодаря тотемному животному (корове, лошади, быку и т.д.), которое указало путь к неосвоенным человеком землям, т.е. территориям. В том виде, в каком это предание услышал и записал В. Лебедев, оно успело трансформироваться в топонимическое: в нем повествуется о возникновении названий семи чувашских деревень, в том числе и родного села ученика В. Вишневского — Штанаши.

К жанрам несказочной прозы относятся мифы, предания и былички. По утверждению исследователей, именно членение «временного континуума» задает основы иерархического деления временного пространства: в мифах говорится о начальных временах первотворения, в преданиях действие отнесено историческому прошлому, а в быличках — к настоящему или же недавно прошедшему времени [История, с. 143]. В очерке имеется историческое предание, получившее форму топонимического, о стане русских разбойников. «Я видел это место, — уместно вводит В. Лебедев в текст образ рассказчика, который подтверждает истинность содержания данного предания, — влезал и на ту роковую сосну, которая была свидетелем последнего стога умирающих, проколотых ножом грабителя; сидел в тех сплетшихся сучьях, которые образовали из себя что-то вроде стула, обращенного к дороге, <...> я брал в руки кости убитых путников, которые зарывались в землю на одном изгибе речки Вылы...».

Далее автор пересказывает одно происшествие, услышанное в 1837 г. от чуваша Митрейки Илюшкина. Стремление к убедительности и достоверности привело автора-рассказчика к тому, что в текст были введены детали, психологические мотивировки и временные пассажи. Поэтому задуманная по жанру быличка переросла в бывальщину, очень близко стоящую к жанру письменной прозы — рассказу. Все предания и бывальщина объединены одним повествователем, этот автор-рассказчик находится в современном мире, среди знатоков преданий и на местах исторических происшествий. Таким образом, в очерке мы находим двухплановое повествование. Данную форму повествования можно обнаружить в очерковой прозе и С. Михайлова (Яндуша). Следует заключить, что она утвердилась в чувашской повествовательной прозе в 40—50-е гг. XIX в.

Из отдельных воспоминаний, быличек и бывальщин составлен следующий очерк В. Лебедева «Звериная ловля у сибирских

чувашей». В нем собраны отдельные охотничьи рассказы-бывальщины и рассказы о диких животных, обитающих в чувашских лесах. Условно мы выделили следующие рассказы: «Волки, овцы и свиньи», «Медведь на посиделках», «Охота на медведей», «Ружье и медведи», «Богатый чуваш и волки», «Плетень для волков», «Капканы», «Лесной любитель музыки», «Сластолюбивый медведь», «Любитель водки» и др.

В данном очерке В. Лебедев показал себя как мастер иронии и увлекательный повествователь, имеющий богатое воображение и тонкую мысль. Вот некоторые примеры:

«Пуля свистнула, выстрел в гигантских руладах и переливах раскатился по вечернему лесу»; «В глазах у Обыка заискрилось и потемнело...» («Ружье и медведи»); «Посему, в настоящем случае, едва старик наш проехал, волки бросились не от него, а за ним. Он — по лошади, закричав на нее что есть духу; та понеслась с быстротою молнии, не разбирая ни снегу, ни пней, ни ухабин; но волки, продолжая погоню, догнали его и страшно завывли. Чужая неминуемую опасность, лошадь рванулась изо всех сил и, страхнув полумертвого чувашина в одной ухабине, сама как вихрь унеслась с санками и с ружьем. Одиному чувашину небо показалось с овчинку, когда он увидел вокруг себя стадо волков, напевающих свои дикие песни на самые странные голоса» («Богатый чуваш и волки»); «Дорогою медведь протрезвился, стал поворачиваться и позевывать; у лошади запрыгали уши и забегали глаза; она начала похрапывать и оглядываться по сторонам. Дорога склонялась под гору; медведь, растрясенный извилистым путем, а может быть и с похмелья, от головной боли — рывкнул: лошадь кинулась со всех ног, чувашин покатился с телеги, и с тех пор не видали более ни лошади, ни медведя» («Любитель водки») и др.

Эти занимательные сообщения В. Лебедева о различных происшествиях следует отнести к приключенческой прозе, а жанр произведений определить как приключенческий рассказ, точнее — цикл приключенческих рассказов. Он имеет свой стиль повествования и ироническую интонацию.

В. Лебедев успешно работал и в жанре путевых очерков, в которых показал себя как прекрасный пейзажист. Для наглядности здесь приведем некоторые описания природы из очерка «Общественные гулянья и празднества г. Казани» (1852):

«Та и другая сторона Волги покрыта необозримыми сенокосами и пастбищами, среди которых сверкают многочисленные озера, опущенные по берегам то серебристыми ветлами и осокорями, то задумчивыми зелеными ивами и вербами, группы которых раскиданы, впрочем, и по всему пространству сенокосов. На перекрещивающихся, посреди лугов, дорогах мелькают пешеходы, тянутся обозы с разными тяжестями, скачут дорожные повозки и экипажи и рисуются, там и здесь, на красивых конях летучие всадники».

«Суда, при вступлении Волги в берега, «бежит», как говорится здесь, обыкновенно по середине реки, верстах в семи от Казани, близ Услонских Гор, за которыми погасает часть вечерней зари. Горы эти бросают тогда от себя на волжские воды свой черный отпечаток, а тысячи надутых белых парусов, как живые снежные массы, движутся в оттенках гор, то обгоняя друг друга, то оставаясь позади, и рисуют зрительную чудную борьбу теней. Разумеется, когда вдруг подует «противна», вся эта картина мгновенно исчезает, оставляя по себе впечатление какой-то грезы или морока».

В путевых очерках В. Лебедева присутствует повествователь с талантом художника, который увиденное умеет воплощать в образное слово.

Талант этого ученика В. Вишневского полностью раскрылся в его стихотворении «Пирён телей» (Наше счастье), которое можно отнести к чувашским литературным шедеврам XIX в. Следует привести полный текст оригинала стихотворения (косыми черточками обозначены границы строк): «Чăваш эпĕр полтăмăр, / Атăл патне килтĕмĕр. / Онта тăтăх лартăмăр. / Халĕ т(и)яксам ы(й)таççĕ: / “Штан чăвашам каяççĕ?” / Эпĕр чăваш — тăтăх чăваш, / Тотар пирĕн хорайташ; / Пирĕн чĕлхи — чăваш чĕлхи. / Хăш чохне полать хойхă: / Торă патне пыратпăр, / Киреметри прахатпăр / Пăрусане, ĕнесане; / Торă патăр сывлăхне, / Торă патăр телейне. / Ўкерме эпĕр пĕлместпĕр, / Сочтлама та пĕлместпĕр; / Пач(ăш)ка пирĕн ы(й)татпăр: / “Мĕн тăвас хойхă чохне, / Мĕн парас тияксане?” / Çапла эпĕр порнатпăр; / Çапла телей коратпăр; / Тапакне те торатпăр. / Мĕн тăвас — пирĕн телей! / Пирĕн полать выльăхсам: / Ут, сысна, чăхă, хортсам, / Сорăх, хор, лайăх мăкăр, / Кăвакал, сĕт, çăмарта; / Çи, чăваш, хора çăккăр, / Сотса яр выльăххуна; / Нумай полĕ сан окса / Т(и)яксане хойхă чохне. / Çи, чăваш, хора çăккăр. / Мĕн тăвас — пирĕн телей.» [История. С. 170].

Данное произведение переведено самим автором и весьма удовлетворительно. Произведение по объему не очень большое, содержит всего 33 строки, из них по два раза повторяются две завершающие стихотворение строки:

Çи чăваш, хора çăкăр.	(Ешь, чуваш, свой черный хлеб.
Мĕн тăвас? — пирĕн телей!	Что поделать — наше счастье!)

Здесь иронический стиль В. Лебедева насыщен сатирическими моментами, что заставляет читателя восстать против фаталистического утверждения лирического «я». Лейтмотив произведения развивается путем противопоставления хуйхă (несчастье, беда, горе) и телей (счастье) чувашского народа. Все его беды и несчастья связаны, как полагает лирический субъект, с верой в киремет, а также с его необразованностью, которого легко обманывают сельские писари и т.п. Бедные чуваша недоуменно вопрошают:

Мӑн тӑвас хойхӑ чохне, (Что нам делать при несчастье,
Мӑн парас тияксане? Что же дьякам поднести?)

Доля чуваша — при множестве домашнего скота и птицы довольствоваться одним черным хлебом и горьким дымом махорки. «Много будет у тебя (чуваша. — В.Р.) денег — саркастически замечает лирический “я”, — когда придет беда к писарям» и т.п. Но дождутся ли чувашаи этого времени — ответа читатель в тексте не находит.

В произведении содержится многослойное авторское сознание, составленное из индивидуального «я», из коллективного «я» («я» в «мы») и писателя «я». Коллективное космическое сознание (оно охватывает тысячелетние процессы) постепенно переходит в историко-этническое сознание, которое переплавляется в сознание общественно-социальное.

Текст композиционно построен по канону общетюркской поэтики, структуры эпических памятников Тюркского каганата VI—VIII вв. н.э. В таких произведениях постоянно встречается эпический зачин, отражающий мифологическое (доисторическое) время. Далее следует описание настоящего времени и дается его оценка. Эти части соответствуют вышеназванным трем видам авторского сознания: мифологического, историко-этнического и общественно-социального. Первоначальное коллективно-космическое сознание к концу текста переходит в индивидуально-социальное. Самое удивительное здесь то, что в данном произведении отражена вся многотысячная история развития типов художественного сознания.

В произведении присутствуют как изображение действий и событий во времени, так и выражение точки зрения лирического субъекта, поэтому его жанр следует определить как разновидность лиро-эпики. Фактически мы можем назвать это произведение и маленькой поэмой, но все же условно причислим его к гражданской поэзии социально-исторической тематики. Оно вобрало в себе отдельные элементы эпоса тюркских народов, в частности, эпический зачин, стихотворную форму и т.д. Заключая вышеизложенное, мы можем сказать, что благодаря В. Лебеву в чувашской литературе утвердились жанры *предание*, *бывальщина* и *цикл рассказов*, а также *стихотворение* как разновидности повествовательной прозы и лиро-эпики. В творчестве данного мастера слова уже преобладает жанрово-стилевое мышление, приближенное к индивидуальному авторскому сознанию. Но в чувашских текстах это авторство умышленно скрывается и выступает как анонимное.

В 1850-е гг. о молодой чувашской литературе заговорили и в западной прессе. В частности, немецкий тюрколог В. Шотт в 1854 г. в Берлине опубликовал статью «Лебедев и чувашский язык», в которой высказал свое отношение к очеркам чувашского автора, а также оценил его стихотворение «Наше счастье», перевел его на немецкий язык. Благодаря этому переводу мы можем восстановить некоторые пропущенные (зачеркнутые цензором?) слова и более правильно перевести их на русский язык [Родионов 2006. С. 193]. Например, последние шесть строк ученый перевел так: «Ешь, чуваш, черный хлеб, / Скотину ты продавай; / Много денег ты будешь иметь / Для дьяка в тяжелое время. / Ешь, чуваш, черный хлеб: / Это есть наше блаженство!» На то, что последнее слово имеет противоположное значение, переводчик обратил особое внимание, написав такой комментарий: «Кажется, в ней (в песне. — В.Р.) речь идет в целом о том, что чуваш довольствуется малым и недостаточным, и что он от своего дохода очень много отдает» (подробный анализ данного стихотворения см.: [Родионов 2006. С. 193—200]).

«Пробивая себе дорогу без покровительства и средств...»

Спиридон Михайлович Михайлов (Яндуш) является основоположником чувашской художественной литературы и публицистики Нового времени, считается учеником В. Вишневского второго поколения. Его жизнь и творчество следует разделять на следующие периоды: 1. Годы детства и воспитания (до конца 1833 г.). 2. Годы службы в разных волостных правлениях (1834—1841 гг.). 3. Годы активного чтения и сбора материалов (1842—1851 гг.). 4. Годы творческого роста и возмужания (1852—1861).

Предки Спиридона Михайлова были служилыми чувашами, которые вместе с дворянами, боярскими детьми, сотниками и тарханами, казаками и стрельцами привлекались к конной службе в Ядринском полку, формировавшемся по принципу ополчения. В 1718—1723 гг. служилые чуваша были включены в состав государственных крестьян и «уравнены в правах и обязанностях перед государством с бывшими ясачными чувашами» [Михайлов 1972. С. 439].

Свою генеалогию *Спиркка* (чувашский вариант имени Спиридон) изучил до пращура Тевеля, который, по семейным

преданиям, в 1696 г. был под Азовом вместе с козмодемьянскими стрельцами, а прадед Иаков Иванов Яндуш (до крещения его звали языческим именем Яндуш) был при Екатерине II «поверенным своего общества по земляным делам» [Михайлов. 1972. С. 24]. Дети рано обращенного в христианство (задолго до массового крещения чувашей в 1740-е гг.) служилого чуваша потеряли семейную фамилию после 7-ой ревизии (1718—1723). Но многие потомки прадеда С. Михайлова до настоящего времени носят его обновленный вариант: Яндушкин.

Яндуш был человек умный и богатый, оставивший деду С. Михайлова «Симиону довольно пчел и скота». Яндуша, по кончине его, «летом повезли хоронить на 9 лошадях, запряженных в дровни, дабы на телеге не растрясло прах этого великого их родоначальника. Из преданий известно, что он в молодости был беден, находился в работниках у татар за Казанью, но напоследок, возвращаясь на свою родину, поймал дорогою рой пчел, от которого их развелось значительно, так что он имел несколько сот ульев и сделался богачом. Данное предание, записанное Спиридоном Михайловичем в 1852 г., не сохранило информации о том, что его прашур и прадед были служилыми людьми [Михайлов 2004. С. 54]. Сословие служилых людей передавалось, как известно, от отца к сыновьям, т.е. по наследству. Очевидно, один из предков Тевеля заслужил называться служилым в годы военных действий в начале второй половины XVI в., после присоединения Чувашского края к Московскому государству. Своими предками С. Михайлов (Яндуш) открыто восхищался, зачастую явно идеализировал их. «У него, как говорят, — пишет он о Яндуше, — было много дочерей, которые были высокого роста и крепкого телосложения и разъезжали верхами, как воинственные амазонки, жена его была мастерицей ходить за дичью, которую, наловив, приготавлила для мужа своего кушанье и кричала ему на пчельник: *Килях, Яндуш! Абат янда* “Поди, Яндуш! Пища готова”» [Михайлов 2004. С. 54].

Сильная страсть к учению грамоты у будущего писателя появилась, как писал он в автобиографии, в пятилетнем возрасте. С. Михайлов учился грамоте самостоятельно. «Книги мне казались божеством, а буквы в них драгоценностью, — вспоминал свое детство чувашский писатель в 1860 г. — За неимением книг я любил чертить мелом на стенах в подражание писарям и малевать разных птичек и зверьков в подражание лубочным картинам, привозимым чувашами с базара. Если играл

с мальчишками, то зимою ставил снеговые кучи наподобие церквей, а летом удалялся в горы и там любил лепить из глины разных кукол наподобие птичек, зверьков и солдат в подражание обыкновенным детским игрушкам... Клочок бумаги почитал за великую находку и, свертывая его тщательно, прятал где-нибудь в щели. Но все эти детские забавы не могли заглушить моей природной страсти к грамотности» [Михайлов 2004. С. 25].

Пятилетний мальчик плакал, чтобы отец отвез его в Козмодемьянск учиться грамоте. Первыми книгами писателя-самоучки были евангелие, священная история (очевидно, перевод В. Вишневского) и другие церковные книги, полученные от знакомого ему священника с. Чемеево Константина Ямбикова (в церкви данного села в 1820-е гг. работал А. Алмазов, переводчик проповедей на чувашский язык). Через него же он познакомился, но уже в 40-е гг., с В. Грозовым, как наиболее опытным специалистом чувашского языка того времени. А знание специфики разговорного и письменного языков родного народа потребовалось ему в 1842 г., когда он стал, как сам подписывался, «переводчиком чувашского языка Козьмодемьянского земского суда».

В детские годы склонного к уединению чувашского мальчика *Спиркка* произошло одно событие, которое могло кардинально изменить его судьбу. В мае 1833 г. Козмодемьянск выгорел, от пожара осталась небольшая часть его. В то лето посетил сей сгоревший город «незабвенный казанский архиепископ Филарет», к 1860 г. скончавшийся в Киеве митрополитом. Об этой встрече писатель вспоминал так: «Торжественная святительская служба и гармоничное пение прекрасного хора, равно и маленькие в нем певчие, в стихарях и парадном греческом платье, произвели во мне сильное впечатление: думал я отправиться в Казань за преосвященнейшим архиереем, для совершенствования своих познаний. И жалею теперь, что сам не явился к нему в бытность его в Козмодемьянске: он любил детей инородцев и не оставил бы меня в моей крайности. Но я был тогда ребенок и не имел догадки искать покровительства у чадолюбивого архипастыря. Невозвратимы теперь невинные дни моего детства» [Михайлов 2004. С. 28].

Будь он тогда смелее, то нашел бы покровительство архиерея Филарета. В таком случае его ожидала бы судьба учеников В. Вишневского, скорее всего, Василия Громова. Но ему суждено было учиться не в училище и семинарии, а в разных волостных правлениях, не только у добропорядочных людей, но и у

безнравственных порочных людей, любящих «в мутной воде ловить рыбу» [Михайлов 2004. С. 28—29, 358]. В конце 1833 г., когда в доме купца оставаться ему был не в силах (над чувашским мальчиком издевались все, кому не было лень), 12-летний подросток покинул дом покровителя-неудачника (он «весною 1834 г. отправился лесом в Астрахань и там помер») и вернулся в родной край, «в крайности поступил свое волостное правление, чтобы приобыкнуть к письмоводству» [Михайлов. С. 28]. Очевидно, тогда он жил в селе Оринино, где располагалось их волостное правление. «Много было испытано и здесь горя, — с горечью вспоминал он эти несколько месяцев пребывания в родном селе Петра Талиева, цензора и редактора чувашский изданий, — даже некоторые дни оставался без пищи» [Михайлов 2004. С. 28]. «Грамотность ценил я выше всего, — вспоминал писатель и ученый в 1860 г., — только жалею, что цветущие года свои я провел в грязи между дурными людьми; делать было нечего: пробивая себе дорогу без покровительства и средств, мне и грязь казалась добрым путем». Выучившись хорошо писать, юный подмастерий служил с 1834 до 1842 г. в разных уездах Казанской губернии. Из автобиографии известно, что в 1835 г. он работал помощником писаря Бельшешатминского волостного правления (на этой должности он в разных волостях трудился в 1834—1838 гг.), а потом ровно три года служил у станового пристава А.В. Писриева, в 18 лет научился «производить следствие» [Михайлов. С. 29]. «Теперь мне от роду 38 лет, в продолжении которых я довольно испытал горького, — излагал свою душу писатель и ученый к концу своего короткого жизненного пути. — В детстве, до 15-летнего возраста я сам пробивал себе дорогу; не было у меня решительно никаких покровительств и средств; ползал как червь, гнулся в дугу и нырял в лужу. В особенности терпел много от людей развратных, под влиянием которых находился и переходил мытарства, но кротость и незлобивое сердце мое все побеждали» [Михайлов 2004. С. 33].

Особая тяга к истории родного края у любознательного Спиридона начала формироваться в 30-е гг. XIX в. «Долго я собирал материалы и, наконец, в конце 1851 г. составил повесть «О пребывании в городе Козмодемьянске государя императора Павла Петровича с великими князьями Александром и Константином Павловичами», — писал ученый в автобиографии. Как известно, предание об участии чувашей в Пугачевском движении он собирал еще в 1838 г. (в околodge Вурманкасы села Оринино им записано

предание о богаче Мади, который подносил Пугачеву серебряные монеты [Михайлов 2004. С. 262, 390]). Любовь к истории в чувашском юноше усилилась в общении с А.В. Писриевым, ветераном войны 1812 г., служившим, как сообщает Спиридон Михайлов, в «собственной походной канцелярии императора Александра благословенного, был в Париже и имел аттестации от многих вельмож, любил быстроту, правду» [Михайлов 2004. С. 28].

Проблемами происхождения и истории чувашского народа С. Михайлов вплотную занялся, когда начал служить в Козмодемьянском земском суде. «С поступлением в 1842 году в переводчики я в архиве земского суда заметил множество “Журналов МВД”, — вспоминал потом чувашский писатель. — Стал их перебирать, и к великому удовольствию моему попался мне журнал 1840 года за август месяц, в котором помещена статья Н.И. Второва “Памятники древности в Казанской губернии”. Превосходное описание болгарских развалин, равно и надгробные надписи, переведенные на русский язык, сильно подействовали на меня. Я пламенно перечитывал *историю болгар и надгробные надписи* (выделены нами. — В.Р.), переведенные на русский язык, сильно подействовали на меня., <...> и убеждался, что с знаменитыми булгарами могли жить и предки моих соплеменников и принимать исламизм. Впрочем, с этим мнением могут согласиться и ученые умы. Таким образом я в свободное время любил перечитывать старые журналы земского суда» [Михайлов 2004. С. 29—30].

В газете «Казанские губернские ведомости» были опубликованы очерки В. Вишневого, В. Сбоева и других исследователей чувашского быта и культуры. Именно они вдохновили молодого литератора на творческую деятельность. Но к сбору материала он приступил, как убеждают некоторые факты, значительно раньше. Следует полагать, что многие свои «разговоры» (эти диалоги персонажей с ремарками следует отнести к образцам драматургии) С. Михайлов сочинил до написания очерков. Это подтверждается и тем, что ещё в конце 1851 г. он обещал редактору «Казанских губернских ведомостей» «помаленьку высылать полное описание о чувашах, равно разговоры и песни их» [Михайлов 2004. С. 416]. Значит, к концу того года основная часть «разговоров», хотя бы в черновом варианте, уже имелась. Далее подробнее будем писать о книге «Чувашские разговоры и сказки» (Казань, 1853), авторство которой после смерти обсуждалось главным образом в статьях В. Магницкого.

Кто автор книги «Чувашские разговоры и сказки»?¹

В 1853 г. в типографии Казанского университета была выпущена книга со следующим титульным листом: «Чувашские разговоры и сказки, составленные Спиридоном Михайловым, переводчиком чувашского языка». Книга имеет следующие разделы: 1) краткое этнографическое описание чувашей (статья), 2) песни (тексты), 3) пословицы и поговорки, 4) диалоги, 5) чувашские сказки, 6) чувашские загадки и 7) чувашские прибаутки. В 1867 г., уже после смерти С. Михайлова, В. Магницкий выдвинул предположение, что данная книга была составлена не тем автором, который указан на титульном листе, а священником села Ишаки В. Грозовым. Свою версию об авторстве книги «Чувашские разговоры и сказки» впоследствии он выдвигал в ряде работ. Для такого утверждения у него были две причины: 1) непосредственное указание самого Громова, 2) наличие рукописного текста с почерком В. Громова.

Вслед за В. Магницким некоторые исследователи склонны приписывать авторство книги священнику В. Грозову. Свои доводы они основывают на высказывании В. Магницкого и существовании рукописного текста книги, в настоящее время хранящегося в фонде Н. Агафонова в Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва). Казанскому библиофилу она была передана В. Магницким.

Следует заметить, что те исследователи, которые повторяют высказывание В. Магницкого об ином авторе книги «Чувашские разговоры и сказки», не приводят ни одного нового факта. В.Д. Димитриев в своих трудах перечисляет шесть доказательств, которые не дают повода усомниться в авторстве С. Михайлова. Перечислим их по порядку: 1) С. Михайлов в письме А. Артемьеву от 29 декабря 1851 г. обещает выслать ему собранные им разговоры и песни чувашей; 2) в самом начале 1851 г., задолго до опубликования книги, в своей обзорной статье А. Невзоров писал, что «С.М. Михайлов доставил в редакцию “Казанских губернских ведомостей” этнографические описания чуваш[ей] с большим собранием песен, пословиц, сказок, загадок, разговоров и поговорок чувашских, что все вместе составит толстую и очень интересную книгу»; 3) в рецензии на книгу «Чувашские разговоры

¹ Более полный вариант данной работы опубликован в сборнике «Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе» (Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ Чувашской АССР, 1981. С. 147—158). По этой причине далее пропущены некоторые сноски.

и сказки» И.Н. Березин отмечал: «В чувашских текстах, представленных г[осподино]м Михайловым и собранных прямо из уст народа, дышит самобытная фантазия темных чувашских лесов...»; 4) В.Д. Дмитриев предполагает, что В. Громов, в те годы проживавший в Ишаках, не мог описать сборы на балдран-базар у д. Сарлайкино, расположенной в 40 с лишним километрах от с. Ишаки; 5) многие разговоры-диалоги совпадают с сюжетами михайловских трудов; 6) тексты второй половины книги Михайлова относятся к сундырскому, а не ишаковскому говору [Михайлов 2004. С. 451].

Большинство фактов говорит в пользу авторства Спиридона Михайлова. Они отражают как само содержание книги и особенности авторского стиля, так и подтверждаются высказываниями самого автора, его современников и издателя данной книги. Кстати, следует отметить, что заявление В. Громова о том, что книга написана им только после смерти официально известного автора, вызывает большое сомнение.

Как известно, книга имеет две пагинации. Первая часть ее является оттиском статей, опубликованных в ряде номеров «Казанских губернских ведомостей» за 1853 г. А сам титульный лист и по содержанию, и по пагинации относится ко второй части. Можно подумать, что основным текстом первоначально запланированной книги является ее вторая часть, т.е. разговоры и сказки. Она была разрешена к печати цензурой еще в середине мая 1853 г., а публикация статьи и песен, включенных в книгу, как известно, была завершена только в августе.

Приложение отдельных оттисков к книге издателем-редактором было сделано не без ведома автора, с учетом его интересов. Еще 29 декабря 1851 г. С. Михайлов писал Артемьеву, что «потом он будет высылать помаленьку полное описание о чувашах, равно разговоры и песни их» [Михайлов 2004. С. 416]. Вот строки из следующего письма, написанного уже 12 марта 1852 г.: «<...> нужно выписывать сведения из некоторых актов и т.п., а быт чуваш[ей] неполнен еще достаточными фактами, о которых описание будет довольно пространное. Желательно мне потолковать о песнях и прибаутках их побольше, сколько сил, средств и умения моего достанет» [Михайлов 2004. С. 425].

Из писем Михайлова узнаем, что он хотел составить книгу из двух частей: 1) полное описание быта чувашей, 2) чувашские разговоры и песни. Подобную книгу он намеревался завершить летом 1852 г. Об этом мы узнаем из его письма А. Артемьеву от

18 января 1852 г.: «Книжку о чувашах я сам лично намерен представить ва[шему] вы[сокоблагород]ию, когда доживу до лета; найду, может быть, и некоторые орудия у них. Чувашами должен я заняться в летнее время на местах их жительств, а теперь сделать сего нельзя» [Михайлов 2004. С. 421].

Весной и летом 1852 г. С. Михайловым опубликованы статьи: «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде» (июнь), «Предания чуваш[ей]» (июнь-август), «О музыке чуваш[ей]» (август). Они являются отдельными выдержками из задуманной автором книги о быте и духовной культуре чувашей. К сожалению, летом того года книга не была представлена к печати. Основной причиной послужил, скорее всего, непредвиденный переезд покровителя С. Михайлова (А. Артемьева) из Казани в Петербург. Но когда же написана и представлена рукопись будущей книги?

Из рецензии А. Невзорова, напечатанной в самом начале 1853 г., узнаем, что С. Михайлов доставил в редакцию «Казанских губернских ведомостей» этнографическое описание чувашей «с большим собранием песен, пословиц, сказок, загадок, разговоров и поговорок чувашских, что все вместе составит толстую и очень интересную книгу» [Михайлов 2004. С. 452]. Как известно, статья С. Михайлова «Краткое этнографическое описание чуваш[ей]», о которой упомянул А. Невзоров, начала печататься с марта 1853 г. Следовательно, книга была представлена в редакцию не позже февраля того же года, а может быть, и раньше — в конце 1852 г.

Вероятно, книга является вторым вариантом задуманного еще в конце 1851 г. труда, при этом структура ее осталась прежней. Мы уже отметили, что она была задумана в двух частях и автор намеревался завершить ее летом 1852 г. К концу того же года он написал второй вариант книги. Причину появления нового варианта следует искать в отрывочности первого варианта статей о чувашском быте. Именно по этим мотивам вместо уже опубликованных отдельных статей автор написал совершенно новую, наиболее объемную и научную статью о чувашах — «Краткое этнографическое описание чуваш[ей]». Материалы второй части — «Разговоры и песни их» — остались в основном те же, что и составленные в период написания первого варианта книги. Это легко обнаруживается в процессе текстологического изучения.

Из шести диалогов («разговоров») четыре текста имеют непосредственные параллели со статьями С. Михайлова, опубликованными в «Казанских губернских ведомостях» летом-осенью 1852 г. Приведем некоторые из этих параллелей с

соблюдением авторской орфографии и его же подстрочного перевода на русский язык.

1. *Диалог VI — статья «О музыке чуваш[ей]».*

В статье говорится, что звуки народного музыкального инструмента пузыря у чувашей затрагивают сердца красавиц, когда пузырник играет заунывно и мелодиею своей напоминает им о возлюбленном, тоскующем по своей любезной и т. п. Автор восхваляет искусных пузырников: «Пузырник у чуваш — волшебник. Во время свадеб больше всех отличается он, и если музыкант холост, то он совершенный победитель красавиц: ему они все подчинены и покорны».

А теперь приведем строки из Диалога VI:

«Ольок! Шта сăпкаланса суресе эсё хальчен?.. Энё шăпăр сассине илтрем онта, эсё он хысăн кайрăн тем, чопса. Шăпăра итлесе сăвара карса тăриччен тиркё постарасчĕ. Мён пор шопăр таврашира. Она халь прахас кирлĕ. Шопăрсă Хора Юван Микити нитех лайăх сын мар. Хёрсане анчах астарать вăл, хора сăхан. Халь нитех те эсĕ пысăк хёр мар апла суреме шăпăрсăсам патне. Чим сана! Сур тупкине пёрре те хăвармăн» (Ольга! Где шаталась ты до сих пор?.. Я пузырный голос слышала там: ты за ним верно пошла-побежала? Чем стоять пузырь слушаю, разинув рот, посуду убирала бы. Что есть около пузыря? Его теперь надобно оставить. Пузырник, Черного Ивана (сын) Никита, не очень хороший человек. Девоч только манит этот черный ворон. Теперь ты не очень еще большая девица, ходить к пузырникам. Постой же ты! Волосяной кудели несколько не оставлю).

Как видим, диалог тесно связан с текстом статьи. Можно поэтому считать, что диалоги Спиридона Михайлова с соответствующими им по содержанию статьями составляют единое целое. Об этом говорят и нижеприводимые параллели.

2. *Диалог II. «Сборы на балдран-базар» — статья «Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде».*

В статье описывается чувашско-марийское весеннее молодежное сборище «Полтран-базар». А в диалоге изображается подготовка молодежи к этому сборищу. Параллели диалога и статьи выявляются без особого усилия, не требуют текстологического анализа.

Далее — о времени написания диалога. В статье читаем: «Вот в нынешнюю весну в пятницу, 2 числа мая, был последний день балдран-базара». Отсюда можно установить, что как статья, так и диалог были написаны в мае 1852 г., а уже в июне статья была опубликована в «Казанских губернских ведомостях».

3. *Диалог V* — статьи «Предания чуваш[ей]» и «Краткое этнографическое описание чуваш[ей]».

В первой статье автор выдвигает следующую гипотезу: «Вирьял “визгливые деревни”... верховые чуваша получили название “визгливые деревни”... от того, что они, проживая в лесах, трубили друг другу в нужных случаях в рожки... по-чувашски *тютъ калать* значит в “рожек играет”». Соответствующие строки диалога: «*Молодой*. Йӑвашка мучи! Калахчӑ мана: мӑншӑн конти чӑвашсене вирьял тесе каласӑӑ анатрисем? *Старик*. Тютъ каланӑран полӑ вӑрманта; тата чӑлхе вӑрякансем нумайчӑ тет, авал чохне контӑ» (*Молодой*. Дедушка Иван! Скажи-ка мне, почему здешних чувашей вирьялами называют низовые? *Старик*. От игранья, верно, на рожке в лесах; да еще языческих знахарей много было, говорят, в старину здесь).

Следует отметить, что объяснение значения слова *вирьял* как «колдовские деревни» было высказано С. Михайловым в статье «Краткое этнографическое описание чуваш[ей]», т.е. в конце 1852 г. Очевидно, диалог был написан еще летом 1852 г. и впоследствии добавлен и переделан.

4. *Диалог I* («Разговор *анатри*, т.е. низового чувашина, с *вирьялом*, т.е. верховым чувашинном») — статьи «Предания чуваш[ей]» и «Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде» (написана в 1857 г.).

В диалоге автор показывает бытовые и диалектные особенности чувашей двух этнографических групп. Есть некоторые параллели диалога с вышеназванными статьями. В «Преданиях чуваш[ей]» говорится, что на вопрос «Кам эсӑ?» чуваша обычно отвечают: «Чӑваш». На вопрос «Хӑш ял?» отвечают: «Ишек».

А вот начало разговора верхового чуваша с низовым: «*Анатри*. Штысам эсӑ? *Вирьял*. Контисемех. *Анатри*. Хӑш ялӑнче пурнатӑн? *Вирьял*. Сакӑнтинчех (Ишекрех. — В.Р.). [*Анатри*. Откуда ты? *Вирьял*. Я здешний. *Анатри*. В которой деревне живешь? *Вирьял*. В этой же (следует понять “в Ишаках”. — В.Р.).]

В статье «Предания чуваш[ей]» автор описывает быт и устное творчество верховых и низовых чувашей, говорит об уважении верховыми низовых. В данном аспекте отдельные места статьи очень схожи с диалогом I. С последним текстом имеет некоторые параллели и статья «Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде». Вот строки из статьи: «На ярмарке в Ишаках встречались мне и мордва, и черемиса, и низовые чуваша со своими женами и дочерьми, разодетые в разные бисерные наряды».

Диалог I: «*Анатри*. Вырӑс та, сармӑс та, ирсе те пырать тет конта, сӑпех те, хӗлпех те? *Вирьял*. Тирпесӗр халӑх пырать конта, Ишеке» (*Анатри*. Слышно, и русские, и черемисы, и мордва сюда собираются на моление и зимою, и летом? *Вирьял*. И счету нет народу, приходящему сюда в Ишаки на богомолье).

Очевидно, первоначально автор собирал для статьи материалы и в то же время составлял разговоры-диалоги, а уже потом (может быть, через годы) на основе их оформлял статью. Только так можно объяснить нижеприводимые параллели.

5. Диалог IV — «Воспоминание о пугачевщине» (1860).

Диалог IV: «*Старик*. Чар холи патӗнчен тохрӗ. Вӑл, шайтан сӑнӗ, килчӗ конталла йӑлӑм енчен; он чохне пирӗн Чикме холинчен аслӑ тӗре хӑраса тарса Васильски холине. А Чикмери вырӑссам тӗре хысӑн чопса, каялла она тавӑрмашкӑн, вӑл таврӑнман. Вара холари вырӑссам, аптраса, Володимирски саларан Торӑ Амӑшне хӑйсен холине исе килсе; она лайӑхрах посӑпса, Пугачая орӑх сӑл тӑрӑх ямашкӑн и холая онӑнтан сӑлмашкӑн. Вара Торӑ итлерӗ, Пугача Чикме холине пымарӗ» (*Старик*. От Царевококшайского города взялся. Он, шайтанов человек, прибыл к нам с заволжской стороны; в то время из нашего Козьмодемьянска главный воевода, побоясь, удалился в город Василь, а русские граждане пошли за воеводою, чтобы его назад воротить, но он не возвратился. Тогда градские жители, по нужде этой, принесли из села Владимирского в свой город икону божьей матери и ей усердно молились, чтоб Пугачева направить по другой дороге и город от него избавить. Тогда бог услышал молитву: Пугачев в Козьмодемьянск не пришел).

«Воспоминание о пугачевщине»: «Сами козьмодемьянские старцы говорят, что когда Пугачев с шайкою своею тронулся из Царевококшайска и направил путь на город Козьмодемьянск, то воевода их покусился было уйти в соседний город Васильсурск Нижегородской губернии, но жителями был возвращен с дороги. Козьмодемьянцы, видя угрожающую им опасность, положили твердую надежду на бога и на пресвятую богородицу и по единодушному согласию принесли из села Владимирского-Басурманова древнюю чудотворную икону Владимирской Богоматери, к которой и доньне здешние жители при всяком бедствии прибегают за помощью и утешением».

Диалог IV: «*Вӑл, эсрелӗ, кайрӗ вара Ар-Сӗнтӗр сине; шта авал чох хола порччӗ, Ар-Сӗнтӗр тӑвӗнче*» (Он, проклятый, отправился через село Малый Сундырь, где в древние времена был город на Сундырской горе).

«Воспоминание о пугачевщине»: «Пугачев, слышав, что козьмодемьянцы встали грудью за свой город, переехал в нагорную сторону через Волгу ниже Козьмодемьянска в 15 верстах».

Диалог IV: «Пирӗн чӑваш тӑрӑх конта сӳресессӗн, кайрӗ вӑл, шойтан, Етӗрне холине». (По нашим чувашам здесь погулявши, отправился он, шайтан, в Ядрин город).

«Воспоминание о пугачевщине»: «Пройдя через село Малый Сундырь на Ядрин, оставил Козьмодемьянск в покое».

Диалог IV: «*Хорт вӗллисене номай сӗмӗрсе вӑлсам, пыл онӑнтан клара-клара*» (Ульев со пчелами много они разломали, мед из них доставали-доставали).

«Воспоминание о пугачевщине»: Мятёжная шайка «...разъезжая по селениям инородцев, грабила их имущество и разоряла богатые их пчельники, выламывая мед из ульев».

Диалог IV: «*Тотарӑнче, Вӑрманкасӑнче, порчӗ пӗр поян чӑваш, Мади ятӑ. Она Пугачев таврашам тапӑнса пите!... Мади чӑваш, хӑраса, вара аслӑ шӗшкӗ чапкӑпала нумай окса илсе тохса Пугача хирӗс*» (В Оринине, в околodge Вурманкасах, был тогда один богатый чувашин, по имени Мади. К нему пугачевские служители приступали очень!... Мади чувашин, испугавшись тогда, в большой ореховой чашке вынес много денег Пугачеву навстречу).

«Воспоминание о пугачевщине»: «Богатые из чуваш[ей] даже встречали их с деньгами, как с хлебом и солью. В 1838 г. один чуваш показывал мне большую ореховую чашку, в которой дед его подносил Пугачеву серебряные монеты».

По нашему мнению, в данном диалоге образ старика собирательный. Если мы допустим, что разговор в действительности состоялся в 1852 г., то старику в то время было бы 104 г. (как он сам сообщает, в 1773 г. ему было 25 лет), чего вряд ли могло быть. В тексте диалога старик сообщает о том, что Пугачеву подносил монеты в большой ореховой чашке богатый чуваш из соседней деревни. А в статье автор пишет, что сам лично он видел эту чашку, но уже у внука того богача. Это было якобы в 1838 г. Значит, если диалог состоялся в действительности, то он относился бы по крайней мере к 1838 г. Мы склонны думать, что данный диалог был написан значительно позже указанной даты. Образ старика был создан, скорее всего, по рассказу его внука, следовательно он (образ) является плодом художественного воображения писателя.

6. Диалог III («Старик Павел Фролов рассказывает молодому своему свату приключения, случившиеся с его отцом в 1769 г.»)

Из всех диалогов только он не имеет параллели со статьями С. Михайлова. В диалоге старик рассказывает о причине подачи объявления его отцом в 1769 г. Очевидно, писатель обнаружил какой-то документ, свидетельствующий об этом. Старик говорит, что с этого времени уже прошел 81 год. Значит, если разговор в действительности был, то он состоялся в 1850 г. Мы считаем, что данный диалог является одним из первых произведений автора и он написан не позднее 1850 г. Для такого предположения есть ряд причин. Во-первых, к концу 1851 г. он обещает выслать Артемьеву «разговоры». Значит, у него для такого обещания были первые составленные автором тексты, следовательно, определенный опыт их написания по правилам чувашской орфографии тех лет, и, конечно, наброски на будущее. Во-вторых, из шести диалогов данный диалог отличается от других своей незначительной темой и несовершенной формой. При этом только в данном диалоге имя молодого человека совпадает с именем автора — Спиридон. Все эти факты говорят о том, что диалог состоялся в действительности, а его описание осуществлено без какого-либо художественного вымысла. Статью автор не написал, очевидно, из-за того, что для истории и этнографии данный факт не представлял особого интереса. Мы с большой уверенностью можем назвать подлинного автора данных диалогов. Его фамилия совершенно справедливо стоит на титульном листе книги — «Спиридон Михайлов, переводчик чувашского языка».

Далее остановимся на фактах, приводимых В. Магницким.

1. Рукописный текст книги написан почерком В. Громова. Действительно, рукопись книги написан тем же почерком, что и письма В. Громова. Данный факт нисколько не противоречит авторству С. Михайлова, а наоборот, помогает выяснить некоторые детали. В.Д. Димитриев замечает, что Громов действительно мог иметь некоторое участие в составлении, а именно — в их оформлении. Спиридон Михайлов «мог прибегнуть к его услугам, в частности, по переписыванию и орфографированию записанных им самим чувашских текстов».

Как известно, В. Громов был одним из тех священников, которые свои проповеди читали на чувашском языке уже в 40—50-е гг. XIX в. Священник Громов считался большим специалистом по чувашскому языку. Им был составлен «Чувашско-русский лексикон» с описанием чувашской грамматики и орфографии. Поэтому не удивительно, что С. Михайлов, будучи самоучкой,

за помощью в орфографическом оформлении текстов на чувашском языке обращался к В. Громову.

Отношения между С. Михайловым и В. Громовым всегда были дружеские. Если допустить, что сочинения В. Громова случайно опубликовались под авторством С. Михайлова, то первый, судя по его характеру и личности, официально заявил бы об этом еще при жизни Михайлова. Но этого, как мы знаем, не произошло. Наоборот, С. Михайлов до последних дней жизни открыто называл данную книгу своей. В письме М. Погодину от 25 апреля 1860 г. он пишет: «Артемьев первый начал печатать мои статьи, пробудив во мне врожденную страсть к литературе, а Березин продолжал помогать мне в этом деле, издавши в 1853 году мою первую книгу «Чувашские разговоры и сказки» на свой счет. Не забуду благодарений их до конца жизни!» [Михайлов 2004. С. 436].

2. В. Магницкий пишет: «Чувашские разговоры, сказки, загадки и прибаутки составлены... Василием Петровичем Громовым, как он мне лично передавал об этом».

В. Громов действительно мог сказать В. Магницкому о его определенном участии в составлении рукописи книги, при этом подразумевая не само сочинение разговоров-диалогов, а переписку и орфографическое оформление их, а также сбор фольклорного материала. В. Магницкий же мог перефразировать его слова, поняв, что книгу составил именно В. Громов. Даже допустимо, что В. Магницкому Громов действительно представился как настоящий автор книги. Дело в том, что в те годы, уже старческие, он имел страстное желание получить вторую медаль Русского географического общества. Вот что он пишет в письме к А. Артемьеву от 22 октября 1873 г.: «Желание мое простирается до получения второй серебряной медали». Еще задолго до того времени он писал А. Артемьеву так: «Если я не стою серебряной медали, то за 15 лет участия в трудах сего общества, за 30 книг, туда мною посланных, за 12 лет свода метеорологических наблюдений... стоил бы получить бронзовой медали, чтоб ее носить хоть к концу жизни» (Письмо А.И. Артемьеву от 23 апреля 1862 г.). Как известно, он часто получал отрицательные отзывы на свои труды, в частности, на «Чувашско-русский лексикон». Второй медали Русского географического общества он так и не удостоился. Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что нет оснований сомневаться в подлинности автора, указанного на титульном листе «Чувашских разговоров и сказок». В художественном плане наиболее удачным текстом следует считать «Разговор *анатри*, т.е. низового чуваша, с

вирьял’ом, т.е. верховым чувашом», написанный из шести диалогов самым последним. (В «Разговоре» речь идет о неурожайном годе, каким был, как отмечает С. Михайлов в одной из статей, 1852 г. Данный текст отличается от остальных и по тематике, и по месту изображения.)

Итак, большим историческим событием для чувашской культуры стало издание в 1853 г. первой антологии чувашской словесности. В эту книгу («Чувашские разговоры и сказки») вошли очерк и шесть диалогов-разговоров С. Михайлова (Яндуша), а также песни, сказки и тексты малых жанров чувашского фольклора, собранные самим автором книги и его учителем В. Громовым. Последнему принадлежат, очевидно, две сказки и тексты малых жанров второй части книги, которые в 50-е гг. XIX в. автором были представлены Альквисту и они до настоящего времени хранятся в архиве этого финского ученого.

«Из миллиона чуваш[ей] и черемис я первый еще писатель в России»

Под благотворным воздействием переводов В. Вишневского и лингвистических изысканий, а также переводческого опыта В. Громова С. Михайлов (Яндуш) составил «чувашские разговоры» (диалоги-пьесы) с отдельно встречающимися в них ремарками. Хотя подлинная чувашская драматургия сложилась лишь в начале XX в., когда начали создаваться первые школьные театры, но ее первые образцы были сочинены С. Михайловым еще за полвека раньше. Именно отсутствие театра задерживало развитие национальной драматургии.

Несколько иная ситуация сложилась в области прозы и поэзии, которые как-то могли функционировать самостоятельно. Но здесь следует уточнить, что отсутствие национальной периодической печати тоже задерживало их нормальное развитие. Любой национальный писатель или ученый тогдашней Российской империи полностью мог реализовать себя лишь в том случае, если он писал не на своем родном языке. Выбор писателем языка происходил не от его разработанности, как некоторые пытаются объяснить подобные факты в литературном творчестве, а от национально-колониальной политики царской России. Даже такие прогрессивные люди, как, например, П. Савельев и его окружение, считали благом для малых народов их быстрое растворение в русском народе.

Но переход писателя на русский язык в то время, когда малые народы сравнивали с «сорной травой» (Н. Полевой), был необходим. Необходимо было доказать русскому обществу обратное, о чем писали П. Аноров, В. Вишневский и В. Сбоев. Данную миссию полностью возложил на себя природный чуваш С. Михайлов, который во всеуслышание заявил: «Теперь трудно ломать натуру, да и не должно мне переменять жизнь свою, когда из миллиона чуваш и черемис я первый еще писатель в России» [Михайлов 2004. С. 437].

Это было своеобразным вызовом. Своим талантом и умом он снискал уважение не только к себе, но и к своему народу. О нем стали писать как о «неслыханном чуде». Вчерашний сын необразованного чуваша стал членом-сотрудником Русского Географического Общества (1853), членом-корреспондентом Казанского статистического комитета (1856), а в 1859 г. получил две серебряные медали, его заочно знали М. Погодин, Н. Надеждин, П. Савельев и другие ученые из славянофильского окружения.

В начальный период своего творчества С. Михайлов (Яндуш) интересовался прежде всего проблемами этнической культуры и истории своего народа. По его убеждению, мощь и сила чувашского народа обратно пропорциональны историческому времени: чем древнее, тем вольнее и полнокровнее его жизнь. В настоящем нищенствующий, «живший в невежестве» народ в прошлом был «могущественным», его герои яростно нападали на русских, пленили приближенных людей казанского хана и совершали храбрые поступки.

Поиск силы народа в его прошлом, особая любовь к истории этноса определили пафос и стиль повествования художника слова. В ранних очерках автор-повествователь выступает как романтик, влюбленный в идеализированное прошлое. Персонажи «разговоров» писателя остро критикуют настоящее на фоне относительно благополучного прошлого. [Михайлов 2004. С. 391]. Вот какой разговор происходит между персонажами диалога «О прошлом» (русский перевод наш):

«Молодец. От деда слышал я, что в старину чуваша жили в довольствии.

Старец. Эй, Григорий! В те времена и урожай был обильный, и пчельников было много.

Молодец. А теперь почему не так?

Старец. Сейчас другие времена пошли, да и люди уже не те...» [Михайлов 2004. С. 391].

Творческое мышление С. Михайлова (Яндуша) отталкивается от такой временной оппозиции, как «прошлое — настоящее». Оппозиция выражена в первую очередь в национально-этническом аспекте, в проекции истории чувашского народа. В более зрелые годы писатель прибегает к помощи оппозиции для критики частных несовершенств настоящего мира людей: злоупотреблений властью, национальной и социальной несправедливости, жестоких законов экономической жизни и т.д. С помощью экономической статистики он доказывал крайне бедственное положение волжских бурлаков, чувашских, марийских и русских крестьян края. Соответственно, в этих очерках зрелого периода автор-повествователь из любопытного созерцателя превращается в безжалостного обличителя, горячего публициста, критика социально-экономической действительности.

В своих поисках нравственного идеала он снова обращается к прошлому общества и народа. «Нет, Григорий, — рассуждает старец в вышеприведенном диалоге, — теперь плохих людей стало много, друг друга обманывают». По словам старика, «раньше люди жили в согласии друг с другом» [Михайлов 2004. С. 391]. А в рассказе «Разговор на постоялом дворе» на очередной вопрос автора рассказчика («А кто у вас голова, ведь такой же чувашин?») старуха отвечает такими словами: «Нет, родимый, не такой же чувашин, а из городских мещан; был прежде писарем, да записался в крестьяне, в чувашскую деревню, да и сделался головой, да и стал пуще прежнего всех надувать. Прежде были головы из чуваш[ей], не умели так плутовать. Где чувашину так обманывать!» [Михайлов 2004. С. 367].

В произведениях С. Михайлова (Яндуша) социальные проблемы тесно переплетены с этическими проблемами и вместе они составляют эстетические искания художника. Как уже отмечалось нами, в своих ранних очерках С. Михайлов (Яндуш) создавал образы романтических героев, которые взяты из романтического прошлого народа. В этих произведениях автор-рассказчик любит «по врожденной привычке блуждать и мечтать по живописным окрестностям», осматривая гору, «увлекается фантазией, держа в руке карандаш и бумагу», впадает в «глубокое размышление».

В произведениях зрелого периода писатель создает образ автора-повествователя в совершенно ином облики. Здесь он убежденный рационалист, занятый поисками причин и следствий отдельных явлений и поступков. Теперь он не восторгается от познанного, как было в ранних очерках, а размышляет и оценивает. Таким

образом, в стиле творческого мышления былое *познание-восторг* прошлым заменяется *познанием-оценкой* настоящего.

Своим творчеством С. Михайлов (Яндуш) создал жанровую иерархию чувашской неораторской прозы того времени. Традиционный синкретический жанр он расщепил на очерки чисто научные и литературно-художественные, многие из последних представляют из себя художественные рассказы («Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани», «Злополучный сын» и др.). В 1854 г. чувашский писатель составил сборник юмористических рассказов под названием «Легенды про вятчан», из которых сохранились, к сожалению, только четыре. В 1858 г. он написал нравоучительный рассказ «Человек предполагает, а Бог располагает», традиции которого впоследствии успешно развиты Игн. Ивановым, а через год — социально-аналитический рассказ в форме диалога «Разговор на постоялом дворе». В последнем рассказе успешно применена собственно-прямая речь героев, которая четко выделена от повествования автора-рассказчика. Чувашский писатель разработал своеобразную поэтику всех разновидностей жанра рассказа, в том числе и историко-биографического («Злополучный сын», 1860). Жанровое мышление С. Михайлова постепенно переросло в индивидуально-авторское, что подтверждается оригинальной поэтикой его рассказов.

Таким образом, С. Михайлов (Яндуш), как яркий деятель чувашской культуры и науки, достроил возводимый многими предыдущими поколениями каркас Храма чувашской письменной культуры и науки. Его творчество способствовало появлению в чувашской литературе последней четверти XIX в. первой литературной классики — поэмы Михаила Федорова (*Хветёр Михали*) «Арсури» (Леший, 1884).

Итак, в 50-е гг. XIX в. чувашская литература твердо встала на ноги и творчеством В. Лебедева и С. Михайлова (Яндуша) заявила миру о своем появлении. Считая своим долгом передать и внушить современникам (как единоплеменным, так и русскоязычным) сверлящую голову мысль, довести до них состояние своей души, они брали в руки перо, сочиняли о чувашах очерки и статьи, разговоры-диалоги и рассказы, стихотворения. Наряду с реализацией своих художественно-эстетических потребностей они выполнили и историческую миссию — завоевали для своего народа культурное пространство, определенное место в пространстве человеческих цивилизаций.

«Явилась мне звезда Валаамова от Иакова...»²

[Творчество С. Михайлова (Яндуша) в оценке его современников]

На книгу «Чувашские разговоры и сказки» и отдельные работы С. Михайлова (Яндуша) стали появляться рецензии и литературно-критические статьи в центральных журналах. О творчестве чувашского писателя-историка казанский литератор А. Невзоров опубликовал в журнале «Москвитянин» положительную рецензию (1853. № 2. Кн. 2. С. 52—53). Здесь уместно привести некоторые строки из данной рецензии:

«Из числа сотрудников этой газеты («Казанских губернских ведомостей», далее КГВ. — *В.Р.*) обращает на себя особенное внимание писатель-самоучка из чуваш[ей] Спиридон Михайлов, о котором мы намерены сказать кстати несколько слов.

Известно, что чувашаи принадлежат к числу неграмотных наших инородцев, и доселе человек образованный между ними, а тем более писатель, был неслыханное чудо; посему не удивительно, что отец Михайлова, простой мужик-чувашанин, смотрел неблагосклонно на малолетнего сына к русской грамоте. Но наконец, когда сын еще шести лет хотел покинуть для ученья свою родимую деревню, отец вынужден был отвести его в город Козмодемьянск, где С. Михайлов и поступил к одному почтенному купцу и начал свое учение с Псалтыря. К несчастью, уже 13-летнего Михайлова, купец, покровитель его, скончался [...]. Наш чувашанин-грамотей, на которого произвел сильное впечатление приезд архиепископа Филарета в Козмодемьянск, думал отправиться для усовершенствования своих познаний в Казань, но обстоятельства были были сильнее его желания. С. Михайлов принужден был остаться в Козмодемьянске, и поступил потом на службу переводчиком чувашского языка в Козмодемьянский земский суд, где и состоит постоянно уже четвертое трехлетие.

На литературное поле выступил С. Михайлов в нынешнем 1852 году в «Казанских губернских ведомостях», где была напечатана (в № 2) его первая статья: «Повесть о пребывании в городе Козмодемьянске императора Павла Петровича». За этой повестью

² По библейскому преданию, местопотамский волхв и прорицатель Валаам, несмотря на предупреждение свыше, хотел произнести, за большую мзду от царя моавитян Валака, проклятие на израильский народ, но произнес вместо этого величественное предсказание, что среди израильтян взойдет звезда, которая затмит всякое земное величие (т.е. Иисус Христос). С. Михайлов (Яндуш) здесь подразумевал исполнение своего «детского предвещения», что когда-то он будет среди чувашей «святилом» [Михайлов 2004. С. 28, 32, 415, 442].

последовали этнографические статьи о чувашах и о древностях козмодемьянских, а в последнее время г[осподи]н Михайлов доставил в редакцию “Казанских губернских ведомостей” этнографическое описание чуваш[ей] с большим собранием песен, пословиц, сказок, загадок, разговоров и поговорок чувашских, что все вместе составит толстую и очень интересную книгу. Ученые, преимущественно филологи, будут здесь иметь случай познакомиться с чувашскими текстами, которых доньше в печати почти не показывалось. Те, которые читали статьи г[осподи]на Михайлова, невольно удивляются его оригинальному, но простому и выразительному складу мыслей и слова; в молодом еще чувашском писателе заметно даже умение обращаться с учеными предметами ученым образом, а в “Чувашских свадьбах” он является с русскими стихами» [Михайлов 2004. С. 452].

В очерк «Чувашские свадьбы» (1852) чувашский литератор поместил следующие стихи собственного сочинения:

О ты Юнга, родной мой край,
Где колыбель меня прияла,
Лью слезы, говоря: прощай!
Я сиротой печальной стала.
Прощай, страна моих отцов,
Прощайте, дни мои молодые!
К тебе я сохраню любовь,
В пределы удаляясь чужие.
Мой конь не всю меня увлек:
Здесь я часть жизни оставляю,
Прими, прими ее навек,
Тебе в дань сердце обрекаю!

Данное лирическое стихотворение весьма оригинальное, оно не является переводом текста причитания невесты на свадьбе, как хотел подать его автор. Так поступил он и со вторым оригинальным стихотворением, приложенным к концу статьи «Верноподданническая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым» [Михайлов 2004. С. 44]. В письме А. Артемьеву от 16 февраля 1852 г. С. Михайлов отказывался от своего стихотворения, отправленного к редактору более одного месяца назад: «Под рассказом о рыбаке Труневе стихи дурацкие не моего сочинения, а одного простого мужика, они вздор...» [Михайлов 2004. С. 422]. Между тем простой чувашский мужик (в стилистике автора «мы, финны») не смог бы дать этногенетическое определение своему народу, а также показать свое знание в стихотворных размерах силлабо-тонического метра. Вот это стихотворение, содержащее всего две строфы:

Страна Запада просвещенна!
Мы, финны, не видим тебя:
У нас в очах одна Русь священна;
Влекущая к царю любя.
Вы громкого сыны Запада!
Воззрите же, как русский мужик
Любит Христа Господа
И земных своих владык...

Идеи вышеприведенного стихотворения по своим опорным понятиям и символам весьма близки духу одной из статей А. Артемьева, напечатанной в КГВ (*Артемьев А. Мысли при виде выступления из Казани бессрочно-отпускников // КГВ. 1848. № 19. С. 160—162*):

«Взгляните, что делается ныне там, на противоположном от нас конце Европы... И невольно повторишь слова Карамзина, некогда обращенные к той же стране: “век просвещения!” мы не узнаем тебя... Брожение умов, волнения страстей затмили тучами доселе ясный горизонт Запада, — туча разрослась и буря охватила почти всю Европу: а наша Русь, под крестом православия, под надежным щитом Самодержавия, стоит незыблема и спокойна, крепкая своей верою, крепкая своею любовью к Царю и Отечеству».

Очевидно, стихотворение «Страна Запада просвещенна...» сочинено автором после ознакомления с вышеназванной статьей редактора неофициальной части КГВ, быть может, еще в 1848 г., когда Европа претерпевала очередные революционные потрясения. На их фоне значительно актуализируется проблема, поставленная в стихотворении поэта.

Профессор Казанского университета, редактор «Казанских губернских ведомостей» И. Березин, издавший книгу чувашского писателя на свои средства, отзывался о ней весьма положительно:

«Под этим скромным заглавием автор, природный чувашенин, предлагает сборник оригинальных сведений о своих соплеменниках, начиная этнографическим очерком чувашского быта и оканчивая чувашскими текстами с русским переводом, — знакомит рецензент с автором книги. — Конечно, эта книга займет внимание немногих, потому что и самое племя, о котором она распространяется, не развилось исторически настолько, чтоб занять место между любопытными для человечества племенами; но если мы захотим вспомнить, что для науки все племена равно привлекательны, если захотим узнать, что вопрос о происхождении чуваш[ей] остается неразрешенным до сих пор, если, наконец, захотим обратить внимание на значительную численность чувашского народонаселения, распространенного в восточном краю

Европейской России, то мы невольно возьмемся за книгу г[осподи]на Михайлова, а раз взявшись, невольно прочитаем, потому что книга составлена со знанием дела. Притом же, как не любопытно познакомиться с первым являющимся на свет чувашским писателем, который в течение одного года успел настолько обратить на себя внимание, что имп. Русское географическое общество избрало его своим сотрудником?

...Чувашский быт, которым занимается первая половина книги, описывается автором очень рельефно...

Очень любопытна глава о происхождении чувашей...

Вопрос, поднимаемый господином Михайловым, очень занимателен: он получает еще более интереса, когда мы прибавим, что и в сохранившихся булгарских надписях является при употреблении слова “сын” вместо обычной тюркской формы *узул* или *огул* странная форма *ул*, которую можно читать и *ивыл*, а по-чувашски “сын” говорится *увыл*».

В чувашских текстах, представленных г[осподином] Михайловым и собранных прямо из уст народа, дышит самобытная фантазия темных чувашских лесов...

Изданием чувашских текстов господин Михайлов оказал большую услугу восточной филологии: теперь ученые имеют возможность определить истинное место чувашского языка и приурочить его к какой-нибудь отрасли, не на основании только лексикографических сравнений, а на основании общих свойств языка. Что же касается до нас, то мы остаемся при прежнем убеждении относительно чувашского языка, а именно, что он занимает такое же место между тюркским и финским, какое занимает якутский между тюркским и монгольским и никогда не решимся по оригинальности форм чувашского и якутского, отнести эти языки к чистым тюркским диалектам» [Михайлов 2004. С. 452—453].

Рецензент разбирает структуру книги, затрагивает проблему происхождения чувашского народа, считая, что С. Михайлов правомерно ищет своих предков в истории волжских булгар. Со своей стороны в пользу этой теории он приводит дополнительный аргумент, приводит заключение, что чувашский и якутский языки не относятся к чистым тюркским диалектам. К сожалению, данная фраза составителем «Собрания сочинений» по неизвестным нам причинам пропущена и не включена в книгу.

В 1850-е гг. о молодой чувашской литературе заговорили и в западной прессе. В частности, немецкий тюрколог В. Шотт в Берлине опубликовал статью «Лебедев и чувашский язык», в которой он высказал свое отношение к очеркам чувашского автора, а также оценил его стихотворение «Наше счастье», перевел его на немецкий язык [Родионов 2006. С. 182—194].

Таким образом, относительно раннее формирование переводческих школ и единого литературного языка, а также появление национальной интеллигенции первого поколения при

благоприятных общественно-культурных условиях России способствовали тому, что уже в 50-е гг. XIX в. С. Михайлов (Яндуш) смог выступить от имени своего родного народа. «Из миллиона чуваш[ей] и черемис, — гордо заявил он о себе в одном письме М. Погодину, — я первый еще писатель в России. Следует и из них кому-нибудь писать для общей пользы». Для христианских народов Поволжья данное заявление в то время действительно было исключительным. Чуть раньше культурное пространство для бурятского народа завоевал Д. Банзаров. В этом плане интерес представляет следующее высказывание П. Савельева: «Блеск замечательной личности отражается и на народе, и буряты отныне приобрели на большое внимание потому, что из среды их вышел Доржи Банзаров» [Савельев 1855].

Появление в культурном пространстве России талантливого сына коми народа И. Куратова следует считать очередным феноменальным, в то же время закономерным явлением. Письменность у коми появилась во второй половине XIV в., а некоторые древнепермские письменные памятники сохранились до XIX в. Основным центром формирования новой коми-зырянской переводческой школы уже с XVIII в. стала Вологодская духовная семинария. Там переводили православно-христианскую литературу не только с русского, но и с древнепермского языка. Ту миссию, которую в Казани выполнял чувашский просветитель В. Вишневский, в Коми крае приняли на себя П. Савваитов (1815—1895) и А. Попов (1815—1886). Первый, будучи, как и чувашский соратник, профессором философии, в Вологодской семинарии (1837—1842) развернул широкую просветительскую деятельность: вел филологические и этнографические исследования, собирал памятники древнепермской письменности и русской старины, а также фольклорный материал местных народов. А самое главное — он взрастил талантливую молодежь из среды коми народа, самыми яркими представителями которых были Петр Распутин (1820—1901) и Василий Куратов (1820—1861). После перевода П. Савваитова в Санкт-Петербург его дело продолжил А. Попов, воспитанник Московской духовной академии, который развивал в своих учениках любовь к Коми краю, к изучению родного коми языка. Его учениками были, как известно, ученый-лингвист, поэт Г. Лыткин (1835—1907) и основоположник коми литературы И. Куратов (1839—1875). Уже в семинарские годы они стали увлекаться поэзией, переводить иноязычную литературу. В отличие от чуваша С. Михайлова (Яндуша), И. Куратова привлекали не

исторческие события и этнографическое своеобразие народа, а современное и будущее его состояние. Это можно объяснить особенностью того времени, когда на фоне угасания бурных споров славянофилов и западников в 60-е гг. XIX в. усилилось массовое увлечение идеями народников и революционных демократов.

Дух времени отразился не только в мировоззрении этих основоположников литератур коми и чувашского народов, но и в их литературном творчестве. Будучи привлеченным в круг ученых и литераторов антизападного, славянофильского направления, С. Михайлов (Яндуш) брал на себя великую миссию: завоевание для родного народа права на достойное сосуществование в историческом этнокультурном пространстве. Возвращая народу его историю, он стремился развивать в нем чувство человеческого достоинства. Повлиять на своих сородичей он мог лишь через периодические издания. Поэтому его излюбленным жанром явился очерк. В те годы этот синкретичный жанр заменял и национальную литературу, и гуманитарные науки. На начальном этапе развития как поэзия, так и проза доходили до читателей в жанре очерка, допускавшего публиковать тексты и на языке оригинала. Раньше мы предполагали, что именно от очерков 30—50-х гг. XIX в. отпочковалась чувашская поэзия, стала на ноги национальная проза, обрела свою самостоятельность драматургия, данная особенность типична для многих литератур Урало-Поволжья. Сегодня нам представляется, что оригинальную поэзию в очерки включали по простой причине — отсутствия другой возможности опубликовать художественные произведения национальных творцов художественного слова. По такой же причине С. Михайлов и И. Куратов выдавали свои оригинальные творения за фольклорные тексты.

И. Куратов жил и творил в период кардинальных реформ 60-х гг. XIX в. Свою миссию он видел в творении художественного слова на родном языке. Поэт писал стихи, как и сам удачно выразился, не для продажи на базаре. Он знал, что когда-нибудь его поэзия будет востребована родным ему народом. Основатель коми литературы всей своей сущностью стремился в мир лирики. Этому способствовали не только тип мышления и характер поэта, но и наличие определенных традиций коми письменной поэзии.

Таким образом, период становления чувашской литературы полностью совпал с периодом консолидации этноса, роста национального самосознания и он теснейшим образом связан с развитием письменной культуры в целом, книжным делом и

школьным образованием, формированием национальной интеллигенции. В таких случаях всегда выдвигаются национальные лидеры-просветители. В 1830—1850-е гг. чувашским просветительским движением руководил В. Вишневский, который в 60-е гг. на это поприще благословил Н. Золотницкого. В 70-е гг. его достойно заменяет целеустремленный молодой чуваш И. Яковлев, который за 50 лет взрастил сотни деятелей национальной культуры и образования.

Чувашская письменная литература как система стала функционировать в 1850-е гг. и в последующем набирала темпы развития, а в начале XX в. она достигла своего расцвета (К. Иванов, Г. Кореньков, Ф. Павлов, И. Тыхти. М. Сеспель). Подобные этапы становления и развития проходили и другие литературы народов Поволжья и Приуралья. Европейско-православное просветительство первоначально дошло до верховых чувашей и горных марийцев, затем оно распространилось в восточном направлении и охватило крещеных татар и средненизовых и низовых чувашей, луговых марийцев, удмуртов и мордву. Особый путь развития просветительства имеет народ коми. Имея живую память о богатых письменных традициях, первые коми просветители развернули свою деятельность почти одновременно с В. Вишневским и его учениками.

Труды С. Михайлова (Яндуша) по некоторым проблемам исторической этнологии

Труды С. Михайлова (языческая фамилия ученого Яндуш, 1821—1861) изучены главным образом традиционными методами советской исторической науки. Многие из них написаны по поводу выявления новых документов и биографических фактов, с точки зрения распределения его наследия по разным областям наук и литературного творчества. Краткий библиографический обзор имеется в «Предисловии» В.Д. Димитриева, составителя «Собрания сочинений» чувашского писателя, этнографа и историка середины XIX в. [Михайлов 2004. С. 17—22]. Из этнологических проблем в работе вышеназванного ученого изложена позиция С. Михайлова на вопрос происхождения чувашского народа, а также перечислены межэтнические контакты чувашей со своими соседями. К сожалению, наши этнографы, нередко используя собранный исследователем середины XIX в. бесценный материал, не удостоили его творчеству даже отдельной научной статьи. Между тем значительно лучше и глубже изучена его

литературно-публицистическая деятельность. Например, в коллективной монографии «История чувашской литературы XVIII—XIX веков» (2020) творчество этого поэта, прозаика и публициста заново переосмыслено и вписано в историю чувашской литературы Нового времени [История. С. 147—159].

С позиции науки о чувашском этносе собранный С. Михайловым материал позволяет удачно реконструировать, на наш взгляд, межэтническую и внутриэтническую контактную ситуацию его времени, выявить некоторые механизмы и закономерности функционирования и эволюции чувашского этноса в динамике. Круг конкретных вопросов, который мы намерены рассматривать в настоящей работе, охватывает историю сложения этнографических групп и диалектов языка чувашского этноса, прежде всего в аспекте миграционных и этногенетических процессов, а также причины появления и механизм функционирования в чувашском этническом сообществе людей с личностным сознанием (с новым уровнем понимания реальности). К подобным историческим личностям середины XIX в. мы относим и С. Михайлова, который в своих трудах описывал некоторые социальные и этнические противоречия, указывал на возможные пути их преодоления.

Первая попытка выделения в отечественной науке чувашских этнографических групп и диалектов чувашского языка была осуществлена, как нам известно, Г. Миллером в научном труде «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» (1791) [Хрестоматия С. 92—143]. Раздел «О языках, о художествах и о науках» ученый начинает с описания сходств черемисского (марийского), чувашского и вотяцкого (удмуртского) языков с татарским, русским и финским языками. Из всех языков чувашский, по его справедливому замечанию, «больше сходствует с татарским языком» [Хрестоматия. С. 106]. Далее он пишет, что каждый из вышеназванных языков разделяется на два отдельные диалекты. «Чуваши, имеющие жительство около Василева, Козмодемьянска и Чебоксар, — выделяет исследователь диалектную территорию верховых чувашей, — говорят так же, хотя и не весьма отменно, однако иначе, нежели те, которые живут ниже устья реки Камы, да и между вотяками, которые живут по верху и внизу по реке Вятке» [Хрестоматия. С. 106—107]. К территории последней группы чувашей в первом разделе автор относит левые стороны рек Кама и Волга, т.е. степные просторы, в том числе, следует полагать, и степь правобережья Волги, «где живут чувашы» [Хрестоматия. С. 94]. П. Паллас, собиравший в 1768 г.

этнокультурный материал закамской группы низовых чувашей, удачно заметил, что «живущие по леву сторону Волги в степях чувашане всем на гористой стороне находящимся деревням придают название *верьял*, а сами себя *хирдиял* называют [Хрестоматия. С. 160]. Этимологическим разбором этих и других названий этнографических групп и этнонимов народов Поволжья займемся несколько позже, здесь только заметим, что оба термина (*вирьял* и *хирти[ял]*) находятся в активе лексики современных чувашей (низовых и южной части средненизовых), но только несколько смещены их изначальные семантики.

В своих очерках С. Михайлов (Яндуш) выделял две этнографические группы и диалекты чувашского народа. «Чуваши разделяются на низовых и верховых, — писал исследователь в очерке «Предания чуваш[ей]», опубликованном в 1852 г., — низовые называются по-чувашски *анатри*, то есть низовый, а верховые *вирьял* “визгливые деревни”» [Михайлов 2004. С. 53]. (Правильный перевод последнего слова дан ниже.) Здесь же он дополняет, что верховые чуваша к низовым имеют «какое-то особенное уважение и называют их старинными или коренными чувашами, так как низовые чуваша и до сих пор костюм свой не переменили, одеваются так же, как будто в старину; но верховые переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут» [Михайлов 2004. С. 53].

В очерке «Чувашские свадьбы» (1852) С. Михайлов относил к верховым чувашам население Козьмодемьянского уезда, а к низовым — Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии [Михайлов 2004. С. 74]. «*Хошна* у низовых чувашских женщин высокая, как бурак, а у здешних — красивая низенькая, покрывает едва лоб и виски как широкая лента...» [Михайлов 2004. С. 75]. Из приведенного здесь текста можно понять, что низовыми чувашами ученый здесь называл конкретно средненизовых, которые имели *хушту* цилиндрической формы и относительно высокую.

В статье «Краткое этнографическое описание чувашей» (1853) в состав *вирьял* С. Михайлов причислял главным образом чувашей Козьмодемьянского уезда, а также население северной части Ядринского уезда Казанской губернии [Михайлов 2004. С. 107]. Данный ареал примерно охватывает сундырский и моргаушко-ядринский говоры верхового диалекта [Сергеев. С. 347]. Остальные чуваша, проживающие ниже (восточнее) территории этих говоров (чуваша большей части Чебоксарского и Цивильского

уездов), исследователем названы *анатри*, что в русском переводе значит, как уже было отмечено, «низовые» (по направлению течения Волги).

В диалоге (*калаҫу*) «Разговор *анатры*, то есть низового чувашина, с *виреял*’ом, то есть верховым чувashiном» писатель приводит слова, причисляемые им к речи *анатри*: *кӳрӑшӑ* «сосед», *какай* «мясо», *утӑ* (*ывтӑ*) «сено», *кӑтӑ* «стадо», *эпир* «мы», *ыйхӑ* «сон». Все они взяты из лексики как средненизовых, так и низовых чувашей по современной общепринятой классификации. В пограничье верховых и средненизовых чувашей, по описанию П. Орлова, в начале XX в. термином *анатри* называли чувашей нижнего Прицивиля, бассейна реки Малого Цивиля и его притоков. Чуваша степных районов (Симбирской губернии, Тетюшского и часть Цивильского уездов Казанской губернии) тогда были известны как *хирти* [Ашмарин. 1927. С. 217—225], о чем, следует полагать, не был осведомлен Спиридон Михайлов, носитель самого западного говора верховых чувашей. Не случайно чувашей ниже города Чебоксар до Тетюшского уезда Казанской губернии он относил к этнографической группе *анатри*, включая туда чувашей Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерний [Михайлов 2004. С. 107]. В этих двух группах он видел дуальную организацию родоплеменного этнического сообщества, которую Г. Миллер приписал чувашам, марийцам и удмуртам. Обнаруженное чувашским ученым выделение фратрий по цвету онучей (женщины носили черные, а мужчины белые онучи) сохранилось, следует полагать, от традиций деления древних этнических сообществ на две фратрии.

В своем труде «Чуваша Казанского Заволжья» (1911) Г.И. Комиссаров скорректировал определение С. Михайлова этнографической группы низовых, разделив ее на *анат енчи* (ныне переводится как «средненизовые») и *анатри* «[чисто] низовые», включив в их состав степных чувашей *хирти*, главным образом чувашскую диаспору (чуваша, проживающие вне Чувашской Республики) [Комиссаров. С. 34—40]. Дихотомная система чувашских диалектов первоначально без каких-либо оговорок была принята и начинающим лингвистом Н. Ашмариным: Но уже в статье «Заметки по чувашской диалектологии», сочиненной в 1912 г., по вышеназванной проблеме ученый выражает сомнение: «Мы не знаем определенно, сколько надо считать чувашских наречий: остается ли удержать старое деление на *вире-ял* (*вирьял*) и *анатри* или пока принять другое, по

которому чувашский язык распадается на три главных ветви, из которых *анатри* составляет как бы переходную ступень от *вирьял* к *хирти*. Последнее деление имеет за собою достаточно основания, так как помимо других этнографических признаков, чуваша *хирти* по особым свойствам их наречия, действительно могут быть выделены в отдельно стоящую группу» [Ашмарин 1960. С. 65]. На наш взгляд, современные этнографы должны прислушаться к мнению нашего ученого-универсала, который в своих исследованиях умело синтезировал исторические, этнографические и лингвистические явления и факты.

Далее нам следует углубиться в историческую вертикаль: реконструировать историю сложения современных этнографических групп и языковых диалектов чувашского этноса. Происхождением чувашского этноса и его этнографических групп С. Михайлов начал интересоваться, как вспоминал сам ученый, в 1842 г., когда в архиве Козмодемьянского земского суда прочел статью Н. Второва «Памятники древности в Казанской губернии» (Журнал МВД. 1840. № 8. С. 170—218). «Превосходное описание болгарских развалин, равно и надгробные надписи, переведенные на русский язык, сильно подействовали на меня, — писал он 6 (28) сентября 1860 г., т.е. за четыре месяца до своей неожиданной смерти. — Я пламенно перечитывал историю болгар и надгробные надписи <...> А так как господин Второв чуваш[ей] и черемис признает древнейшими обитателями Казанской губернии, то я болгарских царей Силку (прозванного по смерти Абдаллахом) и Айдара, сходных с чувашскими именами, стал понимать за чуваш[ей], тем более, что в Чебоксарском уезде есть даже селение Айдарово, и убеждался, что с знаменитыми булгарами могли жить и предки моих соплеменников и принимать исламизм. Впрочем, с этим мнением могут согласиться и ученые умы» [Михайлов 2004. С. 29—30].

О двух этнографических группах чувашей (*вирьял* и *анатри*) впервые он упоминал в статье «Предания чувашей» (1852), в которой вторую относил, как уже нами было замечено, к старинным, коренным чувашам. Такое особое уважение средненизовых и низовых среди верховой этнографической группы чувашей сложилось, очевидно, не только из-за заимствованного костюма, как пытается объяснить автор, но прежде всего в результате выброса из недр бессознательного лавин этногенетической памяти. Не случайно в своих письмах и разговорах до конца жизни ученый особо подчеркивал, что он «финн», то

есть человек не русского происхождения, в тоже время не совсем справедливо иронизировал над холостяками средненизовых и низовых чувашей [Михайлов 2004. С. 74].

В упомянутой выше статье С. Михайлов приводит следующее историческое предание чувашей: «<...> они пришли из-за черного моря и из-за дальних гор; но как, когда и по неимению у них письменности, ничего сказать не могут. Древним своим предком они считают какого-то Чуваша, и себя по нему называют чуваш» [Михайлов 2004. С. 53]. Здесь название моря не нарицательное имя, а, скорее всего, сказочно-аллегорическое, а имя родоначальника, по убеждению автора, стало самоназванием народа. «Действительно, — пишет он далее, — чувашаи боготворили своих владык, доказательством на это привожу здесь следующий факт. В грамоте, данной городу Билярску, между прочим, упоминается: ‘В прошлом 1677 году били челом великому царю мурзы и ясашные татары всего Казанского уезда: в прошлых-де годах, до казанского взятия, изстари построен бусурманский город Булымерский, за Камюю рекою; а в нем был царь Балын-Гозя (т.е. Балын-Ходжа), <...>, а у здешних чуваш[ей] была киреметь под названием тоже “Балын-Гозя”, которую и доньше они указывают, как священное их место для жертвоприношений» [Михайлов 2004. С. 54—55].

В более объемной статье «Краткое этнографическое описание чуваш[ей]» (1853) проблеме происхождения чувашей С. Михайлов посвятил отдельный раздел. Он открывается со следующего абзаца: «Древнейшими обитателями Казанской губернии считаются: черемиса, чуваша и мордва, населявшие северные и западные ее пределы; в X столетии находят здесь болгар, живших по берегам Волги и Камы и подчинивших власти своей прочие соседственные (т. е. соседствующие. — *В.Р.*) племена» [Михайлов 2004. С. 106]. Из дальнейшего повествования автора следует, что чувашаи-финны, которые принимали ислам, ассимилировались с татарами, по этой причине «коренных чувашей осталось уже немного и притом только в Казанской, Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях» [Михайлов 2004. С. 109]. «При строгом исследовании найдется в Казанской губернии довольно татар, происходящих из чувашей, — обобщал ученый, — и, наоборот, сих последних, происшедших от татар, а также и черемис, смешавшихся с чувашами, потому что они друг у друга брали дочерей в замужество, но, по принятии крещения, чувашаи стали татарами пренебрегать» [Михайлов 2004. С. 109]. В конце статьи выясняется, что под «татарами» ученый подразумевал их монгольское

происхождение: «чуваши происходят от разных племен, так же, как и все народы царства болгарского; конечно, в них есть и болгары, и финны, и монголы, но отличились они уже после падения древнего царства болгарского от грозной орды монголов, падения, сопровождающегося кровопролитием; тогда они стали самыми беднейшими жителями, утратив свое могущество, так что, наконец, стали чуваш[ей] дразнить *чуваши юваши*, то есть “чуваши робкие» [Михайлов 2004. С. 110].

В статье «О происхождении имени “чуваши[ей]”», датированной 7 мая 1854 г., С. Михайлов в корне изменяет свою первоначальную гипотезу о автохтонном происхождении родного ему этноса. Обоснованно критикуя теорию буртасского происхождения чувашей («буртас есть не иное что, как народ мокша» [Михайлов 2004. С. 142]), ученый, ссылаясь на недавно изданную книгу И. Березина «Булгар на Волге» (Казань, 1853), утверждает, что «чуваши населяли прежде северо-восточную страну за рекою Камою. В Сибири на берегу реки Иртыша есть даже гора, называемая Чувашьею, где воевал Ермак, а в Казанском уезде имеется ныне татарская деревня Чуваши» [Михайлов 2004. С. 142—143]. В Сибири он располагал и место происхождения языка и прародину тюркоязычных чувашей: «Ныне в Сибири довольно народов тюркского и финнского племени, сходных с чувашами языком и образом жизни, как-то: качинские и кизильские татары, якуты и буряты. Посему следует убедиться, что *чувашии, будучи отрасль турецкого племени, обитали в Закамской стране на северо-востоке и, может быть, вышли они из Сибири* (выделено нами. — В.Р.), и что в последствие времени, когда в [Волжской] Болгарии явились из Аравии проповедники ислама, то многие из родовичей чувашей приняли мухаммеданскую веру, потому что в числе последователей сему учению есть чувашские имена [...]. Наконец, из-за реки Камы, прежнего местожительства своего, вышли чувашии, в нагорную сторону реки Волги, по всей вероятности, во время нашествия на болгары монголов, удаляясь в лесистые богатые места от грозных своих завоевателей, и с таковым переселением некоторая часть их могла смешаться с мордвою и черемисою» [Михайлов 2004. С. 143—144]. Миграцию с территории Закамья по лесистым местам ученый предполагал, следует полагать, через Заказанье, откуда по левым притокам реки Волги предки современных чувашей окончательно обосновались на ее правобережье (горной стороне).

В статье «Село Ишаки в Козмодемьянском уезде» (1857) ученый прослеживает путь прародителя чувашей родового куста *Ишек*

(произносится как *Ижсек*), жившего, по предположению автора, «около XIII или [в] XIV веке, о котором между нынешними потомками его сохранилось довольно живое предание, что он исповедовал магометанскую веру, имел у себя несколько жен и слыл в свое время важным наездником» [Михайлов 2004. С. 187]. По ряду фактов ученый выдвигает оригинальную гипотезу: «Посему нельзя ли предполагать, что прежнее жительство Ижека было около реки Тоймы [Елабужского уезда Вятской губернии]; не без причины же, по преданиям чувашей, связано с именем его урочище Ижек Пелгии, откуда впоследствии мог он переселиться сюда» [Михайлов 2004. С. 188]. Другая, не менее смелая версия происхождения имени *Ишек* дана там же, но уже в сноске: «Не имея под рукою никакой карты России, я не могу утверждать справедливость предания чувашей в отношении существующего будто около реки Тоймы урочища Ижек Пелгии. У монголо-тюрков встречается в числе беков кангуратских, предводительствовавших на правом и на левом крыле во время Чингиз-хана, имя Ильджек, а по сему Ижек не есть ли испорченное имя Ильджек?» [Михайлов 2004. С. 188].

Итак, с 1854 г., после ознакомления с книгами отечественных ученых (Н. Карамзина, П. Савельева, И. Березина и др.) чувашский историк и этнограф из Козмодемьянска разработал тюрко-булгарскую теорию происхождения чувашского языка и основных этнографических групп (средненизовых и низовых) чувашского этноса. Смешанной группой он считал верховой, в культуре которой, кроме тюрко-булгарских, находил много элементов финно-угров (горных марийцев и мордвы-эрзя), а частично и казанских татар. По этой причине не переставал он гордо называть себя «финном», признавая свои горномарийские корни, прежде всего со стороны матери (она прекрасно владела языком своих соседей).

Чувашские лингвисты-диалектологи раньше совершенно необоснованно утверждали, что язык чувашей междуречья Цивили и Кубни относится к «смешанному» диалекту [Сергеев. С. 363—364]. Говоры Мариинско-Посадского, Козловского, Урмарского, Янтиковского и отчасти Цивильского и Канашского районов ЧР «в своей основе содержат более архаичные черты на всех своих строевых уровнях, не выводимые из соответствующих уровней ни верхового, ни тем более, низового диалекта» [Егоров. С. 338]. На основе этнолингвистического изучения чувашской лингвокультуры *сарӑ* «пояной убор» Н.И. Егоров пришел к такому заключению: «После монгольского завоевания Среднего

Поволжья и образования Золотой Орды в XIII—XIV вв. слово *эзар* вместе с волной переселенцев из Средней Азии проникает на территорию бывшей Волжской Булгарии и заимствуется булгаро-чуваشمким языком. В начале XIV в. закамские булгаро-чуваши переселяются в Предкамье и Закамье и из языка заказанских чувашей лингвокультурема **ӓЗар* “женский поясной убор” проникает в удмуртский язык» [Егоров. С. 352—353]. Н.И. Егоров полагает, что после переселения правобережных булгаро-чувашей, а скорее всего — после ухода заказанских чувашей на север, в марийские леса, во время завоевания Улу Мухаммедом в середине XV в., слово *сарӓ* проникает в некоторые диалекты марийского языка [Егоров. С. 353].

Итак, образование средненизового диалекта следует отнести к середине XV в., когда часть заказанских и арских чувашей переселилась на северо-восток современной Чувашской Республики, в «основном в междуречье Аниша и Цивилия. Эти переселенцы занесли в общечувашский язык лексику удмуртского происхождения» [Егоров. С. 409—410]. С. Михайлов в общих чертах угадал направление движения одной части средненизовых чувашей, но не смог мотивировать их страстное желание обрести новую этнотерриторию, хотя бы по нескольким параметрам (в первую очередь лингвокультурная, хозяйственно-производственная и природно-климатическая среда) схожую с былой родиной — Закамьем.

Другая часть средненизовых чувашей, до конца XIV — начала XV в. проживавшая в правобережных районах юга Чувашского Поволжья, заняла земли северо-востока Чувашии, расположенные в междуречье Кубни и Цивилия. Дальнейшие процессы Н.И. Егоров описывает так: вскоре они ассимилировали местное марийское население, к этому времени уже испытавшие значительное булгаро-чувашское культурное и языковое влияние; из правобережных районов Цивилия чувашская лингвистическая экспансия распространилась в левобережные районы и к концу казанского периода охватила почти всю северо-западную часть Чувашии. Вывод ученого таков: «В левобережных районах Цивилия в результате полной языковой ассимиляции марийского языкового субстрата сложился верховой диалект, содержащий ряд фонетических, морфологических и лексических особенностей, обязанных своим происхождением марийскому субстрату» [Егоров. С. 410]. Отметим, что вышеизложенная концепция сложения этнографических групп чувашского этноса весьма близка к позиции ученого писателя С. Михайлова, выраженной еще в 50-е гг. XIX в.

Обобщим вышеизложенные факты. Катаклизмы XIII—XIV вв. заставили население разрушенной Волжской Булгарии мигрировать в лесные районы, в том числе и в бассейн Цивилия, где оно заселилось рядом с предками современных горных марийцев (здесь многие гидронимы и топонимы горномарийского происхождения). Процесс естественной ассимиляции последних привел к тому, что к XVIII в. население Сурско-Цивильского междуречья стало полностью чувашеязычным, соответственно, статус нового этнокультурного пограничья получило правобережье устья Суры. Историю образования верховых чувашей, реконструированную Н.И. Егоровым, следует принять в ее общих чертах, при этом следует отметить, что здесь не названо главное условие для такой относительно быстрой ассимиляции — это чересполосное расселение старых марийских и новых чувашских поселений. Без активного культурного, в том числе и религиозно-мифологического, а также хозяйственного диалога двух соседних этносов не смогли произойти вышеотмеченные ассимиляционные процессы. Здесь имеются и другие нерешенные проблема для будущих исследователей данной этнографической группы.

Итак, до присоединения Чувашского края к Московскому государству на правобережье Волги функционировали две этнографические группы горных чувашей. После заселения южных степных районов в процессе культурного диалога с татарами-мишарями образовалась третья этнографическая группа, известная средненизовым как *хирти* «степные».

О названиях этнографических групп чувашей и их вариантах мы имели случай писать в своих ранее опубликованных работах: [Родионов 2017. С. 131—138, 173—185]. Здесь следует изложить некоторые выводы и факты. Экзоназванием *вирьял*, *вирьял* пользовалось чувашское население левой стороны железнодорожного пути Свияжск—Ибреси, а также часть средненизовых чувашей, проживающая по правую сторону железной дороги от Канаша до Ибреси. Последняя группа до настоящего времени пользуется дуальной парой экзоназваний: *вирьял* (в сторону севера) и *хирти* (в сторону юга, т.е. бывших Буинского и Тетюшского уездов Симбирской губернии). Представители данной группы (они живут в верховьях бассейна Малого Цивилия) причисляют себя к *анатри*, то есть чувашскому населению центральных районов (Канашского, Цивильского, Марпосадского и др.). Моделью «*вирьял — хирти*» пользуются ибресинцы (сами себя они называют *вӑрман йӑшӑнчисем*, т.е. лесные), а также подлесные чувашаи Комсомольского района, например, жители д. Нижнее Тимерчеево [Родионов 2017. С. 180].

Этимологию слова *виреял*, *вирьял* впервые верно объяснил Н. Ашмарин, который показал, что чувашскому *вир*, *вире*, *вирё* в отдельных тюркских языках соответствуют *ör*, *ür*, *örü*, *örö*, означающие «вверх по течению реки» [Ашмарин 1898. С. 11]. Чуваша *хирти* проживают главным образом в Присвияжье и выше по притокам Свияги, вершины которых находятся в северо-западном направлении и нигде не переходят железнодорожную полосу от Тюрлемы до Ибреси. Данный гидрогеологический район специалистами называется Свияжским, который к северо-западу заменяется Цивиль-Анишским [Арчиков. С. 47–48]. Чуваша *хирти* называют вирьялом своих сородичей других, более северных гидрогеологических районов (в Цивиль-Анишском проживают средненизовые, а в Сурско-Цивильском — верховые) [Родионов 2017. С. 180—181].

Далее следует кратко описать систему этнической идентификации народов Поволжья, которая рассмотрена нами в статье «О системах эндо- и экзоэтнонимов народов Урало-Поволжья» [Родионов 2017. С. 131—138]. Ряд соображений о названиях этносов имеется и в статьях С. Михайлова. В этнической самоидентификации чувашезычного населения Сурско-Цивильского междуречья использовались традиционные эндоэтнонимы. Очувашившиеся горные марийцы называли себя *чоаш* (верховое произношение < *чăваш* средненизовое и низовое произношение), а своих бывших единоплеменников — просто *сармăс* «мариец». Средненизовые же чуваша, хорошо знавшие и луговых марийцев, предпочитали называть горномарийское население *туши сармăс* (такое словосочетание сохранилось в названии деревни на границе бывшего чувашско-горномарийского пограничья).

Горномарийское население пограничья трансформировало свое этническое сознание в условиях изменившейся реальности. Очувашившихся своих сородичей оно стало называть *сасламар* (< *суасла мары* «люди, похожие на суас»), а себя, соответственно, *марламар* «люди, похожие на мари». Так называют горномарийцы Виловатовской, Кузнецовской сторон марийцев Елас, Микряково, Пайгусово, т.е. живущих на Нижегородской стороне. Этнонимом *суас* горные марийцы называли не казанских татар (так идентифицировали последних луговые марийцы), а чувашей Свияжско-Цивильского междуречья, которые ассимилировали их бывших соплеменников Сурско-Цивильского междуречья.

Казанских татар в регионе лишь горные марийцы и чуваша именovali экзоэтнонимом *тодар* (горномарийцы и верховые

чуваши) и *тутар* (средненизовые и низовые чувашы). Данный экзоэтноним проник к первым, следует полагать, через средненизовых чувашей, которые мигрировали на место своего обитания с центральных районов бывшего Казанского ханства и принимали его прежде всего как конфессионим (*тутар* — мусульманин, а *чайваш* — язычник). Не случайно луговые марийцы знали казанских татар как *суас* (< *сйвас*), то есть как язычников. Они, будучи их близкими соседями, сохранили память о более раннем их религиозном состоянии, чем горные марийцы, которые контактировали с верховыми и средненизовыми чувашами. А последние, называя себя тем же этнонимом, но с точки зрения фонетики имеющим татарские элементы, отразили в нем процессы не только исламизации, но и кыпчакизации Заказанья [Родионов 2017. С. 132—133].

Перейдем к следующей этнологической проблеме, которая напрямую связана с творческой и трудовой деятельностью нашего Спиридона Михайлова. В ней мы находим уникальную связь между этнографическими группами и историческими процессами в культуре чувашского этноса. Дело в том, что во времена активной творческой деятельности С. Михайлова в чувашской письменной культуре господствовали традиции, созданные главным образом представителями верховых чувашей (Е. Рожанский и его ученики из Курмышского и Ядринского уездов Нижегородской губернии; П. Талиев, А. Алмазов и другие известные деятели относятся к носителям курмышского, сундырского и моргаушско-ядринского говоров верхового диалекта [История. С. 51—60, 105—114]). Естественно, для каждого из них ближе был родной им говор и диалект. Такая ситуация сложилась по той исторической причине, что просветительские идеи Запада проникали в Чувашский край с его западных территорий. Аксиологическая шкала этнических качеств того века российского Просвещения определялась, по представлению чувашских деятелей, в первую очередь уровнем христианской просвещенности простого народа. С. Михайлов определял степень просвещенности народов и их отдельных групп именно по этим критериям. По ним же он возвышал своих земляков, выше их ставил горных марийцев, отличавшихся своей глубокой религиозностью. Такая привязанность к христианской религии образовалась, как полагал просветитель-исследователь, в результате активной деятельности священнослужителей среди горных марийцев, которые сказывали «всегда поучения им на природном их черемисском языке» [Михайлов 2004. С. 56]. В статье,

представляющей собой как фрагмент из черновых набросков написанного в 1856—1857 гг. труда «Историко-этнографический очерк быта чуваш[ей]. Общее заключение о чувашах», С. Михайлов пишет, что образовать чувашей необходимо «духовно-нравственным образом», для этого следует открывать «центральные училища в богомольных селах Ишаках и Чемеёве, в которые стекаются все инородцы для поклонения чудотворным образам Святителя Николая» [Михайлов 2004. С. 201]. В его статье «О селе Ишаки Козмодемьянского уезда» (1857) имеются такие строки: «Здесь были и есть и теперь, достойные пастыри для просвещения иноплеменного народа, проповедующие бога истинного на природном языке чуваш[ей]» [Михайлов 2004. С. 192]. Как известно, о проблемах начального образования чувашей он написал статью «О сельских приходских училищах и об успехах учения в них инородческих детей» (1857—1858) и представил ее в Русское географическое общество, оттуда ее перенаправили в Министерство народного просвещения. Как полагал В. Дмитриев, «положения рукописи С. Михайлова использованы в статье “К вопросу об устройстве учения для инородческих детей Казанского учебного округа”» (1867) [Михайлов 2004. С. 505]. В вышеуказанной статье, опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1867 г. (апрель, № 134), чувашского ученого и писателя охарактеризовали как «ревнивого русского просветителя, с большим усердием занимавшегося историческим, этнографическим и статистическим исследованиями в западных уездах Казанской губ[ернии]» [Михайлов. С. 505].

Итак, в 50-е гг. XIX в. идеи чувашского просветительства сформулировал С. Михайлов, они начали распространяться в ученых кругах Поволжья в начале 60-х гг. того же века (Н. Ильминский, В. Магницкий, Н. Золотницкий). К концу 60-х гг. XIX в. центром чувашского просветительства становится этнотерритория средненизовых чувашей (деятельность Н. Золотницкого и его учеников: В. Якимова, М. Дмитриева, Г. Филиппова и др.). В основу переводов своих книг, а также букваря «Чуваш кнеге» Н.И. Золотницкий положил, как сам отмечал, «среднее чебоксарско-цивильское наречие», выделяющееся как от верхового (вирьяльского), так и тетюшско-буинского наречий [Золотницкий. С. 25]. Он справедливо полагал, что это наречие «сплошного центрального чувашского населения» отмечается «правильностью форм, чистотою чувашских звуков и наименьшим заимствованием татарских слов» [Золотницкий. С. 25].

Научные и практические соображения ученого-лингвиста вынудили отказаться от устоявшегося к тому времени противопоставления двух чувашских диалектов. Основной причиной выбора ученого-лингвиста средненизового диалекта как основы книжно-литературного языка стал тот факт, что он ближе стоял в верховому диалекту, на основе которого уже почти целый век творилась и развивалась чувашская письменная культура, в том числе были сочинены грамматики 1769 и 1836 гг. В то же время на буинско-тетюшском диалекте (*хирти*) книги начали выходить лишь с 1872 г., в которых азбука изменялась три раза. В этом диалекте нередко встречались, как уже было отмечено выше, заимствования из татарско-мишарского языка, а в сундырском и моргаушско-ядринском говорах верхового диалекта — из русского и горномарийского языков.

В начале 70-х гг. XIX в. был издан, как мы знаем, новый букварь чувашского языка, составленный И. Яковлевым и его соратниками. В данной книге основой литературно языка является уже диалект *хирти*, речевые особенности чувашей, проживающих рядом с татарами-мишарями. В результате всего этого философия примирения диалектов Золотницкого была заменена философией дихотомического противопоставления и строгого подчинения «главному» диалекту — *хирти*. Начиная с учебников И. Яковлева опять стали противопоставлять разобщенных между собой два диалекта: *тури* (верховой) и *хирти* (буинско-тетюшский), а про средненизовую диалект (*анатри*, *анат енчи*) предпочитали не говорить. При этом в состав «вирьял» просветитель включал не только верховых, но и средненизовых чувашей. На его родине вирьялами называли тех чувашей, которые проживали в сторону Цивильского и Чебоксарского уездов Казанской губернии (там названий групп *тури* и *анатри* вообще не имелись) [Тимофеев. С. 26].

Из всего вышеизложенного можно заключить, что географическое расположение этнографических групп чувашского этноса: 1) способствовало направлению проникновения идей европейско-русского Просвещения в Чувашский край (от верховых чувашей к средненизовым, а затем к низовым); 2) повлияло на историю сложения литературных языков и письменности (старой письменности на основе верхового и средненизового диалектов, новой письменности на основе низового диалекта); 3) подготовило благодатную почву для творческого развития таких деятелей периода старой письменности, как Ермей Рожанский (написал

грамматику чувашского языка, издал первую книгу и сочинил первые литературные произведения на чувашском языке), Спиридон Михайлов (Яндуш) и др. Но возврат к философии дихотомического противопоставления и строгого подчинения «главному» диалекту (в данном случае *хирти*), способствовал возникновению среди интеллигенции периодических споров и дискуссий. После переворотов 1917 г.: основная часть интеллигенции из среды верховых и частично из среды средненизовых чувашей демонстративно отказались от традиционной культуры, в том числе и письменной, вплоть до отрицания норм литературного языка и букваря, созданных в Симбирской чувашской учительской школе. Отзвуки такого неустойчивого состояния культуры чувашей дошли до наших дней, обретая уже новые противодействующие формы (в частности, современные затянувшиеся дискуссии о правописании).

Вышеописанные действия просветительского характера в различных этнографических группах чувашского этноса следует объяснить такими определениями исторической этнологии, как традиционное и личностное сознание. Традиционное сознание (сюда ученые включают и бессознательное) адаптировано к историческим реалиям внешнего мира. Личностное сознание не связано со способностью к рефлексии и абстрактному мышлению. Оно может быть, по определению С.В. Лурье, «слаборефлексируемым» [Лурье. С. 409]. Этнофор с личностным сознанием может жить в полном соответствии с традиционной этнической культурой, но в критической ситуации для него будет характерна реакция на личностном уровне. Носитель личностного сознания может сознательно выйти из своего традиционного общества, может в нем сознательно оставаться: или для того, чтобы его изменить, или для того, чтобы его сохранить. Увеличение в обществе носителей личностного сознания связано с кризисным состоянием социума. Без носителей личностного сознания процессы позитивных общественных трансформаций и смены объектов трансфера (трансфер — перенос бессознательного комплекса на реальный объект) на более адекватные, как утверждает С.В. Лурье, совершить невозможно. Для того, чтобы этническая культурная традиция нормально функционировала, внутри общества должно находиться некоторое количество носителей личностного сознания. Доминанты их личностного сознания не совпадают с парадигмами данной культурной традиции, но с ними соотносятся, имеют одну и ту же направленность. Носители личностного сознания

живут одной жизнью с традиционным обществом, являясь гарантией его доброкачественности. Находясь внутри традиционного общества, они влияют на его ценностную установку и тем самым предопределяют объекты трансфера [Лурье. С. 414-415].

Вспомним биографические данные из жизни С. Михайлова (Яндуша). Будучи еще только пяти лет, он плакал, чтобы отец его отвез в город учиться грамоте, в противном случае он «намеревался бежать из дому для науки» [Михайлов 2004. С. 25]. Летом 1833 г., когда впервые увидел архиепископа Филарета, надумал он «отправиться в Казань за преосвященнейшим архиереем, для усовершенствования своих познаний», так как последний любил детей «инородцев» и, как полагал чувашский мальчик, не оставил бы его в его крайности. В этом «чадолюбивом архипастыре» он видел своего потенциального покровителя. В 1835 г., будучи помощником писаря Большешатыминского волостного правления, он отправил своим родителям письмо такого содержания: «Я, когда буду светилом, буду попирать кереметь чувашскую и возрадую [вас]» [Михайлов 2004. С. 28]. В данной фразе он подразумевал чувашскую непросвещенность и суеверность, которым объявил непримиримую войну в возрасте четырнадцати лет! С помощью своих светских покровителей (А.И. Артемьева, И. Березина и других) становящийся ученый и писатель как письменно, так и устно распространял свою ценностную установку на образование (просветительского характера), искал единомышленников, хотел быть для них образцом подражания совершенно нового типа. Вот какие строки писал начинающий еще ученый в письме А. Артемьеву от 16 января 1952 г.: «[...] вся моя мысль и все мои желания клонют к тому, чтобы несколько своих единоплеменцев повлечь за собою. Будет уже жить им в невежестве!» [Михайлов 2004. С. 421].

Как известно, американский этнолог М. Мид выделил три типа разностадияльных культур: постфигуративный (в такой культуре каждое изменение протекает очень медленно, а прошлое взрослых оказывается для их детей будущим); кофигуративный (в культуре такого типа преобладающей моделью поведения является поведение современников и их соседей) и префигуративный (в культуре подобного типа взрослые учатся у своих детей) [Родионов 2017. С. 203]. Ценностные установки, типологически сходные с аксеологическими взглядами Спиридона Михайлова (Яндуша), стали возникать в среде некоторой части первоначально верховых, а потом средненизовых и низовых чувашей. Именно их поведение и

активная деятельность предопределили объекты трансфера — перенос бессознательного комплекса на реальный объект, в данном случае на первоначальное школьное образование на родном языке.

Как бы знаковым явлением в сфере образования чувашского народа стал факт утверждения должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа. К исполнению этой должности Н. Золотницкий приступил в январе 1867 г. В промежутке между началом научно-публицистической деятельности С. Михайлова и утверждением вышеуказанной должности в чувашском обществе происходило, следует полагать, новое «сцепление бессознательного образа с фактами реальности» [Лурье. С. 312], в результате чего формировались конкретный «образ защитника» и «образ врага» (они хорошо изображены в произведениях чувашских писателей 1850—1870-х гг.) [История. С. 142—159, 174—199]. В рукописи «Исторический взгляд на чуваш[ей]» С. Михайлов отмечал, что чувашки в древности «боготворили своих владык» [Михайлов 2004. С. 446]. В одной песне в благодарность за новый хлеб чувашки пели, как писал ученый, такие слова: *Сўлте торă, сёрте патша пăхатъ пире. Торăна патша тивлечёпеле ёсетпёр те суетпёр* «На небе бог, на земле царь управляет. По щедрости бога и царя мы пьем и едим» [Михайлов 2004. С. 379] [...].

Творчество Спиридона Михайлова (Яндуша) и чувашская картина мира Нового времени

В настоящей статье мы намерены хотя бы контурно показать этническую картину мира чувашского народа 40—50-х гг. XIX в., когда жил и творил Спиридон Михайлов (Яндуш, 1821—1861), писатель и этнограф периода чувашского предпросветительства. Основным материалом для исследования послужили его биографические данные, а также созданные им литературные произведения и научные труды. К сожалению, в данном аспекте они не рассматривались как этнологами и этнографами, так и литературоведами. Лишь историк В.Д. Дмитриев в «Предисловии» «Собрания сочинений» Спиридона Михайлова [Михайлов 2004. С. 17—22] затрагивал некоторые этнологические проблемы, поставленные в трудах вышеуказанного ученого. Например, изложена позиция С. Михайлова на вопрос происхождения чувашского народа, а также перечислены межэтнические контакты чувашей со своими соседями. В примечаниях В.Д. Дмитриев изложил скрытую от глаз исследователей причину так называемого Акрамовского

восстания 1842 г., которое было спровоцировано, как мы доказываем в последующих страницах, когнитивными артефактами. Более разносторонне изучено творчество С. Михайлова (Яндуша) в коллективной монографии «История чувашской литературы XVIII—XIX веков» (2020) [История. С. 147—159], в которой оно освещено в аспекте не только художественно-поэтических, но и общественно-социальных, а также этнических проблем. По убеждению ученого и писателя, «мощь и сила чувашского народа обратно пропорциональны историческому времени: чем древнее, тем вольнее и полнокровнее его жизнь. В настоящем нищенствующий, “живший в невежестве” народ в прошлом был “могущественным”, его герои яростно нападали на русских, пленили приближенных людей казанского хана и совершали храбрые поступки» [История. С. 150]. В портрете писателя показаны такие бессознательные образы (они создаются этническими константами, то есть бессознательными комплексами, складывающимися в процессе адаптации этноса к окружающей природно-социальной среде, и в сознании члена этноса всплывают в виде максимально конкретизированных представлений или объектов [Лурье. С. 291]), как «источник добра», «источник зла», «образ покровителя», «образ врага», «образ “мы”», «образ поля действия», «образ условия действия» и т.д. Но эти трансформированные в реальность бессознательные образы в коллективной монографии не развернуты, не интерпретированы с точки зрения теоретических положений исторической этнологии.

Словосочетанию «этническая картина мира» в учебном пособии «Историческая этнология» С.В. Лурье дала такое определение: сформировавшиеся на основании этнических констант и культурно-ценностных доминант (они определяют поведение человека, во многих случаях бессознательны) представления человека о мире. Этнические константы одновременно провоцируют человеческую активность в мире, и направляет ее, и предопределяет восприятие мира. Это своего рода когнитивная схема, которая охватывает целостный образ мира, отражая взаимоотношения его объектов. Но будучи специфичной для каждой культуры, она не может претендовать на объективность, она может создавать у своих носителей иллюзию объективности картины мира [Лурье. С. 292]. Этническая картина мира не является неизменной. Она различна в разные периоды жизни этноса и для тех или иных групп внутри этноса. Это связано с различиями в культурно-ценностных доминантах [Лурье. С. 298]. По ходу изменения жизни социокультурной системы,

по мере изменения культурных, экономических и политических условий, в которых человек живет, меняется и тот внешний опыт, который народ должен воспринимать и упорядочивать. «Картины мира будут сменять друг друга, — излагает свою концепцию С.В. Лурье, — но благодаря этническим константам их структура в своем основании будет оставаться прежней. Один интенциональный мир сменит другой, но общая их подоплека останется прежней, внелогической, построенной на тех же культурных константах в той же их диспозиции, сохраняется тот же скелет культуры, только “мясо”, которое покроеет этот скелет, будет уже другим. Конкретное наполнение этих парадигм может меняться, и тогда возникают новые модификации образа мира» [Лурье. С. 293—294].

Для определения особенностей этнической картины мира периода жизни и творчества Спиридона Михайлова в первую очередь следует выявить бессознательные образы чувашского этноса, которые запечатлены в произведениях вышеназванного писателя и ученого в форме конкретных персонажей и героев.

Образ покровительствующей силы (покровителя, защитника).

Для чувашей, основное занятие которых было земледелие, главными покровителями были два благотворительные существа: *Турă / Торă* «Бог небесный» и *патша* (позднее заимствование из татарского языка; более ранний вариант — *ёмпу*) «Государь, владычествующий над людьми». В зафиксированной С. Михайловым песне, исполняемой в честь нового урожая (в благодарность за новый хлеб), названы *Торă*, *Пульх* и *патша*. Значение второго термина в очерке К. Мильковича (1783) объяснено так: «[...] он (*Кене*. — *В.Р.*) обитает в небесах и имеет у себя двух вестников, или служителей, *Пульхсё* и *Пихампар*, из которых *Пульхсё* посылает он на землю назначать рожденным младенцам участь и записывать даваемые им по рождению от юмзей имена; сей его служитель по исполнении возвращается на небеса и *Кене* или судьбе возвещает» [Милькович. С. 53]. По предположению Н.И. Ашмарина, в Волжской Болгарии термин *Пульхсё* использовали «для обозначения лица, заведующего частью страны или частью войска», «откуда путем метонимии это слово было перенесено на самого феодала и потом перешло в область народных верований...» [Ашмарин 2003. С. 186, 242]. В процессе разрушения чувашской мифологической системы после массовой христианизации народа утвердилось следующее изречение: «*Турă парсан та, Пульхсё пурмесен, ырă курма сук*», т.е. «хотя Бог и назначит какое-либо добро, но если *Пульхсё* не присудит, то того добра не видать». Появление ложной

этимологии термина (от глагола *пӹл-* со значением «помешать, загородить») послужило усечению конца слова *Пӹлӹххӹ* (> *Пӹлӹх*) [Ашмарин 2003. С. 180]. Таким образом, данный образ превратился в божество, имеющего возможность, при своем желании, назначенное Богом добро не довести до человека, то есть навредить ему. По этой причине этот трансформированный образ можно отнести сколько к благим, столько же и к причиняющим зло силам.

Приведем первую строфу записанного С. Михайловым текста обрядовой песни, исполняемой в благодарность за новый хлеб (в современной орфографии; / — границы строк): «*ӹрахмат Торра, ӹрахмат Пӹлӹхне. / ӹрахмат Торра, патшана! / Сӹлте Торӹ, Сӹрте патша пӹхать пире. / Торӹпа патша тивлечӹне ёсӹпӹр те сӹятпӹр. / ӹрахмат, Торӹ! ӹрахмат, Пӹлӹх!»* («Слава Богу, слава небожителю! / Слава Богу и Царю! / На небе Бог, на земле Царь управляет. / По щедрости Бога и Царя мы пьем и едим. / Слава Богу, слава небожителю» [Михайлов 1972. С. 93]). (Перевод автора записи).

В вышеупомянутом очерке К. Милюковича «Быт и верования чуваш[ей] Синбирской губернии» описаны функции *Сӹлти* («обитающий на небе») *Торӹ* и *Сӹрти* («обитающий на земле») *Патша*: «О творце разумеют они, что он подает им хлебородие, одождевает их поля и всякое счастье ниспосылает. [...]. Государю приписывают они всех благодетельствующих божеств свойства, как то: некоторые свойства бога высшего, бога света, солнца, судьбы, бога благоденствия, бога изобилия, бога предписателя частей, бога покровителя в водах утопаемых и прочих, а потому и жертвы как с богом вышним, так и с другими, с каждым соединенно Государю они приносят. Молитвы же творят, во-первых, призывая высшего, во-вторых, Государя, а потом по порядку и прочих благотворных богов употребляют. Но о Государе воображают они, что он послан будучи от бога высшего с небес для управления землеродных и имея навсегда с ними пребывание, сделался божеством земным и смертным» [Милюкович. С. 52—53]. Здесь *Пӹлӹххӹ* со значением «предписатель земнородных частей» размещен на восемнадцатом месте [Милюкович. С. 50]!

Не вдаваясь в подробности такой иерархии благих божеств, следует отметить, что данный персонаж раздавал новорожденным счастливые или же несчастные судьбы. Но почему данный образ в XIX в. так резко приблизился к самому первому лицу в пантеоне благих божеств, а в начале XX в. он стал синонимом самого *Турӹ*, например, в поэме «Нарспи» К. Иванова (Кашкыра)? Здесь мы имеем свое объяснение и связываем такую семантическую

трансформацию *Пу́лхсё* с изменением некоторых образов чувашской картины мира, о чем подробнее будем писать ниже.

Далее следует привести перевод остальных строф обрядовой песни, исполняемой на жертвоприношении Богу и царю пивом из нового урожая хлеба (в переводе С. Михайлова же): «Благодарность земледелию. Да поможет Бог при земледелии! От даров земледелия мы это едим и пьем. Благодарность за дома и за жилища наши! Если будем иметь их, весело будем жить, не будем иметь нужды. С теперешним жилищем да сбережет нас Бог! Благодарение и вам, детушки, и за вас Богу! С детьми если будем жить, и самим достанет, и царю служить можем. С добрыми детьми да сохранит бог! Спасибо и сожителям нашим, и родственникам, и всем знакомым товарищам! Вместе есть и пить и вместе жить да будет удобно и возможно! Без соседей, без родственников и приятелей жить нельзя, а с ними жить лучше. Благодарность вам, соседи, родня и приятели» » [Михайлов 1972. С. 94].

За новый урожай чуваш благодарил не только Богу и царю, а также и «предписателю земнородных участков» *Пу́лхсё*, *ака-соха* «земледелию», *кил-сорт* «жилищу», *кил-вот* «домашнему очагу, т.е. семье», детям, односельчанам, родню и просто знакомым. Все они причастны удачному урожаю домохозяина, поэтому все достойны благодарения. Это и есть круг покровителей и помощников чувашского крестьянина, иерархия по степени их значимости (ценности).

Для С. Михайлова (Яндуша), глубоко верующего православного россиянина, Бог и царь тоже были главными покровителями, что хорошо отражено в его произведениях. В написанной к концу жизни автобиографии имеется ряд фактов, подтверждающие наше предположение. На сырной неделе 1829 г. отец отвез будущего писателя и ученого в Козмодемьянск к купцу Михееву учиться русской грамоте. В продолжение поста прилежный ученик выучил церковную азбуку со всеми молитвами и кратким катехизисом. «Утешительно было для меня, — вспоминал Спиридон Михайлович в сентябре 1860 г., — что я умел читать молитвы, в особенности богородичные, которые часто повторял со слезами, забившись на печь. Теперь еще живы некоторые свидетели моего детства и пламенных моих молитв. После пасхи наставница моя стала меня учить псалтырю, который я выучил к осени [...]» [Михайлов 1972. С. 351]. Дом купца Михеева стоял, по сообщению автора, почти рядом с приходской Богоявленской церковью, в которую чувашский мальчик любил ходить к божественной службе в

воскресенье и праздничные дни. В молитвах он просил господ бога не оставить его в прискорбной жизни, просил открыть ему «познание святого закона» [Михайлов 1972. С. 352]. Летом 1833 г. во время святительской службы архиепископа Казанской епархии Филарета одиннадцатилетний Спиридон захотел отправиться в Казань за преосвященнейшим архиереем, для усовершенствования своих познаний. «И жалею теперь, — переживал писатель и ученый через 27 лет, — что сам не явился к нему в бытность его в Козмодемьянске: он любил детей инородцев и не оставил бы меня в моей крайности. Но я был тогда ребенок и не имел догадки искать покровительства у чадолюбивого архипастыря» [Михайлов 1972. С. 353].

Главным земным покровителем для С. Михайлова (Яндуша), как и для простых чувашей, был царь. В этом отношении весьма интересен один факт. Летом 1836 г. чтобы увидеть Николая I, проезжающего г. Чебоксары на корабле, он, помощник писаря Большешатъминского волостного правления, вместе с товарищами преодолел около ста километров туда и обратно. В оригинальном стихотворении, приложенном к статье «Верноподданническая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труновым» имеются такие же образы покровительствующей силы, что и чувашском устном творчестве (хотя образы Бога в фольклоре и в произведении поэта имеют различные культурно-исторические корни):

Страна Запада просвещенна!
Мы, финны, не видим тебя.
У нас в очах одна Русь священна,
Влекущая к царю любя.
Вы громкого сыны Запада!
Воззрите же, как русский мужик
Любит Христа Господа
И земных своих владык... [Михайлов 2004. С. 44].

Образы покровителя (Бога) в фольклоре и в произведении поэта имеют различные культурно-исторические корни, они различны из-за изменившегося внешнего опыта, который народ должен воспринимать и упорядочивать. Официальное название религии его содержание хотя и изменилось, но бывшее представление о Боге осталось примерно таким же, включая и его обозначающего термина (*Турӑ* «название Бога чувашской народной религии» > «чувашское название Бога православной религии»). Такая трансформация образа покровительствующей силы не смогла повредить этническим константам чувашского этноса.

Образ противодействующей силы (врага, источника зла).

В чувашском фольклоре и мифологии главным антигероем является, как принято считать, *Шуйттан*, который, хотя и имеет злое начало, но, в отличие от христианского Дьявола, менее хитер, даже туповат. Данный термин в чувашский язык проник через мусульман примерно в XIV в., но так и не стал достойным соперником *Турă*. В ходе развития исконного мифа о близнецах антиподом Бога, прогнанным им с неба сложился образ *Киремет* (слово арабского происхождения), при обращении к нему чувашаи называли его *Ырă* (др.-тюрк. *ari-* «очищаться»; *ariŋ* «чистый, незагрязненный» [Федотов. С. 474]). В XVIII в. данный мифологический персонаж трансформировался, не без содействия христианских миссионеров, в главного символа злого начала. Две особенности Киремети (причиняет вред только чувашам, по внешности похож на татарина или русского, разъезжающего в карете) указывают на внеэтнические истоки сложения данного трансформированного образа. В поздних сказках (бытовых) появляется новых герой (поп), который наделяется некоторыми качествами трикстера. Таким образом, под воздействием этнических констант реальная действительность первой половины Нового времени в сознании членов чувашского этноса была, как и следовало ожидать, искажена, в результате чего у них сложилась иллюзия объективности картины мира [Лурье. С. 292].

В период жизни и активного творчества С. Михайлова (Яндуша) в чувашской картине мира складывается новый образ противодействующей силы, который наделен талантом хитрости. Например, в очерке Василия Лебедева (он родился в 1813 г. в с. Штанаши Курмышского уезда Симбирской губернии, что ныне находится в Красночетайском районе ЧР) «Симбирские чувашаи» (1850) показан ловкий волостной писарь (чув. *тияк* < рус. *дьяк* «государственный служащий, начальник органа управления», «письмоводитель»), который путем обмана находит вора. Подобные разновидности быличек появились не без воздействия мотива «на воре шапка горит», широко распространенного в русском фольклоре. В стихотворении с условным названием «*Пирён телей*» («Наше счастье», 1851) В. Лебедев представляет волостного писаря в совершенно ином ракурсе (русский перевод автора стихотворения):

В грусти, в горе и в несчастье
Мы бежим скорее к Торе:
В киремети закалаем
Молодых телят, коров,

Чтобы Тора дал здоровья,
Чтобы Тора дал нам счастья.
Мы не знаем ни писать,
Не умеем и читать;
Мы к священнику бежим:
«Что нам делать при несчастье?
Что же дьякам поднести?»
Так живем мы и доселе,
Так мы видим свое «счастье»;
А во рту у нас табак.
Что поделатъ — наше «счастье»!
Есть у нас домашний скот:
Кони, свиньи, куры, пчелы,
Овцы, гуси и быки,
Утки, яйца, молоко;
Ешь, чуваш, свой черный хлеб,
А скотину продавай;
Скопишь ты побольше денег,
Дьякам коль придет беда.
Ешь, чуваш, свой черный хлеб.
Что поделатъ — наше «счастье»!

Здесь иронический стиль В. Лебедева насыщен сатирическими моментами, что заставляет читателя восстать против фаталистического утверждения лирического «я». Лейтмотив произведения развивается путем противопоставления *хуйхă* (несчастье, беда, горе) и *телей* (счастье) чувашского народа. Все его беды и несчастья связаны, как полагает лирический субъект, с верой в *киремет*, а также с его необразованностью, которого легко обманывают сельские писари и т.п. Бедные чуваша недоуменно вопрошают: «Что нам делать при несчастье, / Что же дьякам поднести?» Доля чуваша — при множестве домашнего скота и птицы довольствоваться одним черным хлебом и горьким дымом махорки. «Много будет у тебя (чуваша. — В.Р.) денег — саркастически замечает лирический «я», — когда придет беда к писарям». Но дождутся ли чуваша этого времени — ответа в произведении читатель не находит [История. С. 145—146].

О бесчинстве местных властей писал и С. Михайлов (Яндуш). Например, в рукописи его статьи, отправленной в Русское географическое общество под грифом «секретно» (19 марта 1856 г.) имеется следующий многозначительный абзац: «Что местные власти дурно управляют чувашами и во зло употребляют благонамеренные распоряжения правительства, то этому примеров было довольно и изъяснить их не для чего, ибо как в прежние, так и нынешние

годы наряжаемы были по жалобам инородцев неоднократно особые комиссии для открытия главных виновников зла, которые комиссиями были открываемы и передаваемы суду. В последний раз была подобная комиссия в 1848 и 1849 годах в лице состоящего при Министерстве государственных имуществ коллежского советника Ордынского с жандармским советником из Санкт-Петербурга. Но за всем тем должно сказать, что писари и старшины чуваш[ей], близкие им по службе, пользуясь их трусливостью, вместо защиты от их притеснения и водворения между ними добрых нравов, являются сами первыми притеснителями и бывают примером для разврата, отчего в подчиненных им чувашах теряют всякое к себе доверие и заставляют смотреть на себя как на врагов. Не говорю уже здесь о лицах, занимающих высшие инстанции...» [Михайлов 2004. С. 177].

Далее вспомним некоторые диалоги из произведения С. Михайлова (Яндуша) «Разговор на постоялом дворе» (1859):

«— У вас здесь народ барский или вольный?

Старуха: Нету, все вольной, да все орда, чувашки.

— Разве чувашки народ не бойкий?

Старуха: Вот ты нашел еще бойких. Их недаром зовут трусами: “чуваш — юваш”. С кого же брать деньги, как не с них. В нынешнее лето писаря на порядках посбирали с них калым.

— За что?

Старуха: По умышленному-то набору. Застращали их, бедных, как овец: с кого 10, с кого 20, а с кого 30, с кого 50, а с иного сорвали и по 100 целковеньких. Недаром говорят, что наш голова отправил несколько тысяч в ломбард.

— А кто ваш голова, ведь, такой же чувашин?

Старуха: Нет, родимый, не такой чувашин, а из городских мещан; был прежде писарем, да записался в крестьяне, в чувашскую деревню, да и сделался головой, да и стал пуще прежнего всех надувать. Прежде были головы из чуваш, не умели так плутовать. Где чувашину так обманывать!

— Есть ли у вас еще такие головы?

Старуха: Коли нет. Таких плутов ведь любят. Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуры драть. Нет житья от них бедным чувашам. [...]»

Не простой же народ любит таких плутов, а лица, занимающие высшие инстанции! Писать о последних, как совершенно верно замечает В.Д. Димитриев, в те годы «было небезопасно» [Михайлов 2004. С. 465]. С. Михайлов находит решение назревшего конфликта в просвещении простого народа, а также в защите и покровительстве его «от стеснительных действий волостных и сельских начальников» [Михайлов 2004. С. 180]. Как известно,

новая, дополнительная система управления государственными крестьянами (введение параллельного окружного управления) в 1839—1843 гг. привело к тому, что «количество чиновников, управляющих чувашскими крестьянами, увеличилось вдвое. Акрамовская война 1842 г. была направлена против введения нового управления» [Михайлов 2004. С. 470].

В мае 2022 г. исполняется 180-летие со дня крупнейшего восстания чувашского крестьянства в 1842 г. против царизма. Еще в год векового юбилея в Чувашском государственном издательстве был издан сборник архивных документов по крестьянскому движению среди чувашей в XIX в. [Восстание]. В нем опубликовано всего 115 документов, которые убедительно доказывают усиление в том столетии крепостнического и национального гнета самодержавия среди нерусских народов Поволжья. Для наглядности ознакомим читателя отдельными пунктами донесения симбирского жандармского полковника Маслова шефу жандармов графу Бенкендорфу от 11 августа 1831 г.: «Причины, по которым народ сей (чувашский. — *В.Р.*) более подвержен угнетению, нежели русские, суть следующие:

1. Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное, и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества: даже самый благонамеренный исправник есть бесполезный начальник над народом, если он занимается только одной расправой и следственными делами. [...] Чуваши — они не токмо, чтобы иметь какое либо понятие о законах русских, но даже и говорят немногие по-русски, так чтобы можно было их понимать без собственного их же истолкования; с таким недостатком, что значит честный чувашин при следствии, перед судьей своекорыстным, все равно, что безгласная овца; его словам дают такой оборот, какой нужен следователю; руку за него прикладывает церковнослужитель, обязанный держать руку следователя потому, что и сам имеет с ним равное ремесло. [...]

4. Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество; но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив; сделанная ему малая услуга обязывает его на целую жизнь благодарностью; трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани волжского хлеба. С таковыми качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее

имеет к нему уважение, как к выючному скоту. Русский крестьянин никогда бы не дал так себя притеснять, он лучше умел бы объясниться на своем языке о том, что ему нужно; чувашин же есть внутри России иностранец. [...].

Как поступают чиновники с чувашами в случае открывающихся дел, и какие употребляют способы к собиранию с них денег. [...]

4. Объявится ли рекрутский набор, — тут волостным писарям, как посредникам между народом и земской полицией, открывается удобный случай брать деньги с народа. [...] Где такой бедняк может найти себе защиту? Судья есть его притеснитель, писарь — истинный тиран [...]

5. Случится ли пропажа лошади в каком либо селении и понятые, шедши по следам оной, придут в другое селение, к которому хотя и след вел, но пропал. Лошадь не отыскана, но писарь, по введенному противозаконному обычаю, тотчас собирает от рубля, и иногда до пяти рублей с души за не отвод посялнами следа. [...]

6. Ужасное лихоимство поселилось и в самом духовенстве. Поступки большей части церковнослужителей с чувашами не лучше писарских и судейских. Для них смерть чувашина, особенно богатого, умершего без исповеди или причастия, есть хлебное дело. За похороны такого покойника берут от 10 до 100 рублей, угрожая, в случае неплатежа, донести начальству, которое должно приехать с лекарем, дабы разрезывать мертвеца [...].

7. Свадьба у чувашей есть также источник доходов судейских и священнических. [...] Возмущаемый в самых естественных побуждениях своих служителем алтаря, угнетаемый своими начальниками, чувашенин ожесточается сердцем, делается нечувствительным и хладнокровным ко всему его окружающему; он беспрекословно выполняет прихоти всякого подъячего, рассыльного, проезжего. Не уверен в своей собственности и личной безопасности. Какие он должен иметь мысли о господствующем народе и религии, недавно принятой, видя такие поступки светских и духовных судей своих? [...]» [Восстание. С. 23—31].

Такова была действительность в окружении чуваша 30—50-х гг. XIX в. Образы покровителей (благодетелей) и врагов простого чувашского крестьянина из реальной жизни (царь — чиновники местной власти — простые чуваша-крестьяне) перешли мифологический мир (Бог — Пўлѣхсѣ — чуваша-земледельцы). Не случайно же в обрядовых песнях рядом с Богом чуваша ставили Пўлѣхсѣ (> Пўлѣх), который, как мы уже отметили, в XIX в. получил

полномочие не исполнять предписания самого *Турă*. Так отразились правительственно-административные отношения в Чувашском крае в сознании и бессознательных образах картины мира чувашского этноса.

Этнические константы чувашей задают такую адаптационную схему, которая, как и у финнов, «строится на более или четкой локализации злого начала вне пределов себя, своего этноса» [Лурье. С. 308]. Мы в своих статьях писали, что этнические константы чувашского народа формировались в период сложения Казанского ханства на основе противопоставления «другому» (мусульманско-кыпчакскому). В итоге в чувашской картине мира образ татарина слился с образами «чужого», зла, врага [Родионов. С. 196—197]. После массовой христианизации чувашей «чужими» в чувашской деревне стали русскоязычные церковнослужители, в период Пугачевского бунта которые, с разрешения русских же бунтовщиков, десятками были повешены своими же прихожанами. В XIX в. для чувашских общинников (*ял халăхĕ*) ненавистными врагами стали чиновники местной власти (*кантур сыннисем, тўре-шара*). Так как тогда в волостных правлениях, тем более в губернских органах власти, работали чиновники иноэтничного происхождения, злое начало в чувашской картине мира располагалось, следует полагать, вне пределов своего этноса» [Лурье. С. 471]. Так утверждает и С. Михайлов (Яндуш) в своих статьях и произведении «Разговор на постоялом дворе». Его творения остаются ценным источником для дальнейшего изучения картины мира этноса.

ХУШСА ПАНИ / ПРИЛОЖЕНИЕ

Янтушсен Михала Спиркки

ХАНА КИЛТИ КАЛАҢУ Пёр пайла социалла пьеса

Пьесәри сынсем:

Хана, сёр каҗма киле кёне сын, 37—38 сулсенче, костюм таханна чаваш. Хёрлөрех майахла, сылтам пиче синче, куҗе сывахнерех, пёчек сёве пур. Туллирех келеткелле сутамка арсын.

Карчак, кил хуҗи, чылай пуранна чавашла пелекен ыраҗ хёрарамё, калаҗма юратаканскер. упашки, хула мешене пулнаскер, нумай сул каялла вилне.

Ача, карчак хёрен пёчек ывале, шухаскер, пусма кёпе таханна, урайенче сара уран чупкаласа сурет.

Урама таракан кил хуҗисем. Ёс-пуҗ 1859 сулхи хелле, Ильинка салинче пулса иртет.

Пёрремёш сцена

Хелле. Атал хёрринче ларакан пёр пысаках мар сала³ урамё. Ку ял сыннисем, пурте тенё пекех, е пула тыҗса, е ирген-сүренсене хана киле ярса пуранаҗсё. Урама төрлө кил хуҗисем тани куранать. Урама иртсе пыракан ханана курсассан, хайхискерсем, хайсен килне-сүргне, апат-симёсне ырла-ырла, ханана хайсем патне сёр каҗма кеме тем төрлө илёртсе чёнеҗсё. Хана вара вёсенчен паранса хайне килёшнө, тулашран чипер куранакан пёр сёне пурт умне пырса тарать.(Майсем килмесен, ку сценана авансцена пек те лартма пулат. Ача санарне ылякан тупаймасан, ун синчен карчак каласа паня пек те ыляма май пур.)

Хана (*кил алакне шаккаса*). Килте пур-и? Сёр ыртма кёртетёр-и?

Карчак (*шалтан сася парса, урама тумланна-тумланман тухса тарать*). Сёр ыртма кёресшёнчө-и? (*Ханана тарях пяхса илет.*)
Ма кёртес мар, сёне пурт пушшан янраса ларни йёркелле мар теҗсё.

Хана. Кёресшёнчө сав. Сирён сёне суртар мана пите килёшрё.
Эсир йышлай пуранатар-и вара?

Карчак. Йышли-мёне, халё килте манукпа иксёмёр сёс-ха.
Кёсён ывалампа хёрем тин сёс пускиле варттан ёске тухса кайрёс.

³ Ун йышши сала Чикме уесёне Тутаркасси вуласне кёне Ильинка сали пулна [Михайлов 1972. С. 243]. Унта 1-мёш сыравра (1857—1858) 76 арсын тата 94 хёрарам пуранни палла. Вёсен пёр пайё хула мешенёсем, тепёр пайё вара чаваш хресченёсем пулна. Тёпрен илсёсён, вёсем пула тытса тата килен-каянсене сёр ыртма ярса пуранна.

Унта калава⁴ хайён арәмепе ханана килмелле терёс те, савсене курмалла каятпяр терёс.

Хәна. *(тёлённө нек пулать, анчах нимён те шарламасть)* О-о! *(кайтах йөплерех)* Чаплә хәнасем ёнтё, нимён те калаймән. Упәшкәр ашта вара?

Карчак. И-и, вәл сёре кёни чылай пулать ёнтё... Атьяр, кёрёр-ха, кёрёр, урамра каласса тәрар мар.

Хәна карчакпа пөрле картишнелле кёрсе каять. Кил алакё хупанать. Урамри кил хуҗисем аманса та кевёссе пәхса тәрса юласё. Кёсех пар лашаллә, кумеллө суна ёрөхтерсе иртни куранать (е илтөнет). Ямшакпа шәнкәрав сасси малтан сывхарса килнөн, кайран инсетелле кайнән илтөнет. Вуләс пусләхө арәмепе ханана килчө иккен. Уйрам сасәсем илтөнөсчө: «Федор Иванович майрипе ханана килте!», «Каллех укса пустарма ситрөс пулө!», «Чаваш мурөсем!» тата урәххисем те.

Иккөмөш сцена

Пүртре темисө пүлөм, вөсем таса, ашә, стенисем синче йөри-таврах төрлө, чылай хитре, рамәсемпе хәрталанә картинәсем саканса тәрәсчө; кунта Рәссей патшисен сәнөсем те, иртнө вәрсә сапәсәвөсене катартакан үкерчөксем те пур. Көмөллөтөсө пөтернө турәшсем, стена синчи сөхет, сәрланә сөтел-пукан, сәмавар тата килти ытти чипер әпәр-тапәр. Саксем кил хуҗи хөрарәмө чылай тирпейлө, йөркеллө сын пулнине катартаччө.

Карчак *(хәнана пүрте илсе көрет, пөр пүлөм алакө еннелле утса)*. Ку сирөн пүлөм пулать.

Хәна. *(пүлөм алакөнен иртмөсөрөх шалалла пәхса)*. О-о! Епле таса тата ашә кунта! Сапла хәтлә пүлөмре канса кайма питө кәмәллә пулөччө. Эпө килөшетөп сирөн патәрта сөр казма.

Карчак. Апла пулсан, хывәнәр, ырнасар, килти нек пуләр.

Хәна. *(хывәннә майән)*. Чей лартма май сук-ши?

Карчак. Ма ан пултәр. Ёс пусличен чей ёсмелле төсчө ыраөсем. Эппин, эпө сәмавар лартма каям-ха, сул синче шәнтәр пулө, чей ёссен сийөнчөх ашәнәр ак. Эсир кунта хуҗаланәр, хәюлләрах пуләр *(сөтел синчи сәмавара йәтса тухса каять)*.

Хәна. *(стена синчи картинәсене пәхнә май)*. Кәлава... тиек... *[Көсийинчен пөчөк типтер (тетрадь) кәларса унта сырнисене пәхкалать те ырынән-ырынән вулама пуслать]*. «Местные власти дурно управляют чувашами и во зло употребляют благонамеренные распоряжения правительства...» *(чарәнса кирлех мар ыраөсене саспа вуламасяр хәварать, унтан каллех вулама пуслать)*, «писари и старшины чувашей, близкие с ним по службе, пользуясь их трусливостью, вместо защиты от притеснения и водворения между

⁴ Кәлава < (ыраөсла «голова» — вуләс пусләхө).

ими добрых нравов, являются сами первыми притеснителями и бывают примером для разврата, отчего в подчиненных им чувашах теряют всякое к себе доверие и заставляют смотреть на себя как на врагов (*палартнă сăмаха тепĕр хут пусса калать*). Не говорю уже здесь о лицах, занимающих высшие инстанции»... (*вулама чарăнат*). Ку статьяма эпĕ Вырăс географи обществине 1856 сұлтах ярса парсаттăм, ку таранччен те хурав пулмарĕ...⁵ Чăваш тăшманĕ вĕсемшĕн тăшман мар çав...

Çав хушăра сцена çине пĕчĕк ача çавăтнă карчăк тухать, лешĕ кукамăшĕн аллинчен вĕçерĕнсе чупкалама та сиккелеме пуçăнать. Кукамăшĕ ача «Поздоровайся с барином» тенĕ хыççăн лешĕ: «И я барин! И я барин!» тесе хăна тавра сиккелесе илет.

Карчăк. Мĕн тăван çав ашкăнчăка! Вăл иккĕмĕш хĕрĕм ывăлĕ-ха, çывăратчĕ те, вăратас терĕм. Ашшĕ малтан салтак сĕсчĕ, хай тăрăшнине офицера çити ўсрĕ, ашшĕ-амăшĕ çав чăрсăра вăхăтлăха пирĕн патра хăварчĕс-ха. Ашшĕ офицера тухнине пĕлекен ача ют çынсен умĕнче яланах çапла аташса сұхăрашат вара.

Хăна (*те чăнласа, те йĕплесе каланăн, иккĕлĕ анланмалла*). Улпут тесе чĕнни хресченне мещен мăнукĕсемшĕн пысăк чыс ĕнтĕ вăл... Ачаранхи ĕмĕт...

Карчăк (*тем астунăн, сăмаха пăрса*). Сăмавара кайса пăхам-ха, вĕресе тухрĕ те пулĕ (*пăсланса тăракан сăмавара илсе кĕрсе сĕтел çине лартать, ку вăхăтра хăна ачапа калаçма е выляма та пултарать*). Кăмрăкĕсем чĕрĕрех пулчĕс-ши — çийĕнчех вĕреме кĕреймерĕ. Ёсме пултаратăр (*чей куркине сахăр лартса парать*).

Хăна. Пĕрле ёсĕпĕр, ман сирĕн сала хыпарĕсене ыйтса пĕлес килет, урамра пуçланă калаçăва та вĕслеймеччĕ-ха...

Карчăк (*чей куркисене вĕри шыв тултарнă тата чей ёснĕ май*). Упăшкам ман хула мещенĕччĕ. Вăл сĕре кĕрсен пирĕн виçĕ ывăлпа виçĕ хĕр ашшĕсĕр тăрса юлчĕс. Ывăлсенчен пĕри, салтака кайса, унтер-офицера ситрĕ, иккĕмĕшĕ уйрăлса тухрĕ, хайĕн хушăлăхĕпе пурăнать. Кĕçĕнни вара, кăлавапа арăмне курма кайни, тĕпкĕче юлчĕ, хама пăхаканĕ ĕнтĕ. Аслă хĕрĕм хамăр ял хресченнех качча тухрĕ, иккĕмĕшĕ (*аллине ача енне кăтартса*), çак шĕпĕнĕн амăшĕ, каларăм ĕнтĕ, офицер арăмĕ пулса тăчĕ, кĕçĕн хĕрĕм качча кайман-ха, халлĕхе килтех. Вăл та кăлавапа арăмĕ епле хăналаннине курма кайрĕ.

Хăна (*аякинеллерех пăхса, хулентерех, хай тĕллĕн*). Автан тукмакне çинине кантăкран курнă пек ĕнтĕ... (*чей ёснĕ май*). Ну, юрĕ, мĕнле те пулин сĕнĕ хыпар пур-и сирĕн патăрта?

⁵ Ку статьян алсырăвĕ халĕ Раçсей аслăлăх академийĕн Питĕрти уйрăмĕн архивĕнче упранать [Михайлов 1972. С. 381].

Карчăк. Пулмасăр, ыра сынна̄м, пур ёнтĕ вăл, пу-ур!

Хăна. Мён сённи вара сирён?

Карчăк. Акă пирён патăмărта тиексем сăмрăксене никрута сырса сўрессĕ тет. Саванпа нумайăшĕ хыпăнса ўкрĕ. Салтака кашни пин чунтан сирём сын илсе каймалла теçсĕ.

Хăна. Никрут пухасси синчен мёнле анчăк килсе вёрсе хăварчĕ вара сире?

Карчăк. Начальниксем ёнтĕ, вулăс кăлависемпе тиекĕсем, паллах.

Хăна. Суяссĕ вёсем, кинемей; кăсал салтака никама та илмессĕ. Ёпĕ хам аслă пуслăхсем патёнче ёслесе пурăнатăп, саванпа та никама та илес суккине лайăх пёлетĕп. Ку чухне, турра шёкĕр, самани лăпкă тăрать.

Карчăк (*ёненмесёртерех*). Ара, ыра сынна̄м, кăсал салтака чăнласах илмёс-ши вара?

Хăна. Чăн, чăн-чăнах, кинемей, улталамастăп; кирек камран та ыйтса пёлме пултаратăн.

Карчăк. Мар-мар, ыра сынна̄мăр, апла мар-тăр. Кăлавапа тиексем кунти хресченсене акăш-макăш хăратса пётерчĕс. Мён чухлĕ укса пустармарёс пулĕ вёсем кунти халăхран, темиçе пин те пулĕ.

Хăна. Мён тери айван иккен сирён мужиксем, чипер ыйтса пёлмесёрех улталанаçсĕ — укса тёкессĕ.

Карчăк. Хăшĕ-пёри Чикме хулине те, начальниксем патне, ситсе килчĕс те, унта та уçси-хуппине пёлеймен. Лешсем те савнах перессĕ пулас.

Хăна. Ухмахах пуль сирён мужиксем: вёсен ултавсăсенчен мар, тўрĕ чунлă сынсенчен ыйтса пёлмелле пулнă. Кăсал, 1859 султа, салтака илмессине ёпĕ лайăх пёлетĕп, малалла мён пуласси вара паллă мар-ха.

Карчăк. Сапла ёнтĕ вăл, ывăлăм, саплах. Пирён вулăс пуçĕ вара питĕ сыпма юратать. Арăмĕ те (*туса кăтартать*) — акă епле армак-чармакланса кайнă; сарăлса каймашкăн майё пур курăнать...

Хăна. Сирён, кинемей, мён хăрамалли пур кăлаваран, эсир, хула мешенёсем, ана пăхăнмастăр-ис, ирĕклĕ.

Карчăк. Саплине вăл, ывăлăм, саплах-ха. Манăн пёр кёрў хресчен-ске, вăл салтака каякансен черетёнче тăрать сав.

Хăна. Салтака илме вăхăт ситсен, малтан шăпа туртаçсĕ-ске. Пурин те уксалла тăрса юлмалла мар ёнтĕ, патшапа сёршыва камăн та пулсан хўтёлемеллех.

Карчăк (*хăна каланине илтмёш пулса*). Кёркунне никрутсене сырса сўренĕ чухне кăлава унран та самаях шайăрнă пулас, аллă

тенкё таранах-тър. Ан улталан тессё мар-и: сартган въл пулă сывърса каясран кирлё, тенешкел.

Хъна. Ун йышши ултавсем сирён чылай пулас?

Карчăк. Пулкалассё сав, ыра сынна̄м. Върман улпучё те, авă, темён чухлё вёшле йытă усрать. Сав йытăсемпе въл кёске хўре мулкасене мар, пирён сурăхсене туллаттарать.

Хъна. Юрăхсър ёс ку. Пуслăхсене пёлтермелле ун сінчен.

Карчăк. Эй, ыра сынна̄м, усси пурпёр пулас сук. Ун сінчен сџав сырсан, ўлёмрен въл вутăлăх пёр турат та памё.

Хъна. Халё парать-и вара?

Карчăк. Пире халё те памасть-ха, хресченсене вара паркалать; лешёсем върман улпутне укса та, сёлё те лесе-лесе парассё те.

Хъна. Сирён кунта улпут хресченёсем-и е ирёклисем?

Карчăк. Пурте ирёклё хресченсем, чăвашсем. Ёлёк вырăссем вёсене урта (орда) тесе калатчёс, тет.

Хъна. Чăвашсем шухă халăх мар-им вара?

Карчăк. Ну тупрăн та шухă сынсене. Ахальтен мар вёсене: «Чăваш — йăваш» тенё. Уқсине вёсенчен шайърмасан, камсенчен илес-ха тата? Кăсал сулла тиексем вёсенчен сахал мар хулам сăптăрчёс.

Хъна. Мён сăлтавпа?

Карчăк. Ара, салтака илесси пирки суя хыпар сарса. Вёсене, мёскёнсене, сурăхсене хăратнă пек шуйхатрёс: хăшёнчен вуннă, хăшёнчен сирём, хăшёнчен вăтър тенкё, теприсенчен сёр тенке ситиех сăптăрса илнё. Пирён кăлава ломбарда (банка) темиşe пин укса кайса хывнă тесе ахальтен каламассё ёнтё...

Хъна. Сирён вулăс пуслăхё хăш халăх сынни, ыттисем пек чăвашах пулё?

Карчăк. Сук сав, ыра сынна̄м, ыттисем пек чăвашах мар сав, хула мешенё пулнăскер; малтан, тиекре ёсленё чухне, чăваш хресченёсен йышне сырăннă та, вара кăлава та пулса тăнă. Ун хыссан вара пурне те малтанхинчен ытларах ултала пусларё.

Хъна. Ун йышши кăлавасем сирён таврара татах та пур-и вара?

Карчăк. Пулмасър. Ун йышши чее ултавсёсене сўлерех лараканнисем юратассё-ске. Ку чухне мёнпур чăваш хутлăхёнче саван йышши, чёрё сынран тирне сёвсе илме пултаракан кăлавасене лартса тухнă. Мёскён чăвашсене вёсем пуранма памассё. Усал ёс шухăшласа кăларас телёшрен вара сав тери чее. Авă хамър кăлавана Федор Ивановича илер-ха: вулăс пуслăхёнче въл пёр пилёк сул ларё те, купсана тухса, върманти йывăсене сутас ёспе айкашма пуслё.

Хăна. Йывăç сутас ёç çамăлтарах-и мён?

Карчăк. Ма çамăл ан пултăр. Хысна вăрманёсене чи малтан купасем пётересçё: вăрман улпучёсем вёсене ирёк панă-ске. Пурте иртёхесçё: кăлависемпе вёсен тиекёсем те, вăрман улпучёсем те...Э-хе хей! Хура халăхшăн хăсан лайăхланё-ши ку пурнăç?

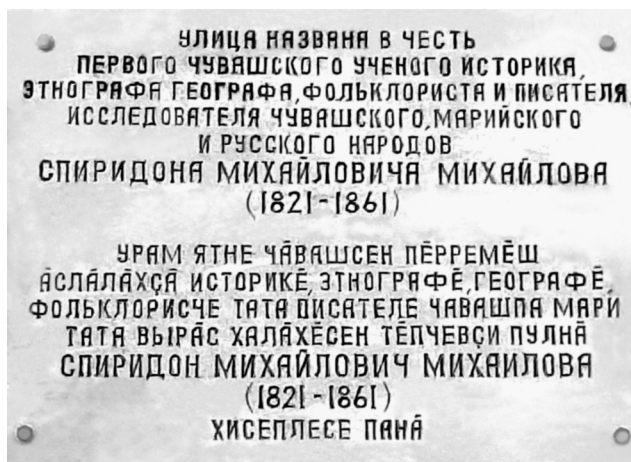
Хăна. Ку çутăлăх ёмёрёнче вёренес пулать, кинемей. Сирён ялта прихут училищи пурччё пулас. Çавăн йышши вёренмелли шкулсене тавраллах уçмалла: Чемейпе Ишекре, ытти чиркўллё ялсенче тёп шкулсем пулмалла, вёсенче Христос тёнён йёр-кисене тёплёнрех аңлантармалла, чиркў кёллисене чăвашла вулаттармалла тата юрлаттармалла, ытти аслăлăхсене тарăнрах вёренмелле. Тётём чăвашсен ачисем сырма, вулама сёç мар, тёрлё саккунсемпе палашма, хайсене сут таврашёнче хўтёлеме пултарччăр! Çапла пулсассăн тин чăваш хисепе тухё, хайёнчен мăшкăллама никама та ирёк памё. Ултавçă кăлавасемпе тиексемшён тинех хуйхă вăхăчё ситёччё!

Карчăк. Çапла пултăрччё ёнтё, ыра сыннамар. Çапла пултăрччё, ёччё...

Хăна (*чаршав хупăннă май кёсье типтерне ала илсе темён сырма пуçлать*).

Вёçё.

Чăвашла куçарса пьеса пек йёркелекенё
Артивансен Сăварё.

Мемориальная доска на улице
Спиридона Михайлова (г. Чебоксары)

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Арчиков — *Арчиков Е.И.* География Чувашской Республики: учеб. пособие. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1995. 92 с.

Ашмарин 1960 — *Ашмарин Н.И.* Заметки по чувашской диалектологии // *Материалы по чувашской диалектологии. Вып. 1.* Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 65—79.

Ашмарин 1898 — *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Ч.1. Фонетика. Казань, 1898. XXI + 392 + XIX с.

Ашмарин 1928 — *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. 1. Казань: Тип. «Красный Печатник», 1928. 335 с.

Ашмарин 2003 — *Ашмарин Н.И.* Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 410 с.

Вишневский — *Вишневский В.П.* Письменная культура раннего просветительства / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во чуваш. ун-та, 2004.

Восстание — Восстание чувашского крестьянства в 1842 году / Сборник архивных документов / Сост. П.Г. Григорьев и Р.С. Семенова. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1942. 283 с.

Григорьев — *Григорьев В.В.* Жизнь и труды П.С. Савельева. СПб, 1861.

Егоров — *Егоров Н.И.* Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнокультурология. В 2 т. Чебоксары: Новое время, 2009. Т. 1. 854 с.

История — История чувашской литературы XVIII—XIX веков: коллективная монография, ЧГИГН. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с.

Комиссаров — *Комиссаров Г.И.* О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 9—212.

Лурье — *Лурье С.В.* Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.

Милюкович К. Быт и верования чувашей Синбирской губернии (Из записок уездного землемера Милюковича, 1783 г.) // *Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. XXII. Вып. 1.* 1906. Казань: Типо-литограф. имп. ун-та, 1914. С. 38—60.

Михайлов 2004 — *Михайлов С.М.* Собр. соч. / Сост. и предисл. В.Д. Дмитриева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

Михайлов 1972 — *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / Сост. и предисл. В.Д. Дмитриева. Чебоксары: Чуваш. НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1972. 423 с.

Родионов 2006 — *Родионов В.Г.* Чăваш литератури. XVIII—XIX ёмĕрсем: Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2006.

Родионов 2017 — *Родионов В.Г.* Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.

Савельев 1855 — *Савельев П.* О жизни и трудах Доржи Банзарова. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1855.

Сбоев 1851 — *Сбоев В.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Ч. 1. Заметки о чувашах Казань, 1851.

Сергеев — *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка. Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. А—Р. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 470 с.

Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001.

ТУПМАЛЛИ / СОДЕРЖАНИЕ

Кўртём сáмах	3
ЯНТУШСЕН МИХАЛА ЫВÁЛЁ СПИРККА (1821—1861)	
Славянсáсем тата малтанхи чáваш тёпчевсисемпе сыравсисем	5
Пултарула́хри малтанхи ута́мсем, сыравса пула́шаканёсем	10
Драматургин малтанхи калчисем	16
Халáхмáр пирки шухáшласа	20
СПИРИДОН МИХАЙЛОВ (ЯНДУШ, 1821—1861)	
Василий Лебедев (1813—?) и славянофилы	26
«Пробивая себе дорогу без покровительства и средств...»	32
Кто автор книги «Чува́шские разгово́ры и сказки»?	37
«Из миллиона чуваш[ей] и черемис я первый еще писатель в России»	46
«Явилась мне звезда Валаамова от Иакова...»[Творчество С. Михайлова (Яндуша) в оценке его современников]	50
Труды С. Михайлова (Яндуша) по некоторым проблемам исторической этнологии	56
Творчество Спиридона Михайлова (Яндуша) и чувашская картина мира Нового времени	72
ХУШСА ПАНИ / ПРИЛОЖЕНИЕ	84
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	90

Творческий портрет

Родионов Виталий Григорьевич (Ѓртивансен Сăварё)

**ЯНТУШСЕН МИХАЛА СПИРККИ
СПИРИДОН МИХАЙЛОВ (ЯНДУШ)**

*В авторской редакции
Верстка Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать 22.11.2021. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Times.
Физ. печ. л. 5,75. Уч.-изд. л. 5,1. Тираж 100 экз. Заказ № 10.

Отпечатано в РИО БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1

